

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. Н. Головина,

у Владимирской церкви, домъ № 15, кварт. № 3.

1870.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.
ТОМЪ I.

Годъ первый. ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ЮНЬ. 1870 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ:

I. Объ изданіи «Русской Старины»	1	XI. Записки М. И. Глини 1804-1854 гг. части I и II.	313
II. Военный бытъ въ Великомъ Новгороде XI—XV ст. Исслѣдованіе А. И. Никитскаго	5	XII. Указы, рескрипты, письма: Петра I, Екатерины I, Анны Ивановны, Ивана Антоновича, Павла I, императрицы Маріи Федоровны, импер. Александра I и Николая Павловича. 1705-1826 гг.	389
III. Журналъ генералъ-фельдмаршала кн. М. Ю. Трубецкаго 1717-1763 гг.	33	XIII. Письма, рассказы и замѣтки относящіяся до государ. дѣтелей: кн. М. М. Щербатова, гр. Аракчеева, кн. М. И. Голенищева—Кутузова—Смоленскаго; гр. П. П. Коновницына, генер. Фуля, А. С. Шишкова, архимандрита Фотія и И. Н. Скобелева, 1789-1826 гг.	478
IV. Записка придв. брѣвлящика Позье 1729-1764 гг. в пис. Пискара 1781 г.	128	XIV. Русскіе писатели XVIII-го вѣка: Олешевъ и Дмитріевъ—Мамоновъ, исслѣд. М. Н. Лонгинова	541
V. Записки Лагарпа о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичей 1786-1789 гг.	152	XV. Русскіе писатели XIX-го вѣка: К. Н. Батюшковъ, кн. А. И. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, Н. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, П. А. Полевой и Ф. Ф. Вигель	549
VI. Воспоминанія гр. Коновницына, адмирала Колзайнова, А. П. Степанова, сенатора М. Д. Дамилова, Н. А. Титова, А. П. Моръ, генер. М. Г. Сигунова 1808-1826 гг.	207	XVI. Некрологъ: о М. Я. Морошкѣ. († 15 апрѣля 1870 г.).	579
VII. Записки М. А. Бестужева: I. Братья Бестужевы. II. Стѣнная азбука въ Петроп. крѣпости 1820-1826 гг.	253	XVII. Библ. листокъ рус. истор. книгъ . 1-20	
VIII. Бунтъ военныхъ посланцъ, рассказы очевидцевъ: о. I. Парова и П. М. Дирина 1831 г.	275		
IX. Записки императора Николая Павловича о Прусскихъ дѣлахъ 1848 г.	289		
X. Оборона Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ 1854 г., записки контръ-адмирала А. П. Арбузова	298		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. части I—IV., письма 1—47., съ портретомъ и 22-ма рисунками, исполненными авторомъ и гравированными акад. Л. А. Сѣряжковскимъ. Въ статьѣ А. П. Арбузова приложенъ планъ Камчатскаго порта въ 1854 г., испол. въ картогр. завед. А. А. Ильина.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Печатня

1870.

В. Н. Головина,

1761. Декабря 27. По вступленіи на престолъ государя императора Петра Третьяго, пожалованъ я отъ его величества въ преображенской полкъ подполковникомъ въ СПетербургѣ.

1762. Іюня 9. (При торжествѣ заключенія съ Пруссіею мира, его императорское величество пожаловалъ меня Л. Г. въ преображенской полкъ полковникомъ *)).

1762. Февраль 5. По высочайшему ихъ императорскихъ величествъ соизволенію, былъ я опредѣленъ Главнымъ во управленіи погребенія тѣла, блаженныя памяти въ бозѣ успія императрицы государыни Елисаветы Петровны, въ Санктъ-Петербургѣ.

1762 годъ. Сентябрь 22. По высочайшему ея императорскаго величества великой государыни императрицы Екатерины Второй повелѣнію, при высокаторжественной ея величества коронаціи въ Москвѣ, благополучно совершившейся, былъ я верховнымъ маршаломъ.

И для того ради приуготовленія всего потребнаго къ тому торжеству, 9 іюля поѣхалъ я изъ С.-Петербурга въ Москву, буда 15 числа и пріѣхалъ.

1763 годъ. Іюнь 9. Высочайшею ея императорскаго величества, по всеподданнѣйшему моему прошенію (милостію) уволенъ я какъ отъ воинской, такъ и отъ гражданской службы вѣчно, съ произвожденіемъ по смерть мою полного, по чину моему, жалованья и, сверхъ того, пожаловано мнѣ денегъ пятьдесятъ тысячъ рублевъ и повелѣно, когда я буду въ резиденціяхъ, давать мнѣ пристойной караулъ другимъ не въ образецъ.

Сообщ. Н. П. Дуровъ.

ЗАПИСКИ ПРИДВОРНАГО ВРИЛЬЯНТЩИКА ПОЗЬЕ О ПРЕВЪ- ВАНІИ ЕГО ВЪ РОССІИ.

Съ 1729 по 1764 г.

(Переводъ съ французской, незаданной рукописи).

Литература русской исторіи XVIII вѣка не богата печатными мемуарами. Въ самомъ дѣлѣ, если мы назовемъ: Болотова, Библикова, Грибовскаго, Данилова, княгиню Дашкову, Державина, Дмитріева, Екате-

*) Эти послѣднія строки, поставленныя въ скобкахъ, въ подлинникѣ зачеркнуты княземъ Н. Ю. Трубецкимъ.

Ред.

рину Ц, Нащокина, Неплюева, Порошина, Храповицкаго, Мертваго, князя Шаховскаго, кн. Щербатова, Энгельгардта, то едвали не перечислимъ, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ составителей изданныхъ записокъ, русскихъ людей, сохранившихъ для отечественной исторіи сказанія о событіяхъ и дѣятеляхъ XVIII вѣка; что касается до записокъ иноземцевъ о Россіи, то тутъ мы имѣемъ предъ собой значительно большее число лицъ, повѣствовавшихъ о Россіи. Впрочемъ, если послѣдняго рода мемуары значительно превышаютъ первую группу въ количествѣ, то этого никакъ нельзя сказать о ихъ качествѣ. При этомъ нельзя не замѣтить, что большинство иноземцевъ, бывшихъ въ Россіи XVIII вѣка и писавшихъ о ней, почти исключительно принадлежатъ къ высшему кругу. Но вѣдь за этими графами Гордтами, Гельбигами, Манштейнами, Минихами (отцомъ и сыномъ), Бюшингами, Дюками-Лирійскими, гр. Сегюрами, лэди Рондо, за этою вереницею пословъ, посланниковъ и секретарей посольствъ разныхъ иноземныхъ дворовъ, трактовавшихъ о Россіи въ своихъ мемуарахъ, или въ депешахъ, тамъ и самъ въ послѣдствіи появившихся въ печати, — были тысячи иноземцевъ изъ простыхъ людей, были же разнаго рода, такъ сказать, мелкой сошки служилые люди: ремесленники, мастеровые, толпами стремившіеся въ теченіи XVIII вѣка изъ нѣмецкой земли, Франціи и въ особенности изъ Швейцаріи въ льдистую Московію, съ цѣлю составить себѣ fortuna? Неужели никто изъ этихъ лицъ не оставилъ по себѣ записокъ? Это было бы чрезвычайно грустно для любителя отечественной старины, такъ какъ именно ремесленники-иноземцы, люди не стоявшіе на разныхъ ступеняхъ служебной іерархіи, не увлеченные духомъ партій, болѣе первыхъ чуждые личнымъ предубѣжденіямъ противу тѣхъ или другихъ лицъ, стоявшихъ у кормила правленія Россіи, отнеслись бы къ предмету своихъ сказаній гораздо безпристрастнѣе и трезвѣе служилой знати и представителей иноземныхъ дворовъ. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, намъ почти неизвѣстны мемуары именно этого послѣдняго рода. Погоня ли за быстрой наживой, работа ли въ магазинахъ, кладовыхъ и мастерскихъ, но было что-то, что всецѣло поглощало жизнь иноземца-ремесленника и купца и онъ менѣе всего думалъ о запискѣ видѣннаго и слышаннаго и о завѣщаніи потомству воспоминаній о своемъ пребываніи въ Россіи. Кончалъ пришлый иноземецъ свою работу въ этой странѣ, наживалъ деньги и „отрасая прахъ отъ ногъ своихъ“, спѣшилъ доживать вѣкъ свой на родину, въ какое-нибудь захолустье Германіи или въ укромный городокъ Швейцаріи....

Да, эти люди мало пишутъ и теперь, и почти ничего, кромѣ своихъ счетовъ и переписки по коммерческимъ дѣламъ, — не писали въ прош-

ломъ столѣтій. Тѣмъ-то дороже для насъ исключенія. На этотъ разъ примѣръ исключенія составляютъ рукописныя, ни разу еще ненапечатанныя записки Іереміи Позье о пребываніи его, съ 1729 по 1764 годъ, въ Россіи.

Іеремія Позье былъ одинъ изъ иноземцевъ-ремесленниковъ. Вотъ главнѣйшія факты его жизни. Позье родился въ Швейцаріи въ 1716 году. Въ 1729 году, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ Іеремія Позье пѣшкомъ (въ буквальномъ смыслѣ) проходитъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ всю Швейцарію, Германію, Голландію, садится въ Гамбургѣ на корабль и приплываетъ въ Петербургъ въ 1729 году, въ царствованіе Петра II. Дворъ въ Москвѣ;—въ Москвѣ же находится и родной дядя ѳнаго пришельца, Петръ Позье, служащій хирургомъ; на него всѣ надежды, онъ дастъ средства къ жизни брату и племяннику. Но Москва далеко, денегъ—нѣтъ; Позье-отецъ съ трудомъ добываетъ себѣ у одного знакомаго десятокъ эку, пристаеъ къ какому-то извозчику, везшему вино, кладетъ къ нему на телѣгу свой скромный багажъ и пѣшкомъ, вмѣстѣ съ сыномъ, отправляется вслѣдъ за телѣжкой въ Москву. Путешествіе было крайне утомительно. Оно продолжалось шесть недѣль. Разбитые, измученные, не знающіе ни единого слова по-русски, Позье, отецъ и сынъ, добираются наконецъ до Москвы. Здѣсь ихъ ждетъ новое испытаніе: домъ, въ которомъ жилъ ихъ родственникъ, сгорѣлъ, не за долго до ихъ прихода. Въ немъ погибъ весь достатокъ Позье-хирурга. Тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ родныхъ и пристраиваетъ ихъ къ бригадиру Ролану; тотъ записываетъ Іеремію Позье сержантомъ въ армейскій полкъ и отправляется съ нимъ и съ его отцомъ въ Архангельскъ, куда онъ, Роланъ, назначенъ комендантомъ. Въ Архангельскѣ комендантъ скоро умираетъ, споенный на-смерть губернаторомъ. Старикъ Позье возвращается въ Москву и здѣсь, около конца 1731 года, истомленный всѣми скитаніями и неудачами, умираетъ на рукахъ пятнадцатилѣтняго сына, котораго незадолго предъ тѣмъ съ трудомъ удалось ему выписать изъ полка. Несчастный юноша въ совершенномъ отчаяніи. Но предъ нимъ есть возможность честно зарабатывать хлѣбъ: онъ молодъ, здоровъ, способенъ. Отецъ еще передъ смертію договорился отдать его на семь лѣтъ въ ученье, въ Петербургъ, къ придворному брильянщику, французу Граверо. Такимъ образомъ, Іеремія Позье попадаетъ въ Петербургъ; здѣсь онъ учится съ большимъ стараніемъ и не только скоро ознакомливается съ своимъ ремесломъ, но и достигаетъ въ немъ совершенства. Хозяинъ его, Граверо, любитъ сильно покутить и повеселиться, и все заваливаетъ на своего молодого ученика. Работы много. Императрица Анна Іоанновна любитъ брильянты и приказываетъ Граверо

приходить съ рабочими во дворецъ и здѣсь работать на ея глазахъ. Но Граверо часто загуливаетъ и не является; за то на мѣстѣ всегда Позье. Анна Иоанновна его замѣчаетъ; она милостиво говоритъ съ нимъ, предлагаетъ заказы и поручаетъ ему отправиться, въ свитѣ ея посла, въ Китай для закупки тамъ для нея разныхъ дорогихъ вещей. За смертью Анны Иоанновны эта командировка Позье не состоялась. Между тѣмъ онъ выходитъ изъ ученья, и лично извѣстный покойной государниѣ, дѣлается скоро извѣстнымъ и всему двору. Позье открываетъ свою мастерскую, сначала весьма скромную. Искусство въ работѣ, аккуратность въ исполненіи, честность и готовность оказывать, нерѣдко въ большой убытокъ самому себѣ, кредитъ заказчикамъ, обыкновенно разнымъ крупнымъ и мелкимъ придворнымъ лицамъ, — привлекаютъ къ Позье много заказовъ. Фирма его и положеніе при дворѣ вполне обезпечены. Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Елисавета Петровна, Петръ III и Екатерина II послѣдовательно дѣлаютъ ему заказы, часто призываютъ его къ себѣ, говорятъ съ нимъ; — особенно милостиво относится къ нему Елисавета Петровна. Вслѣдъ за особами царской фамиліи, Позье входитъ въ частныя сношенія съ временщиками каждаго новаго правленія: Биронъ, Левенвольдъ, Линаръ, Лестокъ, Шуваловы, Воронцовы, Разумовскіе, принцъ Георгъ Голштейнскій и его семейство, графъ Понятовскій, братья Орловы, — все это его заказчики, знакомые, нерѣдко — какъ напр. Лестокъ — хорошіе пріятели. Представители иноземныхъ дворовъ при русскомъ дворѣ также его добрые знакомые: такъ, напр., роскошный вѣнскій посоль, графъ Эстергази, одолженный важною услугою, оказанною ему Позье, общается послѣдному свою дружбу навсегда; наконецъ, въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны бывали случаи, когда безвѣстный нѣкогда швейцарскій выходецъ являлся посредникомъ въ сношеніяхъ великаго канцлера Россіи съ императрицею. Пять перемѣнъ правленія совершаются предъ глазами Позье: возведеніе на престолъ малютки Иоанна Антоновича, сверженіе регента Бирона, сверженіе правительницы Анны Леопольдовны, возшествіе на престолъ Елисаветы Петровны, возшествіе на престолъ Петра III, волненія въ первые годы царствованія Екатерины II — всѣ эти крупныя событія совершаются въ бытность Позье при русскомъ дворѣ. Онъ не можетъ безучастно къ нимъ относиться уже по тому одному, что онѣ отражаются на заказахъ ему, на его торговой дѣятельности. Но Позье слишкомъ остороженъ, слишкомъ рано усвоилъ всѣ правила какъ держаться и вести себя въ водоворотахъ придворной жизни, чтобъ ввязаться въ какія-либо интриги. Эту осторожность онъ проявляетъ весьма рано: такъ, напримѣръ

довольно близкій съ Лестокомъ (Позье за нѣсколько часовъ до переворота, произведеннаго Лестокомъ въ пользу цесаревны Елисаветы — ужиналъ съ нимъ), сумѣлъ не только не попасть въ число заговорщиковъ, но такъ себя держалъ, что даже вѣтренный Лестокъ не рѣшился подѣлиться съ Позье своими замыслами. Въмѣстѣ съ осторожностью и тактомъ Позье держитъ себя честно и благородно: это не какой-нибудь еврей, армянинъ или грекъ, которыхъ такъ много было въ качествѣ брильянтиковъ-ростовщиковъ и по всякаго рода дѣламъ промышленниковъ при русскомъ дворѣ того времени, и которые разными продѣлками и обманами сколачивали себѣ громаднѣйшіе капиталы, — нѣтъ, Позье скорѣе самъ терялъ, нежели наживалъ и терялъ именно по излишней довѣрчивости, благородству и чрезвычайной мягкости характера. Наконецъ, въ виду безпрестанныхъ обмановъ, которымъ онъ подвергался со стороны многихъ изъ его завазчиковъ, вельможъ русскихъ, швейцарецъ нашъ, испуганный мыслию потерять послѣдній капиталъ, нажитый тридцатилѣтнимъ упорнымъ трудомъ, рѣшается оставить Россію; но къ нему такъ расположена новая монархиня Россіи, Екатерина II, въ его брильянтахъ такъ часто нуждаются придворные, наконецъ вообще Позье до того сдѣлался необходимъ по своей профессіи русскому двору, что еслибы онъ заявилъ о своемъ желаніи навсегда оставить Россію, — то его, какъ онъ самъ рассказываетъ, ни за что бы изъ нея не выпустили. Въ виду этого, Позье прибѣгаетъ къ хитрости и, подъ видомъ кратковременнаго отпуска, уѣзжаетъ въ январѣ 1764 года изъ Россіи — съ женою (нѣмкою изъ Прибалтійскихъ губерній), взрослыми дочерьми и съ небольшимъ капиталомъ, не безъ труда нажитымъ. Капиталъ этотъ далъ возможность Позье мирно прожить около пятнадцати лѣтъ на своей родинѣ, въ Швейцаріи, гдѣ онъ и умеръ 2-го или 30-го (точно неизвѣстно) декабря 1779 года.

Неизвѣстно, въ какомъ именно году написаны Позье представляемые здѣсь записки. Вѣрно только то, что онѣ написаны по возвращеніи уже его изъ Россіи въ Швейцарію, написаны 'наскоро, безъ особыхъ справокъ и строгой послѣдовательности, и съ главною цѣлью очертить прежде всего крупнѣйшія обстоятельства своей собственной жизни и торгово-ремесленной дѣятельности. Всѣмъ этимъ вполне объясняются слѣдующія обстоятельства: 1) сбивчивость хронологическихъ указаній въ запискахъ. Въ этомъ отношеніи записки Позье сильно грѣшатъ; авторъ зачастую дѣлаетъ неточныя показанія о времени событія, нерѣдко повѣствуетъ о фактѣ позднѣйшаго времени прежде событія предъидущихъ годовъ, и вообще гдѣ того или другаго событія либо вовсе не называетъ, либо указываетъ на

него въ общихъ выраженіяхъ; 2) обо многихъ важныхъ политическихъ событіяхъ, сопровождавшихъ возшествія на престолъ государей, Позье рассказываетъ не столь подробно, какъ бы это могъ сдѣлать, по своимъ близкимъ отношеніямъ ко двору, что, впрочемъ, не мѣшаетъ передаваемымъ имъ замѣткамъ о переворотѣ 1741 и въ особенности 1762 года быть довольно важными и интересными; 3) въ отзывахъ своихъ объ особахъ высоко стоявшихъ Позье чрезвычайно остороженъ, что не мѣшаетъ ему однако передавать въ высшей степени драгоценныя черты для характеристики Анны Іоанновны, и въ особенности Елисаветы Петровны и Петра III*). Эти черты тѣмъ драгоценнѣе, что онѣ сообщаются человѣкомъ, бывшимъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ этими лицами, и, что самое важное, передаются лицомъ, по нравственнымъ своимъ качествамъ, заслуживающимъ довѣрія; 4) въ упоминаніяхъ о разныхъ второстепенныхъ лицахъ, Позье платитъ обычную дань съ прочими иноземными писателями о Россіи: онъ нещадно искажаетъ собственныя имена, такъ что иногда при всемъ желаніи добраться, кто скрывается подъ тѣмъ или другимъ исковерканнымъ именемъ, не всегда можно этого достигнуть, наконецъ, 5) такъ какъ записки были писаны, какъ очевидно изъ ихъ содержанія, отнюдь не для печати, а только для семьи, и, какъ кажется, по просьбѣ дочерей автора, то Позье даетъ довольно много мѣста чисто личнымъ воспоминаніямъ о частностяхъ своей жизни: напр., онъ подробно рассказываетъ о своей поѣздкѣ изъ Россіи за-границу — зимою 1750 года.

Обращаемся къ внѣшней сторонѣ мемуаровъ. Онѣ писаны сильно поружѣвшими отъ времени чернилами, по-французски, скорописнымъ, въ высшей степени связнымъ, неразборчивымъ, едва-ли не женскимъ почеркомъ прошлаго столѣтія и при томъ довольно безграмотно. Записки занимаютъ сорокъ-четыре широкихъ полулиста толстой бѣлой бумаги, въ листъ. На заглавномъ листѣ записокъ написано: «Memoire abrégé de la vie de Geremie Pauzié, né à Geneve l'an 1716 en Septembre et y est Décédé le 2-e D-re l'an 1779».

На послѣднихъ четырехъ страницахъ тетради нѣсколько инымъ почеркомъ и болѣе черными чернилами написано завѣщаніе Позье подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Copie du testament de feu M-r Geremie Pauzié, né a Geneve le Sept-bre 1716 et décédé le 30 d-bre 1779».

*) Кратковременному царствованію Петра III Позье отводитъ, относительно говоря, очень много мѣста въ своихъ запискахъ; придворный брильянтикъ, получившій отъ Петра III чинъ бригадира, передаетъ всѣ подробности своихъ частыхъ свиданій съ этимъ государемъ. Подробности эти чрезвычайно интересны и весьма живо очерчиваютъ личность Петра III.

Рукопись сообщена намъ академикомъ Аристомъ Аристовичемъ Куникомъ, обязательность котораго въ сообщеніи матеріаловъ и драгоценныхъ указаній въ области отечественной исторіи, археологіи, нумизматики и исторіи литературы давно уже извѣстна многимъ изъ занимающихся этими предметами.

Представляя записки Позье въ переводѣ, мы возстановили, гдѣ оказалось это возможнымъ, искаженныя авторомъ имена собственныя и обставили записки, гдѣ это нашли нужнымъ, примѣчаніями. Для облегченія справокъ мы разбили записки на главы и привели въ началѣ каждой изъ нихъ краткое оглавленіе; вмѣстѣ съ симъ мы замѣнили заглавіе рукописи: „Очеркъ жизни Іереміи Позье“ — болѣе точнымъ: „Записки придворнаго брильянтика Позье о пребываніи его въ Россіи“. Считаемо необходимымъ также оговорить, что при печатаніи записокъ мы опустили подробности, либо не относящіяся до Россіи, либо не имѣющія общаго интереса*).

Ред.

I.

Путешествіе Позье съ сыновьями изъ Женевы чрезъ Петербургъ въ Москву.—Переѣздъ Позье въ Архангельскъ.—Возвратъ въ Москву.—Смерть отца Іереміи Позье.

1729—1731 г.

Былъ 1729 годъ, когда отецъ мой Этьенъ Позье, родившійся въ Клервѣ, рѣшился, по настоянію брата своего Шьера Позье, состоявшаго хирургомъ при дворѣ русскаго императора Петра I**), уѣхать изъ Женевы, гдѣ онъ имѣлъ жительство съ женой своей Сюзанной Буверо, отъ которой имѣлъ шестерыхъ дѣтей. Незначительность состоянія утвердила его въ этомъ намѣ-

*) Точно также мы нашли бесполезнымъ печатать завѣщаніе Позье, помѣщенное на послѣднихъ четырехъ страницахъ манускрипта, такъ какъ оно всецѣло касается его семейныхъ дѣлъ и распоряженій. Позье, силою этого документа, распредѣляетъ свои капиталы между разными общественными учрежденіями и членами своей фамиліи. Такъ онъ завѣщаетъ опредѣленныя суммы: женевской больницѣ, французской и нѣмецкой биржамъ, учрежденнымъ въ Женевѣ; брату своему—Роберту Позье, сестрѣ своей—Мадленѣ Позье, племянницѣ своей—г-жѣ Броссаръ, женѣ своей—Мадленѣ-Маріи и дочерямъ своимъ.

**) Хирургъ этотъ не упоминается въ спискѣ докторовъ, лекарей, и хирурговъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ въ первую половину XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ мы его не нашли въ «Исторіи Медицины въ Россіи», соч. Рихтера Москва, 1820 г. ч. III, стр. 94, 226 и друг.

Ред.

рени. Онъ взялъ съ собою старшаго брата моего Филиберта и меня, которому было въ то время не болѣе десяти лѣтъ, а въ Женевѣ оставилъ трехъ моихъ сестеръ и третьяго брата. Отправились мы пѣшкомъ съ небольшимъ скарбомъ и немногими деньгами и прошли такимъ образомъ всю Швейцарію, Эльзасъ и Вестфалію. Придя въ Амстердамъ, лишенные всего, претерпѣвъ всѣ ужасы нищеты и ненастья холодной зимы, мы тамъ встрѣтили г. Дютель Бергери, земляка отца моего; онъ доставилъ ему средство добраться до Гамбурга; но мы не рѣшались отправиться туда моремъ вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, а состояніе нашего кармана не позволяло намъ долѣе оставаться въ Амстердамѣ; поэтому мы отправились въ Гамбургъ пѣшкомъ. Дойдя до береговъ Эльбы мы нашли рѣку эту замерзшей, что принудило насъ провести пять дней въ маленькой деревушкѣ, гдѣ отцу моему пришлось оставить наши пожитки, потому что ему не было чѣмъ заплатить за наши расходы, а деньги предстояло получить только въ Гамбургѣ, куда братъ его долженъ былъ ему выслать. Едва прибыли мы въ этотъ городъ, отецъ мой опасно заболѣлъ, что задержало насъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ и истощило небольшія средства, которыя мы имѣли. Отецъ мой принужденъ былъ написать къ другому своему брату въ Клеракъ и просить его прислать ему какое-нибудь пособіе, чтобы дать намъ возможность уплатить долги и продолжать наше путешествіе въ Россію. Но надо было случиться такъ, что у этого брата только-что погибли у береговъ Англіи три корабля, нагруженные его товарами, вслѣдствіе чего онъ не имѣлъ возможности помочь намъ и едва могъ прислать намъ столько, чтобы мы могли расплатиться съ долгами. Мы сѣли на маленькое судно, которое г. Де-Бергери на свой счетъ посылалъ въ Петербургъ. Отецъ мой рѣшился отдать брата моего Филиберта въ Гамбургъ въ ученіе г-ну Дюма — ножевщику. Разлука эта была крайне тяжела для меня, такъ какъ я привыкъ переносить съ нимъ лишенія и нужду; мы разстались исполненные сильнѣйшаго горя. Бѣдный братъ не спускалъ глазъ съ нашего корабля, пока мы не исчезли изъ виду; несчастный отецъ мой, который былъ не менѣе меня огорченъ этой разлукой, употреблялъ всѣ усилія, чтобы утѣшить меня.

Мы пробыли на морѣ шесть недѣль, причемъ. не обошлось

безъ бурь, отъ которыхъ, однако, благодаря Провидѣнію, мы не погибли, и наконецъ въ августѣ прибыли въ С.-Петербургъ въ самомъ жалкомъ положеніи и безъ копѣйки денегъ. Въ довершеніе всего, отецъ мой не засталъ тамъ своего брата, который былъ въ Москвѣ при Дворѣ, т.-е. въ двухъ стахъ лѣе разстоянія. Въ эту критическую минуту онъ обратился къ нѣкоему Дюбюиссону, французу, который содержалъ гостиницу и зналъ его брата. Этотъ господинъ продержалъ насъ у себя въ теченіи двухъ недѣль, послѣ которыхъ отецъ мой, оправившись съ дороги, рѣшился продолжать путь до Москвы, чтобы тамъ пристать къ дядѣ. Для этого пришлось ему прибѣгнуть къ помощи одного знакомаго, отъ котораго съ большимъ трудомъ досталъ онъ займы десять экю, чего едва достаточно было для такого дальняго путешествія, такъ что намъ пришлось сложить наши скудные пожитки на маленькую телѣжку, которая отправлялась въ Москву съ виномъ, а самимъ пѣшкомъ идти за русскимъ извозчикомъ, съ которымъ мы могли объясняться только знаками, и питаться всю дорогу только хлѣбомъ и молокомъ и часто спать подъ открытымъ небомъ, гдѣ насъ заѣдали комары, которыхъ тамъ множество, потому что тамъ мѣстность болотистая; были сильные жары, какіе обыкновенно бываютъ въ Россіи лѣтомъ. Почти непостижимо, какимъ образомъ отецъ мой и я могли перенести все, что пришлось терпѣть въ эти шесть недѣль, но наконецъ мы дошли до Москвы, гдѣ надѣялись отдохнуть отъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. Но Провидѣніе распорядилось иначе. На наше несчастіе мы пришли въ эту столицу въ то время, когда половина ея погибла въ пожарѣ. Мы сами прошли восемь верстъ (2 лѣе) мѣстностью опустошенной пожаромъ, разыскивая мѣсто, гдѣ нѣкогда находился домъ моего дяди, тоже сгорѣвшій до тла; дяди не удалось ничего спасти и онъ долженъ былъ самъ высочить изъ постели и спастись въ окно со всѣмъ семействомъ. Въ такомъ-то печальномъ положеніи мы застали того, отъ котораго ждали себѣ помощи и облегченія всѣхъ бѣдъ, претерѣнныхъ нами въ это безконечное путешествіе. Насилу у него нашлась квартира гдѣ помѣститься и большіе господа присылали ему дрова. Мы пробыли съ нимъ шесть мѣсяцевъ, тогда отецъ мой, не желая быть въ тягость брату, и встрѣтившись въ Москвѣ съ однимъ знакомымъ своимъ, бригадиромъ Ро-

ланомъ, которому императрица Анна только-что вѣрила за его долгую службу начальство надъ Архангельскомъ, рѣшился по его совѣту отправиться съ нимъ*). Бригадиръ жилъ одинъ, былъ преклонныхъ лѣтъ, и общалъ отцу моему всѣ удобства, какія самъ могъ доставить себѣ въ подобномъ захоlustѣ. Онъ захотѣлъ, чтобы отецъ взялъ меня съ собою, чтобы опредѣлить меня въ военную службу, въ которую и отдали меня съ чиномъ сержанта въ Вологодскомъ полку, обѣщая повышать меня впоследствии, по мѣрѣ того, какъ будутъ прибавляться мои годы,—такъ какъ мнѣ въ то время было одиннадцать лѣтъ**). Мы вмѣстѣ съ нимъ выѣхали изъ Москвы, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1729 (1730?) года, въ Архангельскъ, куда ѣхали четыре недѣли, хотя совершали путешествіе въ экипажѣ. Путешествіе это было довольно трудное до Вологды, гдѣ мы сѣли на барку и поплыли по рѣкѣ, называемой Двиною. Это плаваніе, хотя не особенно опасное, было весьма тяжело вслѣдствіе жаровъ и комаровъ, отъ которыхъ не было отбою, несмотря на то, что постоянно заставляли драгунновъ, служившихъ въ конвоѣ коменданта, курить и жгли дрова на барѣ.

Кромѣ того, я чуть не погибъ по милости собственной неосторожности: пользуясь минутой, когда, изнемогая отъ жары, всѣ наши люди спали въ полдень, а барка плыла по рѣкѣ чрезвычайно тихо,—я увидѣлъ множество дивихъ утятъ, плывшихъ по водѣ.

Въ увѣренности, что съ помощью маленькой лодки, приерѣпленной къ нашей барѣ, легко будетъ загнать ихъ на берегъ, и изловить сколько мнѣ захочется, я спустился въ лодку, отвязавъ ее и, согласно съ задуманнымъ планомъ, погребъ за утятами, въ полной надеждѣ догнать барку; но я сильно ошибся въ расчетѣ. Утки ныряли по мѣрѣ того, какъ я за ними гнался, и уплывали не къ берегу, а совсѣмъ въ другую сторону, такъ что я, выбившись изъ силъ, принужденъ былъ причалить къ берегу, чтобы отдохнуть. Едва присѣлъ я, какъ замѣтилъ, что наша барка совсѣмъ ушла изъ виду и чувствуя, что я уже не въ силахъ грести и что наши

*) Отъѣздъ Позье-отца съ сыномъ въ Архангельскъ произошелъ въ первый же годъ царствованія Анны Іоанновны.

***) Не одиннадцать, а четырнадцать лѣтъ, если вѣрно указаніе на 1716 годъ, какъ на годъ рожденія Іереми Позье.

люди не могли отыскать меня и выручить потому, что у них не было лодки, я остался на берегу, гдѣ былъ очень густой лѣсъ, на разстояніи верстѣ 25-ти отъ деревни, какъ впоследствии сказали мнѣ наши люди, которые выручили меня тѣмъ, что въ рупоръ крикнули мужикамъ, чтобы они на лодкѣ отправились за мной. Было уже за полночь, когда имъ удалось добраться вверхъ по теченію въ тому мѣсту, гдѣ я остался. Наконецъ я услышалъ шумъ весель и началъ кричать изо всѣхъ силъ, что помогло имъ выдти на берегъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они меня слышали, къ величайшей радости, такъ какъ я каждую минуту ожидалъ, что меня съѣдятъ медвѣди, которыхъ въ этомъ лѣсу водилось множество, по рассказамъ мужиковъ, хозяевъ лодки, отправленной за мною. Великою радостью для меня было, когда я услышалъ голосъ нашихъ драгуновъ. Я былъ въ самомъ жалкомъ состояніи, двѣнадцать часовъ пробылъ я не ѣвши, въ страхъ и трепетѣ. Бѣдный отецъ мой былъ въ такомъ горѣ, что не имѣлъ силы сказать мнѣ ни одного слова, когда меня привезли.

Наконецъ мы прибыли въ Архангельскъ съ комендантомъ; всѣ офицеры вышли его встрѣчать. Для коменданта Ролана былъ приготовленъ большой деревянный домъ, потому что во всемъ городѣ каменныхъ зданій были только губернаторскій домъ и магазины, куда складывались товары. Улицы вымощены бревнами, потому что почти весь городъ стоитъ на болотѣ. Пять мѣсяцевъ прожили мы послѣ нашего прибытія въ этотъ городъ, гдѣ коменданта Ролана очень любили иностранные негодіанты, поселившіеся тамъ, а также и губернаторъ князь Мещерскій. Послѣдній до того заставлялъ Ролана пить, что я однажды видѣлъ, какъ его вынесли изъ кареты его слуги и положили въ постель, съ которой онъ уже не всталъ, такъ какъ на слѣдующій день началъ харкать кровью. Отецъ мой, когда увидѣлъ его въ такомъ печальномъ положеніи, уговорилъ его сдѣлать духовное завѣщаніе въ пользу его племянника Де-Кло, драгунскаго капитана, единственнаго остававшагося члена его семейства, котораго онъ не любилъ за то, что тотъ женился противъ его воли. Отецъ мой, однако, убѣдилъ Ролана сдѣлать завѣщаніе въ пользу Де-Кло, опасаясь, чтобы казна не завладѣла, по тамошнему обычаю, его состояніемъ по неявкѣ родственниковъ.

Онъ завѣщалъ отцу моему сумму въ 400 рублей. Отецъ мой написалъ въ Де-Кло, стоявшему въ двухъ*стахъ лѣтъ съ полкомъ, чтобы онъ приѣхалъ какъ можно скорѣе въ Архангельскъ получить наслѣдство отъ дяди, который умеръ восемь дней послѣ того, какъ слегъ въ постель. Смерть его была ужаснымъ ударомъ для отца моего и для меня. Мы остались одни въ этомъ захолустьѣ съ десяткомъ крѣпостныхъ слугъ, съ которыми не могли объясняться; и это продолжалось шесть мѣсяцевъ, пока г. Де-Кло не приѣхалъ выручить насъ. Онъ насъ отвезъ въ Москву къ моему дядѣ, который съ трудомъ добился, чтобы меня выписали изъ полка, куда опредѣлили меня покойный бригадиръ.

Тотчасъ по прибытіи нашемъ въ Москву, отца моего, сильно пострадовавшаго въ послѣднее путешествіе, совершенное зимой, пришлось перенести изъ саней прямо въ постель, съ которой онъ перелегъ прямо въ могилу. Съ нимъ сдѣлалась водяная, сверхъ того что онъ и такъ былъ измученъ всѣми вынесенными имъ бѣдами и лишеніями. Въ такомъ положеніи пробылъ онъ два мѣсяца, пока не угодно было Богу избавить его отъ страданій смертью *).

Я ужасивалъ за нимъ насколько по молодости могъ. Дядя мой тоже не оставлялъ его своими попеченіями, и сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы облегчить его страданія. Отецъ мой еще имѣлъ радость узнать передъ смертью отъ дяди, что писалъ въ Петербургъ одному изъ своихъ пріятелей по имени Граверо, искусному гранильщику, родомъ изъ Парижа, и что этотъ господинъ согласенъ взять меня на семь лѣтъ въ ученье. Это и было рѣшено въ тотъ самый день, какъ получилось это извѣстіе, въ десять часовъ вечера, когда я обыкновенно читалъ молитвы у постели отца. Онъ, вѣроятно, понималъ, что приближался его конецъ, и не имѣя уже достаточно сильнаго голоса, но замѣтивъ, что я начиналъ дремать, слегка потянулъ меня за волосы, чтобы разбудить, указалъ пальцемъ на свѣчку, должно быть желая дать мнѣ понять, что зрѣніе его слабѣетъ. Я пристально посмотрѣлъ на него и убѣдился, что онъ при послѣднемъ издыханіи. Я побѣждалъ за дядей, который уже легъ въ

*) По соображеніи предъидущихъ обстоятельствъ съ вышеприведенными фактами, Позье-отецъ умеръ около конца 1731 года.

постель, и проворно воротился къ отцу, къ которому бросился на кровать. Отецъ взялъ меня за руку и пожалъ ее, но говорить не могъ. Дядя мой еще во время пришелъ, чтобъ присутствовать при кончинѣ брата. Я былъ въ такомъ отчаяніи, что силою пришлось меня оторвать отъ отца. Меня перенесли на половину дяди, гдѣ тетка моя употребила всѣ усилія, чтобы меня успокоить. На другой день, несмотря на всѣ предосторожности, не выпускалъ меня изъ моей комнаты, я нашелъ средство уйти черезъ окно, которое было низко, и побѣжалъ въ комнату, гдѣ лежало тѣло моего отца. При видѣ его, отчаніе мое стало еще сильнѣе. Читальщикъ едва могъ оттащить меня, а я такъ кричалъ, что пришлось прислать людей увести меня изъ комнаты.

Послѣ похоронъ отца моего, я остался еще недѣли двѣ у дяди, который приготовилъ мнѣ сани для моего путешествія въ Петербургъ. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда я отправился къ господину Граверу на семь лѣтъ въ ученье*).

II.

Годы ученья. — Работа въ помощяхъ императрицы Анны Иоанновны. — Позье открываетъ свою мастерскую. — Воронцовъ и его жена. — Низверженіе Вирона. — Правительница Анна Леопольдовна дѣлаетъ заказъ Позье.

1731 — 1741.

Я довольно хорошо былъ принятъ моимъ хозяиномъ и хозяйкой, у которой не было дѣтей, кромѣ маленькой калмычки, которую они удочерили и души въ ней не чаяли потому, что она была чрезвычайно умна. Я всѣми силами старался подружиться съ нею, видя что это лучшее средство расположить къ себѣ моего хозяина и хозяйку. Я еще не былъ причащенъ. Въ контрактѣ было сказано, что мнѣ позволять для этого учиться закону бо-

*) Здѣсь вѣроятно новая ошибка въ годахъ. Позье долженъ былъ въ это время имѣть не менѣе 15-ти лѣтъ, или же предъидущій отъѣздъ его въ Архангельскъ былъ не въ 1730 году, а ранѣе; если же вѣрить ему, что онъ отправился въ ученье двѣнадцати лѣтъ, а за годъ рожденія принимать 1716 годъ, то отъѣздъ въ С.-Петербургъ совершился въ 1728 г., что однако, по соображеніи прочихъ обстоятельствъ, ниже изложенныхъ въ настоящихъ запискахъ, — никакъ не могло быть; — отъѣздъ Позье въ Петербургъ въ ученье долженъ быть никакъ не ранѣе 1731 года и даже 1732 года, слѣдовательно тогда, когда ему было около пятнадцати лѣтъ отъ роду.

Ред.

жю и ходить три раза въ недѣлю къ господину Дюнану (Dupant), тогдашнему пастору нашей французской реформатской церкви. Я былъ единственнымъ человѣкомъ въ домѣ не исповѣдующимъ католицизма, что служило мнѣ не малымъ препятствіемъ къ тому, чтобы расположить всѣхъ въ мою пользу, и дѣлало мнѣ много неприятностей. Я старался быть полезнымъ, дѣлалъ все возможное, чтобы помогать хозяину моему, не имѣвшему помощниковъ въ работахъ, которыя давались ему отъ двора, и такъ какъ онъ очень любилъ веселиться, то весьма радъ былъ, что я оказался въ состояніи помогать ему уже со второго года ученія. Цѣлыя девять лѣтъ, въ теченіе которыхъ я оставался у него, онъ почти ужь ровно ничего не дѣлалъ. Окончивъ работы, которыя я исправлялъ за моего хозяина днемъ, я просилъ у него позволенія работать немного и на себя, что доставляло мнѣ средства на мои маленькіе личные расходы и увеселенія.

Пять лѣтъ я уже пробылъ у него, когда случилась катастрофа, которая чуть-чуть не принудила меня разстаться съ моимъ хозяиномъ. Это былъ человѣкъ чрезвычайно красивый, остроумный и забавный. Многіе иностранные господа зазывали его къ себѣ, а онъ никогда не отказывался отъ приглашеній, потому что любилъ играть и выпить, такъ же, какъ и другія удовольствія, такъ что онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ проводилъ ночи въ кутежѣ, возвращаясь домой не раньше утра, а въ хмѣлю онъ былъ такой злой, что если заставлялъ кого-нибудь въ домѣ спать, звѣремъ накидывался на него, а если никого не находилъ, на комъ сорвать сердце, то бѣдную жену свою колотил кулаками до полусмерти. Мнѣ часто приходилось отправляться за нимъ съ фонаремъ и такъ просиживать въ ожиданіи его. Ни одинъ слуга не осмѣливался это дѣлать, боясь, чтобы хозяинъ его не поколотилъ, что непремѣнно и случалось. Когда онъ былъ хмѣленъ, онъ всегда находилъ предлогъ въ побоямъ. Однажды я не пошелъ за нимъ, оттого что мнѣ нездоровилось, а ждалъ его дома. Онъ возвратился въ четыре часа утра, разумѣется не въ своемъ видѣ. Я одинъ не спалъ и, услышавъ шаги его по лѣстницѣ, пошелъ къ нему на встрѣчу со свѣчою. Лишь только онъ увидѣлъ меня, какъ принялся, по обыкновенію, ругаться. Я успокоивалъ его всякими доводами — напрасно. Я послѣпшилъ раздѣть его — у него была пѣна на губахъ отъ бѣ-

шенства, и не находя никого, на комъ бы излить свою желчь, въ ту минуту, какъ я снималъ съ него чулки, онъ меня такъ сильно хватилъ ногою, что я повалился на полъ. Тутъ ужъ я ему объявилъ, что если угодно ему держать прислугу, чтобы обращаться съ нею такимъ образомъ, то пускай поищетъ ее, а самъ вышелъ. Онъ побѣждалъ за мною; лѣстница въ домѣ была очень крутая и плохая, и я побоялся, чтобы онъ не свалился гонясь за мною; поэтому я остановился и тутъ онъ бросился меня бить ногами и кулаками, и такъ меня отдѣлалъ, что католическіе священники, жившіе въ домѣ, гдѣ они пріютились послѣ пожара, уничтожившаго ихъ церковь, услышавъ шумъ, прибѣжали выручать меня изъ рукъ этого сумасшедшаго, который и ихъ не пощадилъ, равно какъ и прибѣжавшую жену. Общими силами однако удалось запереть его, чтобы дать ему отрезвиться и уюмониться. Добрые патеры увели меня въ свои комнаты и перевязали мнѣ раны, изъ которыхъ обильно лилась кровь. Меня узнать нельзя было, такъ я былъ избитъ. Чтo меня больше всего огорчало, это то, что хозяинъ, когда всѣ бывшіе при этой сценѣ стали упрекать его, началъ увѣрять въ свое оправданіе, будто я самъ хотѣлъ побить его.

Не желая подвергаться болѣе подобнымъ сценамъ, я рѣшился уйти отъ него и отправиться въ Англію съ нашимъ пасторомъ Дюаномъ, который туда собирался. Дядя мой этимъ временемъ умеръ въ Москвѣ, такъ что мнѣ не отъ кого было ожидать помощи. Наконецъ госпожа Граверо, женщина добрая и умная, которой я много былъ обязанъ за ея заботливость о моемъ воспитаніи, и вообще обо мнѣ, просила католическихъ священниковъ и всѣхъ знаемыхъ моихъ, которые интересовались мною, уговорить меня не уѣзжать и окончить срокъ моего ученія, на что я и рѣшился, ожидая какъ далѣе Господь распорядится мною.

Помирившись съ хозяиномъ, я пробылъ оставшіеся еще два года въ ученіи. Въ то время пришелъ караванъ изъ Китая и императрица Анна получила съ Востока множество драгоценныхъ камней, рубиновъ, и т. п. Ей любопытно было посмотреть какъ ихъ рѣжутъ и шлифуютъ, и она дала знать моему хозяину, чтобы тотъ перенесъ аппаратъ во дворъ въ комнаты, находившіяся не далеко отъ ея покоевъ. Тамъ мы проработали мѣсяца два или три. Она приходила туда каждый день два, три раза,

смотрѣла какъ мы работаемъ и приказывала моему хозяину являться въ мастерскую рано утромъ, потому что она рано вставала *).

Часто случалось, что хозяйина моего не было, когда она приходила. Однажды она застала меня одного и спросила, гдѣ мой хозяинъ. Я отвѣчалъ, что онъ боленъ. Къ несчастью, одинъ шутъ, итальянецъ, по имени Педрилло (Pateril), пріятель моего хозяина, вошелъ въ мастерскую вслѣдъ за императрицею, которая спросила его: откуда онъ?

«Съ дачи», отвѣчалъ Педрилло.

— Съ кѣмъ былъ на дачѣ?

«Съ пріятелями, между которыми былъ и Граверо» **).

Императрица сердито посмотрѣла на меня и сказала:

— Зачѣмъ же ты сегодня утромъ солгалъ?

Это было причиною того, что при первомъ пересмотрѣ списка лицъ, получающихъ пенсію отъ двора, Граверо былъ выключенъ, и несмотря на ходатайство у государыни Бирона и фельдмаршала Левенвольда ***) которые были къ нему доброжелательны, онъ ничего не могъ сдѣлать.

Два дня спустя послѣ этого прискорбнаго событія ****) императрица, найдя меня опять одного за работой, сказала мнѣ:

— Ты еще молодъ, хотѣлъ бы ты, чтобы я послала тебя въ

*) Анна Іоанновна вставала обыкновенно въ шесть часовъ утра и никогда не позже восьмого часа, обѣдала всегда въ полдень, а въ девять часовъ вечера ужинала.

Ред.

**) Педрилло, родомъ изъ Італіи, по профессіи музыкантъ. По прибытіи въ Россію — почувствовалъ въ себѣ талантъ шутства, переженилъ ремесло свое и въ девять лѣтъ нажилъ, — какъ увѣряетъ Манштейнъ, — болѣе 20 т. рублей. Главнѣйшіе шуты императрицы Анны были: Педрилло, Коста, князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ (внукъ знаменитаго князя Василія Васильевича Голицына, фаворита царевны Софьи Алексѣевны), князь Волхонской, графъ Апраксинъ и Балакиревъ, — для особаго отличія двухъ первыхъ, старѣйшихъ шутовъ, императрица Анна — учредила орденъ св. Бенедикта, котораго Коста и Педрилло и были кавалерами. Онъ состоялъ изъ малаго креста и его носили на красной лентѣ въ петлицѣ.

Ред.

***) Упоминаемый Левенвольдъ былъ графъ Рейнгольдъ-Левенвольдъ, оберъ-гофмаршалъ двора Анны Іоанновны. Умеръ въ ссылкѣ въ 1758 году.

Ред.

****) Хронологія во всемъ разсказѣ Позье сильно хромаетъ. Описываемый здѣсь эпизодъ долженъ былъ происходить, по соображенію съ послѣдующими событіями, — не ранѣ сентября мѣсяца 1740 года.

Ред.

Китай съ посланникомъ Лангомъ (Delan), чтобъ выбрать камни, которые тамъ скупаютъ на мой счетъ? *).

Я отвѣчалъ, что готовъ исполнить ея приязаніе, но что лщу себя надеждою, что въ вознагражденіе за время, которое я употреблю на это путешествіе — не менѣе трехъ лѣтъ — она будетъ такъ милостива, что положить мнѣ приличное жалованье. Она обѣщала дать мнѣ двѣ тысячи рублей жалованья, и выдать одновременно десять тысячъ рублей, чтобы я могъ купить на свой собственный счетъ товаръ, какой мнѣ заблагоразсудится и, наконецъ, что я буду обѣдать за столомъ посланника, — все это было бы чрезвычайно выгодно для меня, если бы дѣло это дѣйствительно устроилось.

Когда хозяинъ мой, у котораго мнѣ оставалось отслужить нѣсколько мѣсяцевъ до конца ученья, узналъ объ этомъ, онъ остался весьма недоволенъ, но не имѣлъ возможности помѣшать мнѣ ѣхать, такъ какъ этого желала сама императрица. Къ несчастью для меня, она скончалась три недѣли послѣ этого разговора **), и регентство императора Ивана, котораго императрица объявила своимъ наслѣдникомъ, перемѣнило составъ посольства и отправило вмѣсто господина Ланга, русскаго, человѣка извѣстнаго по низкому происхожденію и по дурному характеру, такъ что я побоялся, что онъ убьетъ меня дорогою, чтобы завладѣть тѣмъ небольшимъ состояніемъ, которое я могъ тѣмъ временемъ нажить, что уже случалось въ прежнихъ посольствахъ. Поэтому, когда меня спросили: желаю ли я ѣхать на тѣхъ же условіяхъ, я сказался больнымъ и остался у моего хозяина.

Кончивъ сровъ ученья, я оставался у хозяина еще шесть мѣсяцевъ. Такъ какъ онъ не говорилъ, какое жалованье будетъ давать мнѣ, а гардеробъ мой дорого мнѣ стоилъ, я былъ вынужденъ просить у него денегъ, въ которыхъ онъ мнѣ не отказывалъ. Планъ его былъ такого рода, чтобы я запутался въ долгахъ, забирая у него впередъ денегъ для того, чтобы нельзя было отойти отъ него. Это заставило меня задуматься и побу-

*) Изъ Китая каждый годъ привозили во дворъ Анны Иоанновны новыя товары. Государыня любила присутствовать при публичной продажѣ этихъ товаровъ; торги устраивались во дворцѣ, въ Итальянской залѣ. Ред.

**) Анна Иоанновна умерла въ ночь съ 17 на 18 октября 1740 года.

дило меня требовать у него жалованье, какое онъ думаетъ положить мнѣ въ мѣсяцъ. Это ему, повидимому, не понравилось и онъ предложилъ мнѣ такую ничтожную сумму, на которую мнѣ невозможно было содержать себя, не долгая болѣе и болѣе. По окончаніи моего ученья прошло уже два года *) и я уже задолжалъ ему полтора ста рублей. Убѣдившись, что мнѣ нечего отъ него ожидать и сильно тяготаясь своимъ положеніемъ, я пошелъ въ одному еврею, по имени Липпманъ (Littemann), который пользовался большимъ почетомъ при дворѣ регента Бирона и зналъ, что я исправлялъ всю работу за моего хозяина, которому онъ часто доставлялъ заказы. Я ему объяснилъ мое положеніе и спросилъ, какъ онъ думаетъ: «могу ли я найти себѣ мѣсто, если поѣду въ Англію, такъ какъ не желаю оставаться въ Россіи, чтобы не повредить моему хозяину?» Онъ мнѣ сказалъ, что глупъ я буду, если такъ поступлю—потому, что могу честно зарабатывать весьма приличныя деньги въ Россіи, а онъ мнѣ будетъ доставлять работу, насколько хватить у меня времени и силъ, и что мнѣ нечего церемониться съ моимъ хозяиномъ, потому, что онъ дурно поступаетъ со мной. Еврей предложилъ дать мнѣ впередъ сумму, которую я задолжалъ хозяину, что онъ дѣйствительно и сдѣлалъ. Это заставило меня рѣшиться, хотя и тяжело мнѣ было вслѣдствіе моей привязанности къ госпожѣ Граверо, которой я былъ много обязанъ за заботливость ея о моемъ воспитаніи въ мою молодость, и которая оберегала меня отъ многихъ неприятностей со стороны ея мужа, незаслуживавшаго такой хорошей жены. Итакъ, я объявилъ господину Граверо, что рѣшился разстаться съ нимъ вслѣдствіе того, что ничтожное жалованье, которое онъ мнѣ назначилъ, въ будущемъ обѣщало мнѣ только возможность болѣе и болѣе долгать ему, причемъ я лишился тѣхъ выгодъ, которыя могъ приобрѣсть будучи еще молодъ. Граверо пришелъ въ страшное бѣшенство и еслибы посмѣлъ, то поколотилъ бы меня непременно. Онъ кричалъ, что я околю съ голоду и спрашивалъ, какими деньгами я расплачусь съ

*) Здѣсь опять нѣкоторая хронологическая невѣрность: по соображеніи обстоятельствъ жизни Позье съ обще-извѣстными историческими фактами русской исторіи того времени оказывается, что срокъ ученья Позье у Граверо долженъ былъ еще кончиться въ послѣдніе годы царств. Анны Іоанновны. Ред.

нимъ? Деньги у меня были при себѣ: я положилъ ихъ на столъ. Тогда онъ мнѣ сказалъ:

«Вы должно быть украли ихъ? Откуда у васъ эти деньги?»

Я отвѣчалъ, что не затруднюсь, если на то пойдетъ, доказать ему отъ кого я получилъ эти деньги.

«Къ тому же, пробывъ девять лѣтъ у васъ*), продолжалъ я:—не думаю, чтобы заслужилъ названіе, которое вы мнѣ даете, я льщу себя надеждою, что вы потрудитесь подписать мой контрактъ въ ученіи, чтобы совѣсть ваша была чиста, касательно моего знанія; наконецъ поведеніе мое и усердіе мое о вашихъ выгодахъ было таково, что даже лучшіе ваши друзья не отважатся дать мнѣ аттестатъ, чтобы оправдать меня отъ всякихъ обвиненій, какія вамъ вздумается взвести на меня».

Онъ наконецъ подписалъ контрактъ ругаясь и весьма неохотно, все повторяя мнѣ, что я умру съ голода. Я простился съ нимъ, объявляя, что если со мною случится такое несчастіе, то нивѣкъ не приду къ нему за милостыней. Мнѣ очень жаль было, что я не могъ проститься съ госпожей Граверо, которой не случилось дома въ ту минуту.

Я отправился въ артиллерійскій кварталъ, на разстояніи одного лье отъ дворца**). Я передъ тѣмъ просилъ господина Десеерво (Deseigo?) нанять мнѣ тамъ комнату. Онъ былъ такъ добръ, что помѣстилъ у себя мои аппараты съ колесами и другими инструментами, нужными для рѣзки драгоценныхъ камней; для переноски этихъ вещей онъ далъ рабочихъ, которыхъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи въ артиллерійской канцеляріи, что было мнѣ большою помощію, и дало мнѣ возможность тотчасъ же приняться за работу, которою снабдилъ меня господинъ Липпманъ. Я присѣлъ за дѣло весело и съ охотой, и недѣли въ двѣ я уже почти что заработалъ сумму, данную мнѣ впередъ господиномъ Липпманомъ***), для расплаты съ моимъ хозяиномъ, который, несмотря на высказанное имъ мнѣ негодованіе, когда я отъ него отходилъ, не замедлилъ навѣстить

*) Изъ этого упоминанія видно, что Позьевъ поступилъ въ ученіе около 1732 года.

**) Нынѣшняя Литейная часть.

***) Въ оригиналѣ еврей этотъ называется то Литтеманъ, то Липпманъ, — послѣднее вѣрно.

меня и принести мнѣ работу. Работу я ему справилъ, но платы не взялъ, когда онъ мнѣ предложилъ. Послѣ того онъ часто приходилъ ко мнѣ и былъ очень радъ, что я бралъ его работу. Я взялъ слугу, безъ котораго мнѣ нельзя было обойтись, во-первыхъ потому, что мнѣ нуженъ былъ человѣкъ, который вертѣлъ бы у меня колесо, что очень утомляло меня, а во-вторыхъ, что надо было мнѣ кого-нибудь посылать за кушаньемъ въ трактиръ. Первою моею заботой было, по уплатѣ всего, что я задолжалъ за инструменты, заказанные мною и по обзаведеніи хозяйствомъ холостяка, исподоволь затесаться въ вельможамъ, въ чемъ помогало мнѣ то, что я, будучи еще у хозяина, бывалъ у нихъ съ порученіями, и они были ко мнѣ хорошо расположены, между прочимъ въ домъ канцлера Воронцова *), который только-что женился на двоюродной сестрѣ принцессы **) Елисаветы, и у котораго я часто бывалъ. Госпожа Воронцова, статсъ-дама, очень меня любила, и ей я обязанъ успѣхами, которые я имѣлъ въ началѣ моей дѣятельности. Она рекомендовала меня всѣмъ своимъ знакомымъ. Къ ней (всѣ) относились съ большимъ почтеніемъ, это была хорошенькая и милая женщина. Такъ какъ днемъ визиты отнимали у меня время, я принимался за работу вечеромъ, возвращаясь домой, что сильно утомляло мое зрѣніе, и несмотря на жестокую зубную боль, которой былъ подверженъ, я работалъ иной разъ до четырехъ часовъ утра, что заставило меня взять въ ученіе одного пруссака, бывшаго года два у хозяина, своего зем-

*) Упоминаемый въ этихъ запискахъ Воронцовъ, графъ Михаилъ Илларионовичъ, род. 1714 г., былъ однимъ изъ участниковъ дворцоваго переворота 1741 г. и ему обязанъ своею карьерою; камеръ-юнкеръ цесаревны Елисаветы, Воронцовъ пол-года спустя по возшествіи ея на престолъ, былъ генералъ-поручикомъ и кавалеромъ св. Александра Невскаго. Въ 1744 г. возведенный въ графское Римской Имперіи достоинство, онъ тогда же сдѣланъ вице-канцлеромъ, а въ 1758 г. канцлеромъ.
Ред.

**) Анна Карловна Скарвронская; она была дочь родного брата императрицы Екатерины I—Карла Самуиловича Скарвронскаго, слѣдовательно двоюродная сестра цесаревны Елисаветы Петровны. Вышла однако Анна Карловна замужъ за М. И. Воронцова только 31 января 1742 года, т.-е. по воцареніи уже своей двоюродной сестры Елисаветы. («Петерб. Вѣд.» 1742, № 11). Такимъ образомъ, Позье, упоминая о Воронцовыхъ, какъ о супругахъ, да еще о немъ какъ о канцлерѣ прежде возведенія на престолъ Елисаветы—путаешь хронологическія данныя. Впрочемъ, изъ нижепомѣщеннаго разсказа Позье о поѣздѣ его за границу (около 1750 г.) видно, что онъ былъ знакомъ съ Воронцовымъ и А. К. Скарвронскою еще въ 1738—1739 гг.
Ред.

ляка. Скоро я подучилъ его настолькоъ, что онъ могъ помогать мнѣ въ менѣе нѣжныхъ работахъ, и этимъ средствомъ я избавилъ себя отъ необходимости работать при свѣчахъ. Когда у меня завелись кое-какія деньги, я началъ торговать цвѣтными камнями, привезенными контрабандою купцами китайскихъ каравановъ, такъ какъ самому мнѣ позволено было вывозить ихъ только для двора. Это дѣло оказалось довольно выгоднымъ. Имѣя возможность самому отдѣлывать ихъ, я умѣлъ показать ихъ въ лучшемъ видѣ и продавалъ ихъ вельможамъ съ хорошимъ барышомъ.

Прошло около года, какъ я устроился независимо; въ это время принцесса Анна, мать маленькаго императора Ивана, регентомъ котораго покойная императрица назначила герцога Бирона, любимца своего, въ ущербъ матери Ивана, своей племянницы, отданной за принца Антона Ульриха, двоюроднаго брата короля Прусскаго, не будучи въ состояніи видѣть какъ герцогъ Биронъ управляетъ государствомъ въ ущербъ ей, нашла средство его низвергнуть. Для этого принцесса Анна привлекла на свою сторону гвардейскій полкъ и фельдмаршала Миниха, да Остермана, перваго министра, по распоряженію которыхъ герцогъ Биронъ, лежа на кровати съ женою, былъ захваченъ ночью адъютантами Миниха и гвардейцами; герцогъ и его жена были раздѣты, обоихъ избили за то, что регентъ Биронъ хотѣлъ защищаться. Ихъ перевезли на гауптвахту, бывшую около дворца*). Не трудно было заставить націю рѣшиться низвергнуть Бирона, онъ былъ жестокъ и погубилъ много бояръ, выказавшихъ неудовольствіе на его управленіе. Принцесса Анна заставила націю признать себя регентшей надъ ея сыномъ.

Немного дней послѣ этого событія, осматривая казенныя золотыя вещи, ей пришла охота сломать нѣкоторые уборы, вышедшіе изъ моды, чтобы передѣлать ихъ по своему вкусу. Графъ Линаръ (Linard), посланникъ саксонскаго двора въ Россію, который пользовался большимъ расположеніемъ принцессы**),

*) Сличн известнйй рассказъ Манштейна, арестовавшаго Бирона, въ запискахъ Манштейна (русск. переводъ изд. 1810 г. Дерптъ, ч. II, стр. 90—100).

**) Графъ Морицъ-Карлъ Линаръ род. 1702 ум. 1768 г.; въ 1741 г. онъ былъ посломъ короля польскаго и курфирста саксонскаго въ Петербургъ. — Это былъ красивый и, по свидѣтельству Бюшинга, пріятный человекъ. Правительница Анна Леопольдовна влюбилась въ него до страсти, сдѣлала его оберъ-камергеромъ и чтобъ навсегда привязать его къ своему двору — рѣшилась женить его на любимѣйшей своей фрейлинѣ баронессѣ Юліанѣ Мендель. Восшествіе на престолъ Екатерины разстроило эту связь. Ред.

зная меня по нѣкоторымъ исполненнымъ для него работамъ или проданнымъ ему мною вещамъ, посовѣтовалъ правительницѣ послать за мною. Онъ тотчасъ же приказалъ одному пажу, моему знакомому, идти за мною и велѣтъ мнѣ явиться во дворецъ, — куда я сейчасъ же и отправился. Пажъ ввелъ меня въ ея покои, гдѣ я засталъ ее вмѣстѣ съ графомъ Линаромъ.

— «Надо, сказала она, чтобы вы помогли намъ сломать нѣкоторыя вещи, которыя я хочу передѣлать по послѣдней модѣ».

Я отвѣчалъ, что это скорѣе дѣло золотыхъ дѣлъ мастеровъ; моя специальность заключается только въ рѣзвѣ и оцѣнѣ камней, такъ какъ я знаю хорошо ихъ стоимость и достоинство.

— «Болѣе мнѣ ничего и не нужно, возразила она: — я уже начала ломать, можете продолжать съ нами».

Я досталъ нужные инструменты и принялся за работу, которая заняла два дня; послѣ чего я свѣсилъ брильянты и оцѣнилъ ихъ. По желанію регентши, я положилъ всю старую отдѣлку въ мою шляпу и спросилъ у нея, кому ей угодно, чтобы я отдалъ это золото? Она мнѣ сказала, чтобы я оставилъ себѣ за труды, и что если я найду, что этого недостаточно, чтобы я поставилъ ей въ счетъ то, что признаю нужнымъ. Такъ какъ въ старыхъ отдѣлкахъ было много маленькихъ брильянтовъ всего на 1500 рублей, не считая золота и серебра, котораго тоже было на 500 руб., то эта находка пришлось очень встать для того, чтобы мнѣ обзавестись. Я купилъ на эту сумму и на небольшія деньги, уже заработанныя мною, нѣсколько драгоценныхъ цвѣтныхъ камней, которые я уже отлично умѣлъ цѣнить, и которые давали мнѣ хорошій барышъ.

III.

Восшествіе на престолъ Елисаветы. — Дворъ Елисаветы. — Придворные ювелиры. — Императрица заказываетъ Позье звѣзду для принца саксонскаго Карла. — Восковая модель. — Заказы подарковъ для иноземныхъ пословъ. — Подарки и вещи, привезенныя Позье изъ-за границы. — Разговоръ его съ императрицею. — Отношенія Елисаветы къ наследнику престола и великой княгинѣ. — Позье въ роли посредника между императрицею, ее министрами и иноземными при русскомъ дворѣ послами.

1741 — 1761.

Спустя мѣсяца два послѣ вышеописаннаго случая, я ужиналъ у господина Марча-Бени (Marc Beni), итальянскаго купца,

женатаго на сестрѣ госпожи Граверо, гдѣ былъ и Лестоуъ (Lestoc), хирургъ (chirurgien) принцессы Елисаветы, довѣриемъ которой онъ вполнѣ пользовался, и который интриговалъ, чтобы возвести ее на престолъ, такъ какъ она была законная наследница престола, какъ родная дочь Петра I. На этомъ же ужинѣ былъ господинъ Сентъ-Соверъ (Saint-Sauveur), французскій консулъ, и господинъ Де-Вальденкуръ (De-Valdencourt) (?), секретарь посольства при маркизѣ Де-ла-Шетарди (De la Chetardie), бывшемъ тогда посланникомъ въ Россіи. Не думалъ я, что вслѣдъ за этимъ ужиномъ придетъ извѣстіе о событіи случившемся три часа спустя *). Лестоуъ и Вальденкуръ оставили насъ немного ранѣе десяти часовъ, отправляясь въ нѣкоему Берлину, савояру, содержателю билліарда, гдѣ они условились сойтись, чтобы уговориться на счетъ послѣдовавшаго затѣмъ событія, и какъ я впослѣдствіи узналъ, господинъ Вальденкуръ вручилъ червонцы господину Лестоу, котораго принцесса Елисавета ожидала въ своихъ покоехъ съ нѣсколькими камеръ-юнкерами, бывшими въ заговорѣ; — а червонцы эти слѣдовало передать гвардейскому полку, квартировавшему въ казармѣ, недалеко отъ города. Частью этого полка она могла располагать. Когда Лестоуъ явился во дворецъ принцессы, онъ засталъ ее не вполнѣ рѣшившуюся; но какъ передъ тѣмъ Лестоу сообщили, что ее завтра арестуютъ, вслѣдствіе свѣдѣній доставленныхъ регенштѣ о томъ, что нѣчто затѣвается противъ нея при содѣйствіи Лестока, то онъ взялъ принцессу Елисавету за руку, свелъ ее въ сани, ожидавшія ихъ на дворѣ, и говоря ей, что, если она не желаетъ, чтобы на слѣдующее утро его казнили, а ее сослали на всю жизнь въ Сибирь или сдѣлали что-нибудь похуже, убѣдилъ принять твердое рѣшеніе. Заперевъ на ключъ всѣхъ бывшихъ въ ея дворцѣ и ничего не знавшихъ о предстоящемъ дѣлѣ, Лестоуъ проводилъ Елисавету до саней, на об-

*) Событія 25-го ноября 1741 г. уже извѣстны теперь читающей публикѣ изъ многихъ журнальныхъ монографій, напечатанныхъ въ 1859 и слѣдующихъ годахъ и изъ книги П. П. Пекарскаго: «Маркизь-де-ла-Шетарди въ Россіи 1740 — 1742 гг.» Спб. 1862 года, — поэтому нѣтъ надобности указывать на нѣкоторыя неточности или мелкія ошибки, встрѣчающіяся въ разсказѣ Повѣ. Независимо отъ нихъ — разсказъ брильянтщика, лица весьма близкаго ко Двору, — имѣетъ свою цѣну; писалъ же онъ свои воспоминанія почти 30-тъ лѣтъ спустя послѣ 1741 года, чѣмъ и объясняются нѣкоторыя его ошибки. Ред.

лучеѣ которыхъ камергеръ (?) Воронцовъ сидѣлъ кучеромъ. Одинъ гвардейскій сержантъ, лифляндецъ, по имени Грюнштейнъ *), вмѣстѣ съ Лестокомъ стали на запятки и поѣхали въ гвардейскія казармы. Было около полуночи, когда они приѣхали. Принцесса, вышедши изъ саней, вошла въ первую казарму и явилась солдатамъ, спрашивая ихъ:— «Признаете ли вы меня за дочь вашего императора, батюшки Петра Перваго?» Они всѣ поклонились ей въ ноги, отвѣчая что признаютъ. Она сказала:— «Готовы ли вы помочь мнѣ сѣсть на престолъ, который у меня отняли?» Они всѣ отвѣчали, что будутъ ей повиноваться во всемъ, что она имъ станетъ приказывать. — «Хорошо, пусть 300 человекъ изъ васъ возьмутъ оружіе и идутъ за мной, а остальные изъ полка, которые не задумались признать меня, и обѣщали повиноваться, пусть ожидаютъ моихъ приказаній».

Увѣрившись такимъ образомъ въ трехъ ротахъ, которыя тамъ квартировали, она велѣла тремъ стамъ человекамъ слѣдовать за ея санями и впереди ихъ поѣхала во дворецъ, гдѣ былъ императоръ Иванъ съ матерью его, регентшей, и принцемъ брауншвейгскимъ, мужемъ ея, которые всѣ спали не вдалекѣ отъ первой дворцовой стражи. Она вышла изъ саней и въ сопровожденіи трехъ лицъ своей свиты и человекъ пятидесяти гренадеровъ, явилась передъ часовыми, и когда сказала имъ нѣсколько словъ,—они позволили себя смѣнить. Она смѣнила ихъ своими гвардейцами. Первымъ дѣломъ Елисаветы при входѣ во дворцовый дворъ было пройти прямо въ караульную; по ея приказанію, тамошніе барабаны распороты были кинжаломъ. Остальную часть ея отряда ввели во дворъ. Она прошла безъ затрудненія въ офицерскую дежурную. Затѣмъ смѣнены были часовые, бывшіе въ императорскихъ покояхъ, и поставлены туда изъ числа прибывшихъ съ принцессою; затѣмъ она сама прошла въ по-

*) Grünstein, по происхожденію саксонецъ, низкаго происхожденія, сдѣланъ былъ по вошествіи Елисаветы на престолъ адъютантомъ Лейбъ-Компаніи, съ чиномъ бригадира, получилъ большія помѣстья и въ очень скоромъ времени сдѣланъ генераль-майоромъ. По свидѣтельству Манштейна и Гельбига, Грюнштейнъ ни по уму, ни по своему поведенію не оказался достойнымъ того званія, въ которое возвелъ его фортуна. За дурное поведеніе и дерзкіе отзывы объ Елисаветѣ, Грюнштейна высѣкли кнутомъ и сослали въ Устюгъ-Великій. Въ 1762 г. онъ возвращенъ изъ ссылки. Russische Günstlinge. Тюбингенъ, 1809 г. стр. 207 — 208.

кои; регенша и мужъ ея были взяты спящими, приставлена къ нимъ стража, также какъ и къ маленькому императору, и вмѣстѣ съ отцемъ его и матерью, они были перевезены во дворецъ, въ которомъ жила принцесса. Послѣ того Елисавета откомандировала Лестока съ однимъ гвардейскимъ офицеромъ и съ двадцатью гренадерами арестовать Остермана, перваго министра. Воронцовъ, съ своей стороны, отправился арестовать фельдмаршала Миниха, который немедленно призналъ Елисавету императрицей и велѣлъ везти себя къ ней, чтобы поздравить ее, такъ же какъ и фельдмаршалъ Ласси (Lassy), котораго арестовалъ Грюнштейнъ, такъ что все это совершилось безъ пролитія одной капли крови.

Было уже часа два, какъ я уѣхалъ отъ господина Бени, который жилъ противъ меня. Мнѣ не спалось. Слыша большой шумъ на улицѣ, я разбудилъ своего слугу, спавшаго въ комнатѣ рядомъ съ моею и послалъ его на улицу узнать, что тамъ за шумъ? Онъ воротился и объявилъ мнѣ, что собрали солдатъ, которыхъ отправляли на подкрѣпленіе финляндской арміи, такъ какъ шведы, съ которыми была война, подходили къ русской арміи*). Минуту спустя ко мнѣ вошелъ, запыхавшись, пріятель мой Вимуленъ (Vimoulin), состоявшій секретаремъ при канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, и сказалъ мнѣ: — «Знаете новость? принцесса Елисавета взошла на престолъ! Остерманъ и господинъ Бестужевъ-Рюминъ (?) (Bisuve) арестованы, въ канцеляріи приставленъ

*) Въ ноябрѣ 1741 г., въ Петербургѣ знали, что графъ Левенгауптъ, военачальникъ шведской арміи, намѣревается вторгнуться въ русскіе предѣлы. Вслѣдствіе этого всѣ полки въ Сибургѣ получили повелѣніе изготвиться къ походу; 24 ноября 1741 г. генераль Кейтъ послѣднимъ изъ столицы на театръ воен. дѣйствій; солдаты съ часу на часъ ждали призыванія выступить въ походъ. Событія, совершившіяся 25 ноября, отложили этотъ походъ.—Ночь на 25 ноября 1741 г. довольно живо описана въ запискахъ современника кн. Я. П. Шаховскаго, изд. 1821 г. Москва ч. I, стр. 49—53. Къ сожалѣнію, записки эти изданы не вполне, какъ и большая часть записокъ, вышедшихъ въ періодъ русской печати до 1856 г. Покойный Н. И. Бахтинъ говорилъ пишущему эти строки, что онъ читалъ записки кн. Я. П. Шаховскаго въ рукописномъ спискѣ, несравненно болѣе полномъ, чѣмъ тотъ, который явился въ двухъ изданіяхъ въ печати. Пора бы возстановить полный текстъ по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ изъ записокъ русскихъ дѣятелей, напечатанныхъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія.

карауль, и кажется меня тоже ищутъ, чтобы арестовать». Я его успокоилъ какъ могъ и сказалъ ему, что надо посмотрѣть, что дальше будетъ, что онъ можетъ повуда остаться у меня; я проворно одѣлся, и съ немалымъ трудомъ перешелъ улицу въ господину Бени; улица была полна солдатами. Отъ этого пріятеля я навѣрное рассчитывалъ узнать, что такое дѣлается. Дѣйствительно, Бени въ ту самую минуту, какъ я вошелъ, получилъ записку отъ господина Лестока, который въ немногихъ словахъ рассказывалъ ему совершившееся событіе. Я въ ту же минуту воротился домой сообщить это моему пріятелю Вимулену, котораго уговорилъ идти за мною ко двору поцаловать руку императрицы, куда всѣ бѣжали толпой; несмотря на давку, намъ удалось добраться до нея по милости господина Лестока, который, увидавъ меня, подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и самъ провелъ къ императрицѣ, у которой я поцаловалъ руку. Такъ какъ не мое дѣло распространяться объ этомъ событіи—подробный рассказъ обо всемъ происшедшемъ увлекъ бы меня слишкомъ далеко, — то я ограничусь тѣмъ, что вератцѣ передамъ все, что касалось меня въ новое царствованіе, внушившее мнѣ много надеждъ. Я увѣренъ былъ, что мнѣ будетъ хорошо по милости друзей, которыхъ я имѣлъ между лицами, состоявшими при дворѣ этой императрицы, и которымъ я давалъ въ кредитъ, насколько позволяло мнѣ мое маленькое состояніе, когда они были очень бѣдны; съ этого же времени они ужъ достигли до высшихъ сановъ и богатства; однако изъ всѣхъ этихъ лицъ только г. Воронцовъ и жена его, да семейство Шуваловыхъ выказали мнѣ свою признательность. Послѣдній, какъ только получилъ возможность уплатить долги, послалъ за всѣми своими кредиторами, а ко мнѣ послалъ въ первому. Явившись въ нему, я засталъ у него большое общество бояръ, явившихся засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Шуваловъ отвелъ меня въ комнату, гдѣ отдалъ мнѣ все, что долженъ былъ и сказалъ: — «Возьмите деньги ваши». Затѣмъ взялъ меня за руку и провелъ въ комнату, гдѣ были всѣ эти господа, и объявилъ обо мнѣ:—«Вотъ человекъ, которому я много обязанъ. Онъ мнѣ дѣлалъ кредитъ въ то время, когда у меня не было ничего». Тутъ онъ чрезвычайно любезно поблагодарилъ меня, общалъ мнѣ, что вездѣ, гдѣ только будетъ возможность оказать мнѣ услугу, онъ окажетъ. Впослѣдствіи

я убѣдился, что Шуваловъ говорилъ искренно *). Жена его была очень дурна собой, мала ростомъ, и всегда изъ аффектаціи одѣвалась по-мужски; она пользовалась дружбой и полнымъ довѣріемъ императрицы, обладала большимъ умомъ, но была мстительна противу тѣхъ, къ кому не была расположена; госпожа Шувалова заставляла императрицу дѣлать много зла, хотя Елисавета Петровна была отъ природы добра и необыкновенно привѣтлива въ обращеніи со всѣми, кто имѣлъ счастье приблизиться къ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличалась безукоризненной красотой; вообще надо сказать, что люди, которыми была окружена императрица, были, къ несчастью, мало образованы и отличались дурными правилами, которыя крѣпостное право вселило въ эту націю; были злы, не имѣли никакой честности, и были расположены только къ тѣмъ, кто старался удовлетворять ихъ жадность къ подаркамъ. Такимъ образомъ лица, имѣвшія дѣло къ императрицѣ могли до нея только этимъ средствомъ, часто съ большими непріятностями для тѣхъ, кто былъ честенъ. Были многіе ювелиры: греки, армяне, итальянцы, нѣмцы, привышіе къ мѣстной власти, къ подаркамъ, и вознаграждавшіе себя при продажѣ своихъ товаровъ, цѣны ихъ гораздо выше настоящей ихъ стоимости, и дамы, получившія подарки, не пропускали случая сказать императрицѣ, что находятъ цѣны даже дешевыми, хотя эта государыня была чрезвычайно скупа въ своихъ покупкахъ.

Спустя нѣсколько времени по восшествіи на престолъ Елисаветы, я имѣлъ случай увидѣть ее. Принцъ саксонскій, ея крестникъ, приѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ выпросить себѣ герцогство курляндское**), что ему и удалось. Она пожаловала его орденомъ св. Андрея. Ея камергеръ и фаворитъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, которому она объявила, что желаетъ (*elle voulait*) украсить звѣзду брильянтами, и который очень меня любилъ,

*) Рѣчь идетъ о Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ. Простой камеръ-юнкеръ цесаревны Елисаветы, онъ, по восшествіи ея на престолъ, въ первый же годъ сдѣланъ былъ дѣйствительнымъ камергеромъ и получилъ чинъ генераль-майора.

Ред.

**) Поэе разумѣетъ здѣсь графа Морица Саксонскаго, приѣзжавшаго въ Россію въ 1742 году съ домогательствомъ на курляндскую корону.

Ред.

послать за мною и спросить: могу ли я взять на себя эту работу для императрицы, которой онъ рекомендовалъ меня? Я поблагодарилъ его за доброе намѣреніе и сказалъ, что льщу себя надеждою исполнить работу не хуже любого грека или армянина; и душевно довольствуясь приличнымъ барышомъ за труды, я рѣшилъ, что прежде, чѣмъ сдѣлать самую работу, необходимо сдѣлать модель изъ воска, причѣмъ расположить на ней брилльянты такимъ образомъ, чтобы ея величество могла судить о вещи такъ же хорошо, какъ будто она была уже отдѣлана; такихъ моделей государыня еще не видала, такъ какъ у работавшихъ на нее не было это въ обычаѣ. Я спросилъ Шувалова: «какую сумму угодно ея величеству употребить?» Онъ мнѣ (сказалъ), что около пятнадцати тысячъ рублей. Вслѣдъ затѣмъ я все расположилъ по воску, и когда модель была готова, я принесъ ее во дворъ. Шуваловъ остался весьма доволенъ, сказалъ, что я отлично соединилъ брилльянты и велѣлъ идти за нимъ къ ея величеству. Войдя въ царскіе покои, Шуваловъ отправился доложить о моемъ приходѣ. Я остался въ кругу статсъ-дамъ и фрейлинъ (*dames et filles de chambre*), которыя смотрѣли на меня сердито и спрашивали, зачѣмъ я пришелъ, такъ какъ я явился не черезъ ихъ посредство, что имъ и не нравилось. Но я на этотъ счетъ былъ совершенно спокоенъ. Императрица вышла изъ своей комнаты съ Шуваловымъ, который мнѣ сдѣлалъ знакъ подойти, что я и исполнилъ. Она подала мнѣ руку. Я ее поцѣловалъ. Императрица приказала, чтобы я показалъ ей, что я принесъ. Я вынулъ коробку изъ кармана и подалъ ей. Государыня казалась весьма удивленной тѣмъ, какъ я это устроилъ, такъ какъ этого еще никто не дѣлалъ для нея. Она мнѣ выразила свое удовольствіе; хотя я замѣтилъ, что она находила работу великолѣпной по цѣнѣ, однако, она не преминула замѣтить, что дорого, и спросила: не могу ли я уступить? Я отвѣчалъ, что родился въ такой странѣ, гдѣ еще царствовала добросовѣстность, что я вмѣню себѣ въ честь поработать для нея, довольствуясь весьма умѣреннымъ барышомъ, такъ же, какъ и для друзей моихъ, удостоивавшихъ меня своимъ довѣріемъ и довѣрившихъ мнѣ свои брилльянты, чтобы помогать мнѣ зарабатывать себѣ хлѣбъ въ то время, когда я не имѣлъ никакихъ капиталовъ, кромѣ труда моего; въ доказательство чего я имѣлъ честь сказать ей, представляя ей счетъ

за брильянты, помѣщенные въ модели, что я ихъ возьму назадъ, если она прикажетъ заплатить мнѣ за фасонъ. Она засмѣялась, глядя на камергера Шувалова, который сказалъ ей:— «Можете ему повѣрить, это честный человѣкъ. Въ то время, когда я былъ пажомъ, и у меня было мало денегъ, онъ мнѣ давалъ займы, пока я получалъ свое пажеское жалованье». Императрица приказала мнѣ исполнить работу какъ можно скорѣе, что я и сдѣлалъ, имѣя шесть хорошихъ вѣнскихъ оправщиконъ, которымъ платилъ задѣльно. Я былъ увѣренъ въ ихъ честности, они жили у меня подъ глазами, и въ четыре недѣли работа была исполнена какъ нельзя лучше. Я отправился съ нею въ Петергофъ, въ загородный дворецъ ея величества, за десять мѣ отъ города, гдѣ пошелъ къ камергеру Шувалову и представилъ ему мою работу; тотъ нашелъ ее великолѣпною, и сказалъ, что поплѣтъ посмотрѣть, принимаетъ ли ея величество, такъ какъ она въ то время была нездорова. Явился пажъ и сказалъ камергеру, чтобы онъ меня ввелъ къ государынѣ. Я пошелъ за нимъ въ покои ея величества. Она меня приняла весьма милостиво, дала мнѣ поцѣловать руку и спросила:— «Принесли вы мнѣ орденъ со звѣздою и все ли готово?» Я подалъ ихъ въ раскрытыхъ футлярахъ. Государыня объявила, что весьма довольна. Она не преминула тотчасъ же показать своимъ наперсницамъ (*confidentes*), которыя не слишкомъ-то были довольны, что я миновалъ ихъ лапокъ. Изъ комнаты, гдѣ я остался, я слышалъ, какъ одна изъ этихъ гарпій сказала государынѣ, что брильянты казались ей больше, когда я ихъ показывалъ на воскѣ; это меня до такой степени взбѣсило, что я способенъ былъ пойти и вырвать у нея работу изъ рукъ. Императрица возвратилась въ комнату, гдѣ я оставался, держа въ рукѣ щипчики, какіе употребляются для ломки вещей. Она меня спросила: что я ими хочу дѣлать? Я отвѣчалъ, что хочу сломать работу, если она сомнѣвается, что тутъ не тѣ камни, которые я оцѣнилъ въ счетѣ, представленномъ мною при восковой модели, такъ какъ предпочитаю потерять плату за фасонъ тому, чтобы она не могла подумать, что я хочу ее обмануть. Она отвѣчала, что я сумасшедшій, что не нужно обращать вниманіе на то, что говорятъ эти женщины, которыя тутъ ничего не понимаютъ, но что она сама вполне довольна и увѣрена въ моей честности. Я просилъ ее приказать оцѣнить камни всѣмъ

ювелирамъ, самымъ свѣдущимъ, говоря, что я удовольствуюсь тѣмъ, во сколько они оцѣнятъ. Она отвѣтила мнѣ, что это не нужно, и отдала приказаніе заплатить мнѣ. Но впоследствии я узналъ, что императрица посылала цѣнить мою работу въ грекамъ и итальянцамъ, которые оцѣнили камни слишкомъ восемь тысячъ рублей выше противу ихъ цѣнности. Они не знали, что я сдѣлалъ работу и что я удовольствовался весьма небольшимъ барышомъ; такъ какъ я зналъ, что государыня весьма бережлива въ покупкахъ и любила похвалиться, что купилъ что-нибудь дешево, и такъ какъ я все-таки наживалъ на взятыхъ мною въ долгъ брильянтахъ, и что разъ получивъ ея довѣріе, я могъ сбывать мои камни, благодаря заказамъ отъ нея, то впоследствии это могло дать мнѣ довольно значительный барышъ и доставило бы мнѣ большой кредитъ отъ тѣхъ, которые мнѣ покровительствовали;—что дѣйствительно и случилось. Часто нуждались въ богатыхъ табакеркахъ и кольцахъ на подарки иностраннымъ министрамъ, когда имъ давалась прощальная аудіенція; а эти порученія ея величество давала канцлеру Воронцову. Тотъ ни къ кому не обращался, какъ только ко мнѣ, причемъ сообщалъ о цѣнѣ, назначенной ея величествомъ. Я исполнялъ работу сообразно съ этой цѣной, и зналъ навѣрное, что получу деньги, какъ только работа будетъ сдѣлана, изъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, которая платила за подобнаго рода подарки. Это было для меня гораздо выгоднѣе, чѣмъ продавать придворнымъ господамъ, которые покупали только въ кредитъ и часто совсѣмъ не платили, какъ это случилось со мною, когда я рѣшился возвратиться въ мое отечество.

Три года спустя послѣ того, какъ я женился, у меня было тысячь десять рублей, трое дѣтей и жена была беременна четвертымъ; въ это время нашъ мюльгаузенскій пасторъ Рисселеръ (Risselaire) сообщилъ мнѣ, что онъ намѣренъ выпросить у колоніи позволеніе отправиться на шесть мѣсяцевъ за-границу, для свиданія съ родственниками, которые еще были у него, и которыхъ онъ двадцать лѣтъ не видалъ; онъ же меня подзадорилъ съѣздить съ нимъ и взглянуть на родину, которую я также двадцать лѣтъ не видалъ*). Мнѣ такъ хотѣлось повидаться съ моими

*) Позье вышелъ изъ Швейцаріи въ Россію въ 1729 г., слѣдовательно поѣздка предпринятая имъ на родину, должна быть отнесена къ 1750 г., на каковой, впрочемъ, годъ онъ самъ ниже положительно указываетъ. Ред.

братьями и сестрами, которыхъ я тамъ оставилъ, что я отстранилъ всѣ затрудненія, представлявшіяся мнѣ и которыя могли бы меня заставить отказаться отъ моей мысли. Въ самомъ дѣлѣ, у меня никого не было, кто бы могъ вести мои дѣла, а между тѣмъ я заставилъ молчать страхъ, чтобы мои недоброжелатели лишили меня довѣрія императрицы, отстранилъ мысль о моихъ должникахъ, о моихъ счетахъ съ вельможами, бывшихъ не со всѣмъ въ порядкѣ, о моей женѣ, вступившей въ пятый мѣсяцъ беременности и трехъ маленькихъ дѣтяхъ; все это меня, конечно, сильно смущало, но съ другой стороны я соображалъ, что если теперь не рѣшусь на поѣздку за-границу, то сильно рискую никогда не увидать моей родины. Къ тому же путешествіе было необходимо мнѣ, чтобы завести кое-какія знакомства за-границей по шоей торговлѣ, которыя мнѣ были необходимы по дѣламъ; хотя я и могъ получать кредитъ между англійскими и голландскими негоціантами, но я не всегда находилъ у нихъ то, что мнѣ нужно было. Мнѣ хотѣлось, чтобы дворъ зналъ, что я могу достать вещи изъ-за границы, и что могу устроить это дешевле, чѣмъ греки и армяне, которые оплачивали мнѣ каждый разъ, какъ я не могъ обходиться безъ нихъ. Всѣ эти соображенія заставили меня рѣшиться на поѣздку. Я попросилъ господина Рисселера, который отлично умѣлъ вести книги, въ чемъ я, напротивъ, былъ весьма плохъ, потрудиться привести въ порядокъ мои дѣла и всѣ счета, мною написанные, а между тѣмъ я, съ своей стороны, взялся добыть обоимъ намъ паспорта, что было въ то время довольно трудно.

Я отправился къ канцлеру Воронцову и объявилъ ему, что у меня сдѣлалась тоска по родинѣ и что если онъ не хочетъ, чтобы я въ самомъ непродолжительномъ времени умеръ, то пусть какъ можно скорѣе выдастъ паспортъ мнѣ и моему другу, страдающему той же болѣзнью. Воронцовъ казался чрезвычайно удивленнымъ и огорченнымъ моимъ рѣшеніемъ. Графиня, которая очень меня любила, вошла въ комнату; услышавъ, что я прошу у ея мужа, она казалась тоже огорченной и сказала мнѣ:

— «Какъ же ты хочешь бросить жену и дѣтей?»

Я отвѣчалъ, что уже лѣтъ двѣнадцать имѣю честь быть извѣстнымъ ей *), что я увѣренъ, что она не считаетъ меня спо-

*) Слѣдовательно, если относить поѣздку Позье за границу въ 1750 году,

собнымъ имѣть подобное намѣреніе, что это путешествіе я принимаю только для своего исцѣленія и для того, чтобы имѣть возможность доказать ей по моемъ возвращеніи, не далѣе какъ чрезъ шесть мѣсяцевъ, какъ благодарень я за всѣ ея благодѣянія, — и что мое единственное утѣшеніе въ разлуцѣ съ семействомъ, будетъ надежда, что она не оставитъ его своими благодѣяніями; графиня весьма любезно общалась не оставляя мое семейство своими попеченіями, и дѣйствительно исполнила свое обѣщаніе. Въ то же время Воронцова поручила мнѣ привести ей гувернантку для молодой графини, и просила мужа своего дать мнѣ рекомендательныя письма къ губернаторамъ всѣхъ городовъ, черезъ которые предстояло мнѣ проѣхать до границы прусской, что было чрезвычайно полезно мнѣ на пути туда и обратно. Мнѣ стоило только передать письмо, когда оказывалось то нужнымъ и губернаторы спѣшили выказать мнѣ всевозможное вниманіе, предлагали мнѣ помощь въ чемъ бы только мнѣ ни понадобилось: съѣстными припасами, деньгами, почтовыми лошадьми; послѣднія доставлялись мнѣ за весьма умѣренную плату.

Между тѣмъ канцлеръ объявилъ, что не смѣетъ выдать мнѣ паспортъ, не доложивъ ея величеству, которой жалко будетъ меня отпустить, такъ какъ она говорила, что весьма расположена ко мнѣ, но сказала, чтобы я успокоился, что онъ доложить обо мнѣ такъ, чтобы императрица позволила выдать мнѣ паспортъ. Выйдя отъ Воронцова, я сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по городу по дѣламъ, и когда возвратился домой, жена сказала мнѣ, что ея величество прислала звать меня немедленно ко двору. Я сейчасъ же туда явился, хотя не совсѣмъ спокойный, и велѣлъ доложить о себѣ. Пажъ провелъ меня въ царскіе покои. Я подошелъ къ императрицѣ, чтобы поцѣловать полу ея платья, но она мнѣ протянула руку, которую я поцѣловалъ. Государыня спросила: зачѣмъ я хочу отъ нея уѣхать?—«Впрочемъ, продолжала она:—если это нужно, чтобы спасти тебя отъ смерти, и если ты скоро возвратишься, я согласна. Господь да проводить тебя! привези мнѣ что-нибудь хорошенькое, когда

о чемъ онъ самъ ниже говорить, то знакомство его съ Анною Карловною Савронскою (потомъ Воронцовою), началось еще при Аннѣ Иоанновнѣ около 1735 года.

Ред.

возвратиться». Я простился съ нею, поцѣловавъ ея руки и возвратился домой, значительно повеселѣвъ и занялся наиболѣе неотложными приготовленіями къ отъѣзду*)...

.....На десятый день послѣ отъѣзда изъ Риги, мы приѣхали въ Петербургъ, гдѣ я имѣлъ счастье обнять жену мою и дѣтей. Проѣхавъ 750 льѣ, я былъ сильно утомленъ. У меня сильно вспухли ноги. На слѣдующее же утро приѣхалъ гонецъ отъ императрицы, находившейся въ то время въ Петергофѣ, въ 12 льѣ отъ города; это камергеръ Сиверсъ (Sivers), встрѣтившійся намъ въ городѣ, въ то время, какъ онъ отправлялся въ Петергофъ, сообщил императрицѣ о моемъ прибытіи**). Гонецъ привезъ мнѣ приказаніе немедленно ѣхать ко двору и привезти съ собою все, что было у меня лучшаго. Несмотря на опухоль въ ногахъ, я долженъ былъ отправиться; велѣлъ заложить въ карету четырехъ хорошихъ лошадей, и приѣхавъ въ Петергофъ около полудня, прямо отправился къ камергеру Шувалову, который обнялъ меня лишь только я вошелъ въ комнату и сказалъ мнѣ, что императрица, узнавъ, что я приѣхалъ, желаетъ видѣть меня.

— «Привезли-ли вы ей чего-нибудь хорошенькаго?» — спросилъ онъ меня.

Я отвѣчалъ, что привезъ нѣсколько вещицъ, которыя, надѣюсь, ей понравятся, хотя и не очень дорогія по цѣнѣ, но совершенно въ новомъ вкусѣ.

— «Тѣмъ лучше, сказалъ онъ: — я одѣнусь и поведу васъ къ ея величеству, которая васъ ожидаетъ».

Я вручилъ ему пачку бронзовыхъ медалей, зная, что онъ ихъ очень любитъ, и дѣйствительно онъ былъ крайне обрадованъ моимъ подаркомъ, съ восторгомъ пересматривалъ работу и ска-

*) Далѣе слѣдуетъ описаніе поѣздки Позье за границу, предпринятой имъ 2-го ноября 1750 года. Мы опускаемъ этотъ эпизодъ, такъ какъ онъ не имѣетъ ни особаго интереса, ни отношенія къ Россіи и прямо переходимъ къ разсказу придворнаго брильянтчика со времени возвращенія его въ Петербургъ. Ред.

**) Упоминаемый здѣсь Сиверсъ, тотъ самый Карлъ Сиверсъ, который былъ простымъ служителемъ при цесаревнѣ Елисаветѣ и приобрѣлъ ея вниманіе умѣньемъ варить по ея вкусу кофе. Елисавета Петровна такъ привыкла къ кофе приготовленія Сиверса, что гдѣ бы она ни была, Сиверсъ всюду за ней являлся, чтобъ варить для нея этотъ напитокъ. По вошествіи Елисаветы на престолъ, Карлъ Сиверсъ быстро поднялся, былъ генералъ-поручикомъ, гофмаршаломъ и св. Александра Невскаго кавалеромъ, камергеромъ, сдѣланъ графомъ и проч. († 1774 г.).

заль мнѣ: «Ну, если ея величество увидить ихъ у меня, она у меня навѣрное отбереть ихъ».

Я отвѣчалъ, что «авось нѣтъ — у меня есть другія, которыя я намѣренъ поднести ей».

— «Тѣмъ лучше, скорѣй пойдемте къ ней, идите за мной». Къ счастью, мы были недалеко отъ царскихъ покоевъ, потому, что я съ трудомъ передвигалъ ноги.

Добрая государыня приняла меня крайне милостиво и протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ, причемъ она сказала, что если бы она знала, что я нездоровъ, она дала бы мнѣ время оправиться.

— «Вылечились ли вы отъ тоски по родинѣ, и благополучно ли вы совершили свое путешествіе? прибавила она: — я очень рада васъ видѣть. Что вы мнѣ принесли хорошенькаго? Вы знаете, что вы мнѣ обѣщали гостинцы».

Я отвѣчалъ, что я болѣе всего на свѣтѣ желаю, чтобы вещицы, которыя имѣю честь поднести ей, понравились ей, и разложилъ на столѣ все, что захватилъ въ карманъ и что считалъ наиболѣе по ея вкусу. Ее особенно заняло маленькое художественной работы яичко, на которомъ былъ изображенъ изъ брильянтовъ двуглавый орелъ и ея имя, и которое открывалось посредствомъ маленькой пружинки и могло служить корбочкой для туалета и другія вещицы — табакерки, во вкусѣ еще неизвѣстномъ въ Россіи, маленькое ожерелье (esclavage) изъ брильянтиковъ, очень красиваго рисунка, которое можно было надѣть на шею, будто ниточку, и которое она сейчасъ же одѣла, замѣтивъ: «Господи, какъ это мило и удобно!» Кольцо съ маленькими часиками, обсыпанными брильянтиками, которое она тотчасъ же надѣла на палецъ и сказала: «Если-бы у васъ была съ собою моя рука, вы не могли бы вѣрнѣе сдѣлать кольцо по мѣркѣ. Всѣ эти вещицы я нахожу удивительно красивыми, и ни одной не отдамъ вамъ. Благодарю васъ за вниманіе; вы сдѣлали мнѣ огромное удовольствіе, привезя мнѣ все это: Пришлите мнѣ счетъ съ цѣною каждой вещицы, и я немедленно велю заплатить вамъ». Всѣхъ вещей было на двѣнадцать тысячъ рублей. Наконецъ я вынулъ пачку съ медалями и просилъ ее удостоить принять ихъ и позволить мнѣ не ставить ихъ на счетъ. Она засмѣялась. «Стало быть вы хотите мнѣ подарить ихъ?»

Разглядывая ихъ, она выразила мнѣ свое удовольствіе и спросила, могу ли я убѣдить художника, сдѣлавшаго ихъ, переселиться въ Россію и поступить къ ней на службу? Я отвѣтилъ ей, что надѣюсь исполнить ея желаніе, и что если ея величеству угодно, я ему напишу. «Вы мнѣ сдѣлаете этимъ большое удовольствіе», отвѣтила она. Я до того времени уже получилъ письмо отъ Дасье (Deusié) сына, бывшаго въ Лондонѣ, который просилъ меня узнать, не возьмутъ ли его на службу за жалованье въ двѣ тысячи рублей. Вскорѣ послѣ этого, я доставилъ ему содержаніе въ три тысячи рублей при даровой квартирѣ, и написалъ ему объ этомъ, посылая ему пятьсотъ рублей, которые я выпросилъ ему на дорогу. Онъ приѣхалъ два мѣсяца спустя.

Я возвратился въ городъ крайне довольный пріемомъ, сдѣланнымъ мнѣ императрицей. На обратномъ пути я не могъ не заѣхать къ Воронцовой, жившей на дачѣ недалеко отъ Петергофа, съ мужемъ, въ то время больнымъ. Они оба меня обняли, поздравили съ благополучнымъ возвращеніемъ и первымъ дѣломъ спросили: привезъ ли я имъ гувернантку? Я отвѣчалъ, что привезъ и не осмѣлился бы возвратиться безъ нея: что, будучи ими облагодѣтельствованъ, я не могъ изъ благодарности не исполнить столь легкаго порученія, но что я одного желаю, чтобы они остались довольны ею. Затѣмъ я рассказалъ имъ, какъ меня приняла императрица; они поздравили меня, увѣряя, что отъ души радуются моему счастью. Наконецъ я спросилъ ихъ, согласны ли они, чтобы я оставилъ эту дѣвицу еще нѣсколько дней у себя, чтобы она успѣла оправиться отъ долгаго путешествія, такъ какъ у нея также опухоль въ ногахъ, какъ и у меня. Обѣщая привезти ее какъ можно скорѣе, я простился съ ними и возвратился въ городъ къ семейству, на которое едва успѣлъ взглянуть. Мнѣ же нужно было оправиться. Недѣлю спустя я имѣлъ радость видѣть нашего пастора, который приѣхалъ съ женою, что меня совершенно успокоило. Онъ нашелъ квартиру свою готовою потому, что мы оба жили на самомъ дворѣ нашей церкви, и я все приготовилъ. Оказалось, что изъ Любека онъ ѣхалъ всего восемь дней.

Отдохнувъ немного, я поѣхалъ въ Ораніенбаумъ представиться ихъ императорскимъ высочествамъ, великому князю и ве-

ливой княгинѣ, которымъ я поднесъ нѣсколько золотыхъ вещицъ, зная, что это будетъ имъ пріятно. Они приняли меня милостиво, взяли все, что я показалъ имъ, но, такъ какъ я зналъ, что денегъ у нихъ немного, потому что императрица выдавала имъ весьма мало и даже сердилась, когда имъ давали въ кредитъ, то я привезъ имъ немного вещей, такъ какъ въ теченіи пятнадцатилѣтняго моего знакомства съ ними, я весьма рѣдко видалъ отъ нихъ деньги. Императрица крайне стѣсняла ихъ въ денежномъ отношеніи*). Она никогда не ложилась спать ранѣе шести часовъ утра и спала до полудня и позже**); вслѣдствіе этого Елисавета нерѣдко ночью посылала за мною, и задавала мнѣ какую-нибудь работу, какая найдетъ ея фантазія, и мнѣ иногда приходилось оставаться всю ночь и дожидаться пока она вспомнитъ, что требовала меня. Мнѣ иногда случалось возвратиться домой, и минуто спустя быть снова потребованнымъ къ ней: она часто сердилась, что я не дождался ее; такимъ образомъ я терялъ много времени, которое не приносило мнѣ такой прибыли, какую могло бы принести, такъ какъ въ послѣднее время ея царствованія я пользовался ея довѣріемъ. Во время ея болѣзни, продолжавшейся шесть мѣсяцевъ, никто не допускался къ ней, даже министры по самымъ важнымъ неотложнымъ дѣламъ не могли добиться, чтобы она подписала бумаги, и часто канцлеръ Воронцовъ, зная, что она посылала за мною, когда выпадала минуточка получше, поручалъ мнѣ просить ее отъ его имени подписать наиболѣе важныя бумаги, и я осмѣливался подносить ихъ ей только тогда, когда замѣчалъ, что она въ добромъ расположеніи духа, но и тогда я замѣчалъ, что она съ

*) Собственные рассказы Екатерины II объ отношеніяхъ императрицы Елисаветы, какъ къ ней, Екатеринѣ, такъ и къ ея мужу вполне подтверждаютъ справедливость показаній по этому предмету Поэе. См. Записки императрицы Екатерины II. Ред.

**) Иностранные резиденты при русскомъ дворѣ временъ Елисаветы вполне подтверждаютъ настоящія показанія Поэе, см. депеши Педольда и друг. въ *Geschichte des Russischen Staats von Ernst Hertmann. t. V, изд. 1853 года, стр. 190* и друг.; сличи также депеши по этому предмету англійскихъ и французскихъ пословъ при русскомъ дворѣ, приведенныя въ книгѣ: *La Cour de la Russie il y a cent ans. Berlin. 1858 г., стр. 99* и др. «*Elisabeth, — писалъ, напр., къ своему двору англійскій министръ, лордъ Hyndford въ 1745 году: est en proie à une telle terreur qu'elle reste rarement plus de deux jours dans le même lieu, et peu de gens savent où elle dort.*» Ред.

какимъ-то отвращеніемъ исполняла это*). Эти порученія были довольно неприятны для меня, но я не могъ отказать въ своемъ содѣйствіи именно канцлеру Воронцову. Около того же времени графъ Эстергази просилъ меня зайти къ нему; посоль вън-скаго двора находился въ самомъ жалкомъ состояніи здоровья, и доктора торопили его ѣхать на воды въ Ахенъ, иначе онъ не могъ избѣжать смерти; между тѣмъ онъ употреблялъ всѣ усилія, принималъ всѣ мѣры, чтобы быть допущеннымъ къ императрицѣ на прощальную аудіенцію и никакъ не могъ добиться того. Тогда канцлеръ Воронцовъ посовѣтовалъ ему обратиться ко мнѣ. Я отправился къ нему. Лишь только онъ увидѣлъ меня, какъ сказалъ: «Любезный Позье, я знаю, что вы настолько расположены ко мнѣ, чтобы оказать мнѣ услугу, отъ которой зависитъ спасеніе жизни моей; я знаю, что вы имѣете случай видѣть императрицу, которую никто не видитъ кромѣ тѣхъ, кого она сама къ себѣ требуетъ». Я отвѣтилъ, что мнѣ будетъ чрезвычайно лестно имѣть возможность доказать ему мою благодарность за все добро его ко мнѣ и дружбу, которой онъ меня удостоивалъ во время моего пребыванія въ Россіи. «Я это дѣлалъ съ удовольствіемъ, возразилъ онъ:—потому что знаю васъ за честнаго человѣка, и потому, что вы заслужили уваженіе всѣхъ самыхъ честныхъ людей въ этомъ краѣ. Я нѣсколько разъ имѣлъ случай говорить объ васъ съ императрицей, которая, какъ мнѣ показалось, уважаетъ васъ. Вотъ почему я васъ прошу, когда вы будете имѣть случай видѣть ее, изложить ей мое печальное положеніе. Я знаю, что у нее доброе сердце и что она уважитъ мою просьбу». Тутъ онъ мнѣ показалъ свои раны; онѣ были всѣ красны, словно скорлупа рака. «Скажите ей, продолжалъ онъ,—все, что вы сочтете нужнымъ. Я знаю, что ея болѣзнь не дозволяетъ ей дать мнѣ официальную прощальную аудіенцію, а удовольствуюсь тѣмъ, если мнѣ будетъ позволено поцѣловать ея руку и проститься съ нею. Окажите мнѣ эту услугу; я знаю, что вы можете это сдѣлать». Я ему обѣщалъ, что въ первый же разъ, какъ я явлюсь къ императрицѣ, не премину исполнить его порученіе. У меня какъ разъ была одна вещица, которую она

*) Показанія эти вполне подтверждаются отзывами представителей иностранныхъ дворовъ при дворѣ Елисаветы, см. въ книгѣ Германна и въ книгѣ *La Cour de la Russie*.

приказала мнѣ приготовить ей и которую я долженъ былъ отдать ей на другой день. Поэтому я объявилъ послу, что если мнѣ возможно будетъ передать лично, то я не премину воспользоваться этимъ случаемъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Любезный Позье, я ожидаю отъ васъ услуги, за которую буду благодаренъ вамъ всю жизнь».

Я не преминулъ отправиться ко двору на слѣдующій же день и спросилъ первую фрейлину (*fille de chambre*) ея величества, которую я нѣсколько приручилъ*). Она явилась и спросила, чего я хочу. Я сказалъ ей, что имѣю нѣчто передать императрицѣ, которая приказала мнѣ передать это лично. Она сказала, что доложить императрицѣ, что я тутъ. Четверть часа спустя она возвратилась и сказала мнѣ, чтобы я вошелъ въ спальню ея величества. Я засталъ императрицу сидящею на креслахъ подлѣ кровати. Я подошелъ, чтобы поцѣловать у нея руку, а она меня спросила: «Что вы мнѣ принесли?»—«Эту вещь, которую вы мнѣ заказали», отвѣчалъ я. Я передалъ вещь и она казалась была довольна ею. «Есть ли у васъ что-нибудь еще показать мнѣ?» Я вынулъ изъ кармана футляръ, въ которомъ было кольцо съ однимъ брилльянтомъ въ двѣнадцать тысячъ рублей. Она сказала: «Ага, ну вотъ это кольцо я возьму; мнѣ нужно сдѣлать подарокъ графу Эстергази, который тоже сдѣлалъ мнѣ подарокъ». Я ухватился за случай и сказалъ ей, что видѣлъ графа наванунѣ въ самомъ жалкомъ положеніи, что ему остается, по словамъ докторовъ, въ время присутствія сказанныхъ, не болѣе полугода жизни, въ томъ случаѣ, если онъ не поспѣшитъ отправиться на ахенскія воды, на что онъ отвѣтилъ, что не можетъ надѣяться такъ скоро получить отъ ея величества прощальную аудіенцію, зная, что сама она нездорова, и что онъ удовольствовался бы тѣмъ, чтобы просто поцѣловать ея руку безъ всякой церемоніи, и что такое разрѣшеніе будетъ ему величайшею милостью. Она казалась крайне огорчена была этимъ извѣстіемъ, потому что очень любила графа, и поручила мнѣ отправиться къ нему и сказать отъ ея имени, что несмотря на плохое состояніе ея собственнаго здоровья, она прикажетъ канцлеру Воронцову поѣхать за нимъ

*) Описываемыя здѣсь событія были въ послѣдніе мѣсяцы 1761 года. Ред.

на слѣдующее утро и привезти его къ ней, чтобы проститься съ нимъ безъ церемоніи, такъ какъ она желаетъ, чтобы онъ имѣлъ возможность въ скорѣйшемъ времени уѣхать на воды; а кольцо въ двѣнадцать тысячъ рублей оставила у себя. Я прежде всего отправился объявить объ этомъ пріятномъ извѣстіи графу Эстергази, который отъ радости обнялъ меня и непремѣнно хотѣлъ, чтобы я остался у него обѣдать — честь эту онъ мнѣ много разъ оказывалъ. Послѣ обѣда онъ приказалъ секретарю посольства все приготовить къ дорогѣ, а также приготовить карету съ парадной ливреей на слѣдующее утро, чтобы ѣхать проститься съ императрицей, что дѣйствительно и случилось по его желанію. Лишь только онъ возвратился отъ аудіенціи, онъ прислалъ за мною, еще полный радости, и показалъ мнѣ кольцо, подаренное ему ея величествомъ, а также множество прекрасныхъ мѣховъ. Я рассчиталъ, что всего могло быть на 25,000 рублей. Онъ рассказалъ мнѣ, какъ милостиво императрица его приняла. Я высказалъ ему, какъ пріятно мнѣ видѣть его такимъ довольнымъ. Онъ обнялъ меня, говоря: «любезный Позье, если я когда-нибудь узнаю, что вы уѣхали изъ Россіи, а ко мнѣ не пріѣхали навѣстить меня, то, если я буду въ живыхъ, пошлю солдатъ взять васъ и силою привести». Онъ приказалъ своему домоправителю отобрать для меня лучшее его венгерское вино и старое рейнское вино и послалъ ко мнѣ съ нѣкоторою мебелью, которую онъ оставлялъ. Я поблагодарилъ его и простился съ нимъ, желая ему благополучнаго пути. Мнѣ грустно было расстаться съ этимъ вельможей, который искренно желалъ мнѣ добра и у котораго я порядочно нажилъ, такъ какъ онъ былъ чрезвычайно точенъ въ платежахъ.

Императрица скончалась нѣсколько мѣсяцевъ спустя по отъѣздѣ этого вельможи, и въ то время, какъ я надѣялся устроить нѣсколько выгодныхъ дѣлъ, что меня очень огорчило, тѣмъ болѣе, что лучшіе изъ придворныхъ вельможъ были ко мнѣ расположены, и все змінилось при восшествіи на престолъ Петра III, племянника ея. Къ счастью для меня, я былъ очень хорошо извѣстенъ ему и великой княгинѣ, супругѣ его, такъ какъ рѣдко проходилъ день, чтобы я не имѣлъ чести ихъ видѣть.

IV.

Вольфъ Позье.—Вниманіе къ нему умирающей императрицы Елисаветы. — Позье въ комнатахъ Елисаветы Воронцовой. — Позье получает чинъ бригадира. — Приближенные Петра III. — Работы Позье для убранства оставшею императрицы Елисаветы.—Шатерина у гроба Елисаветы.—Воспоминанія о балахъ, маскарадахъ и прочихъ увеселеніяхъ Елисаветы и ея двора. — Дворецъ Елисаветы Петровны. — Наряды дамъ.—Обычай румяниться. — Корона и брилліанты императрицы Елисаветы и уборы ея приближенныхъ. — Торговля дѣла и компаньоны Позье. — Принцессы Голштинскія. — Петръ III въ Ораніенбаумѣ. — Позье у Елисаветы Воронцовой. — Голштинская гвардія. — Спектакль, устроенный Петромъ III. — Вторичная поѣздка Позье въ Ораніенбаумъ. — Событія 28, 29 и 30 іюня 1762 г. — Судьба принца Георга Голштинскаго и его семейства.

1761 — 1762 гг.

Во время кончины императрицы Елисаветы, я былъ очень боленъ, у меня было воспаленіе въ легкихъ, отъ котораго мнѣ пустили кровь семь разъ въ одинъ день, и на выздоровленіе мое не имѣлось ни малѣйшей надежды. Императрица, въ то время бывшая еще въ живыхъ, узнавъ объ этомъ черезъ своего врача, который отъ нея не отходилъ, и котораго жена моя просила, какъ друга дома, зайти на минуту, если возможно, такъ какъ я жилъ очень близко отъ дворца,—императрица, говоря я, велѣла ему сейчасъ же идти ко мнѣ и посмотрѣть, не можетъ ли онъ помочь мнѣ, увѣряя, что она можетъ обойтись безъ него *). Была полночь, когда онъ пришелъ; въ ту самую минуту пускали мнѣ кровь въ пятый разъ въ этотъ день. Я чувствовалъ облегченіе отъ колотья въ боку только пока текла кровь моя. Онъ прописалъ мнѣ большую стьянку микстуры слабительнаго, такъ какъ мнѣ уже поставили пять блистировъ и все понапрасну; въ пять часовъ утра въ шестой разъ пустили мнѣ кровь. Доктора мои, которые меня не оставляли, заставили меня выпить остальную изъ стьянки микстуру. Желудокъ у меня былъ такъ полонъ, что я не могъ проглотить, а боль была невыносимая. Я просилъ пастора прийти помолиться за меня; докторъ находилъ меня столь слабымъ, что почти отчаявался въ моей

*) Надо думать, что докторъ, упоминаемый здѣсь, былъ — лейбъ-медикъ императрицы — Мунзей, главнѣйшій изъ трехъ докторовъ, пользовавшихъ Елисавету Петровну предъ смертью, прочіе два были: Шиллингъ и Крузе. Ред.

жизни. Лекарство, однако, подѣйствовало и дней черезъ восемь я былъ въ состояннн встать съ постели. Въ это время великій князь прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ офицеровъ просить меня достать ему золотую табакерку, осыпанную брильянтами, которая была ему нужна. Такъ какъ жена моя знала, что я, по возможности, избѣгаю давать великому князю въ кредитъ, потому что это было запрещено мнѣ самой императрицей, она неосторожно отвѣчала этому офицеру, что ей не до того, что я почти при смерти и поэтому она не можетъ говорить со мною о такихъ вещахъ. Тотъ и ушелъ съ этимъ отвѣтомъ. Жена моя рассказала мнѣ все это только тогда, когда я уже значительно поправился; нѣсколько дней спустя я узналъ, что императрица скончалась, что было двойнымъ огорченіемъ для меня, а на третій день я узналъ, что великій князь провозглашенъ императоромъ. Я былъ обязанъ идти его поздравить, а какъ представиться ему послѣ того, что случилось? Дѣло шло о совершенной моей гибели, если бы Петръ III разсердился на меня. Хотя невинный, я жестоко беспокоился до той минуты, когда увидѣлъ его. Я зналъ, что фрейлина графиня Елисавета Воронцова, воспитанная у дяди ея великаго канцлера Воронцова и бывшая фрейлиной при великой княгинѣ, имѣла большое вліяніе на новаго императора, котораго она слыха фавориткой*), и такъ какъ она оказывала мнѣ большое расположеніе, то я рѣшился написать къ ней записку съ объясненіемъ, что болѣзнь до того разслабила меня, что я, несмотря на сильное мое желаніе поздравить императора съ восшествіемъ на престолъ, не могу этого исполнить, такъ какъ слабость моя не дозволяетъ мнѣ долго стоять въ ожиданнн его въ залѣ; что я знаю, что онъ иногда бываетъ на ея половинѣ,

*) Графиня Елисавета Романовна Воронцова р. 1737 г., умерла 1792 г., камеръ-фрейлина и гав. дама Ерд. св. Екатерины пер. степ., по смерти Петра III вышла замужъ за статскаго совѣтника Александра Ивановича Польскаго. Непривлекательными чертами обрисовываетъ наружность Елисаветы Романовны Болотовъ, многократно видѣвшій ее во дворцѣ въ эпоху ея фавора: Воронцова — говоритъ Болотовъ — была непомерно толста, нескладна, широкорожа, дурна и обрюзгла... и въ самомъ дѣлѣ была она (Елисавета Романовна) таковая — замѣчаетъ Болотовъ, что всякому даже смотреть на нее было отвратительно и гнусно». (Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ. Подлинная рукопись, ч. IX стр. 148). Ред.

и что она премного обяжетъ меня, если позволить отправиться къ ней, давъ мнѣ знать, когда онъ будетъ у нея. Она мнѣ велѣла отвѣчать, чтобы я приходилъ въ тотъ же день въ девять часовъ вечера, что она меня помѣститъ въ комнату, гдѣ мнѣ будетъ удобно, и можно будетъ видѣть императора, когда онъ войдетъ. Это меня нѣсколько успокоило; ея любезное предложеніе дало мнѣ мысль, что если бы императоръ упомянулъ ей о своемъ неудовольствіи противъ меня, она бы такъ не поступила. Я сѣлъ въ карету и ровно въ девять часовъ вечера отправился въ гр. Воронцовой. Она приняла меня весьма вѣжливо, поздравивъ меня съ выздоровленіемъ; сказала, что императоръ не замедлитъ навѣстить ее, и что мнѣ можно будетъ поздравить его тутъ, и что при немъ будетъ небольшая свита. Въ самомъ дѣлѣ, минутой спустя онъ вошелъ въ сопровожденіи двухъ своихъ любимцевъ *). Я всталъ, какъ только увидѣлъ его и подошелъ, чтобы поцѣловать его руку, но онъ меня обнялъ и сказалъ:

— «А, это вы, Позье? Мнѣ сказали, что вы собираетесь умирать».

Я весьма развязно отвѣчалъ ему, что передумалъ, желая имѣть честь поздравить его императоромъ. Онъ засмѣялся и сказалъ:

— «Я теперь богатъ,—заплачу вамъ».

Видя, что императоръ разговариваетъ со мною въ такомъ тонѣ, я возразилъ, что я буду крайне радъ посмотрѣть какого цвѣта у него деньги, которыхъ я пятнадцать лѣтъ уже отъ него не видалъ.

— «Вы знаете, отвѣчалъ мнѣ Петръ — что въ этомъ не я виноватъ, и что мнѣ давали весьма мало денегъ. Теперь чѣмъ могу служить вамъ?»

— Тѣмъ, ваше императорское величество, что позволите мнѣ имѣть честь служить вамъ, если я имѣю частіе быть вамъ угоднымъ?

— «Хорошо, сказалъ онъ мнѣ:—назначая васъ моимъ ювелиромъ съ чиномъ бригадира, чтобы вы могли входить въ мои покои, когда захотите».

*) Андрей Васильевичъ Гудовичъ и Левъ Алексан. Нарышкинъ? Ред.

Онъ приказалъ своему адъютанту Гудовичу (Goudovis), который былъ тутъ, тотчасъ же поѣхать въ сенатъ, чтобы тамъ издали указъ на слѣдующее утро съ объясненіемъ всему государству объ этомъ назначеніи.

Я поцѣловалъ у него руку и благодарилъ за милость, оказанную мнѣ, увѣряя, что приложу все стараніе, чтобы быть достойнымъ ея. Затѣмъ я возвратился домой подѣлиться этой пріятной новостью съ женой, которая была не совсѣмъ спокойна, когда я вышелъ изъ дома, и не ожидала услышать то, что я сказалъ ей по возвращеніи.

Несмотря на этотъ счастливый поворотъ въ судьбѣ моей, я скоро замѣтилъ, что упалъ въ пропасть, изъ которой не легко мнѣ будетъ безопасно выбраться. Я видѣлъ, что императора обружали молодые люди, извѣстные мнѣ по своимъ дурнымъ правиламъ, нечестности, и которые, не имѣя ничего, были надменнѣе императора и воображали, что дѣлаютъ мнѣ большую честь, завязывая мнѣ все, что приходило имъ на умъ, тогда какъ я не имѣлъ ни малѣйшей надежды получить отъ нихъ деньги *). Отказать же имъ я не могъ изъ опасенія, чтобы они не возстали противъ меня императора, пользуясь всѣмъ его довѣріемъ. Сверхъ того они поддерживали недоразумѣнія между императоромъ съ императрицей, изъ опасенія, чтобы она не забрала въ руки бразды правленія, въ чему она была гораздо способнѣе, и при которой имъ было бы далеко не такъ привольно **). Я имѣлъ всевозможные поводы домогаться расположенія

*) Лица, о которыхъ столь жесткій отзывъ дѣлаетъ Позье, — были, между прочимъ, слѣдующіи: Дм. Вас. Волковъ, Алекс. Ив. Глѣбовъ, Алекс. Петр. Мельгуновъ, братья Алекс. и Левъ Нарышкины, Гудовичъ, и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ, при замѣчательныхъ дарованіяхъ и способностяхъ, дѣйствительно не вполне обладали нравственными качествами честности и благородства. Характеристики этихъ лицъ смотри, между прочимъ, въ IV главѣ статьи пишущаго эти строки: «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи: очеркъ царствованія Петра III». (Отеч. Зап. 1867 г.). Ред.

**) Весьма важно показаніе Позье о томъ, что нѣкоторые изъ приближенныхъ Петра III изъ своекорыстныхъ расчетовъ поддерживали и раздували воишь неприязненныя отношенія государя къ его супругѣ, подтверждается свидѣтельствомъ многихъ современниковъ. «У сихъ негодныхъ людей, — говоритъ, между прочимъ, о приближенныхъ Петра III-го современникъ Болотовъ — наглавнѣйшее пощеченіе было о томъ, чтобы разсорить императора съ императрицей, его супругою и привести ее ему въ ненависть совершенную. И не можно довольно изобразить — продолжаетъ Болотовъ: сколь много они

этой государыни, которая часто посылала за мною по дѣламъ, касающимся моей специальности.

Однажды, когда я выходилъ изъ ея покоевъ, я встрѣтилъ императора, вышедшаго изъ дворца съ своими любимцами. Онъ меня спросилъ, откуда я? Я ему отвѣчалъ, что отъ императрицы, что она мнѣ заказала вещицу, въ которой она нуждается.

Императоръ съ сердитымъ видомъ сказалъ мнѣ, что онъ запрещаетъ мнѣ ходить къ ней. Это какъ громомъ поразило меня. Какъ отказаться мнѣ являться къ императрицѣ, когда она пришлетъ за мною?

«Что съ тобой станется при подобныхъ обстоятельствахъ? спрашивалъ я самъ себя. Всѣ старинные друзья, на которыхъ ты могъ рассчитывать, удалены отъ императора, ты остался безъ всякихъ средствъ и выходовъ. Если ты обратишься къ графинѣ Елисаветѣ Воронцовой, то рискуешь навлечь на себя негодованіе императрицы, которая не имѣетъ причины любить ее»,—словомъ, я находился въ незавидномъ положеніи.

Къ счастью моему императоръ не имѣлъ желанія участвовать въ церемоніяхъ, необходимыхъ при похоронахъ покойной императрицы, тетки его, и предоставилъ заботу эту своей супругѣ, которая распорядилась какъ нельзя лучше, обладая вполне политическимъ тактомъ, необходимымъ, чтобы приобрести расположеніе бояръ, составлявшихъ дворъ покойной, любимой ими до боготворенія. Такъ какъ нужно было сдѣлать корону, чтобы возложить ее на голову покойной, тѣло которой было выставлено на парадномъ одрѣ, то Екатерина прислала за мною по этому случаю. Я понялъ, что императоръ не обратитъ на это вниманія, несмотря на свое запрещеніе, однако пошелъ къ нему просить его распоряженія.

въ томъ успѣли. Они довели его (Петра III) до того, что онъ не только говорилъ объ ней съ явнымъ недоброяжелательствомъ публично, но употреблялъ при томъ выраженія, которыя никто не могъ слышать безъ досады и огорченія. Словомъ, слабость его въ семь случаевъ до того простиралась, что запрещено было отъ него даже садовникамъ петергофскимъ, гдѣ тогда сіа государыня по его велѣнію находилась, давать ей тѣ садовые фрукты, о которыхъ онъ зналъ, что она была до нихъ великая охотница»... (По длинная рукопись записокъ Болотова, ч. IX стр. 369—370). Ред.

Императоръ отвѣчалъ мнѣ, что могу отправиться въ императрицѣ, потому что онъ поручилъ ей распоряжаться этимъ горжествомъ. Это ужъ меня успокоило, а то я просто не зналъ какъ быть и какъ себя держать. Я отправился.

Лишь только императрица увидѣла меня, она сказала:

— «А, это вы, Позье? Войдите, у меня для васъ есть работа. Нужно сдѣлать корону. Вы посадите за нее какъ можно больше рабочихъ и принесите ее какъ только будетъ готова».

Я тотчасъ же посадилъ рабочихъ моихъ за дѣло, и корона была живо исполнена. Я отнесъ ее какъ только она была готова; императрица осталась весьма довольна и сказала:

— «Будьте сегодня въ шесть часовъ въ парадной залѣ, гдѣ выставлена покойная».

Я отправился, но ощущалъ сильное волненіе, увидавъ эту добрую государыню въ большой залѣ, освѣщенной шестью тысячами свѣчами, на парадномъ одрѣ, окруженную печальной погребальной обстановкой. Всѣ статсъ-дамы и фрейлины, составлявшія ея штатъ, окружали одрѣ Елисаветы, размѣщенные на извѣстномъ разстояніи, въ глубокомъ траурѣ. Архіереи и священники въ полныхъ облаченіяхъ читали молитвы. Я подошелъ и сталъ на колѣни, чтобы поцѣловать ея руку, какъ это дѣлается въ теченіе шести недѣль до погребенія, и какъ дѣлаютъ всѣ, кто приходитъ прощаться съ нею*). Я взглянулъ на ея дамъ, которыя при видѣ меня не могли удержаться отъ слезъ, такъ же какъ и я самъ, столько разъ бывший свидѣтелемъ доброты и привѣтливости покойной государыни ко всѣмъ, имѣвшимъ честь приблизиться къ ней.

Императрица въ эту минуту вошла, а за ней пажъ несъ золотую корону, сдѣланную мною по ея заказу. Отвѣчая на по-

*) Другой современникъ въ описаніи прощанія своего съ останками императрицы Елисаветы совершенно подтверждаетъ Позье. См. въ книгѣ: *Anecdotes Russes ou lettres d'un officier allemand à un gentilhomme livonien, écrites de Pétersbourg en 1762,—publiées par De-la-M a r c h e. Londres, 1764, стр. 32—34.* Описывая церемоніаль прощанія русскихъ съ прахомъ государыни — нѣмецкій офицеръ, между прочимъ, замѣчаетъ: «*Ils se baissoient à de certaines distances deux fois jusqu'en terre; ils se prosternoient enfin, ou plutôt ils se jetoient devant le lit, face contre terre, avec une telle violence, que je craignois qu'ils ne se cassassent la tête. Après ces cérémonies ils se mettoient à deux genoux et baisoient dans cette posture la main de l'Impératrice; ils se retiroient enfin en observant les mêmes formalités.*» etc. Ред.

клоны всѣхъ этихъ дамъ, Екатерина взошла къ изголовью параднаго одра покойной, съ золотою короною въ рукѣ, съ тѣмъ, чтобы самой возложить ей на ея голову. Увидавъ меня, она сдѣлала мнѣ знакъ подойти и помочь ей; такъ какъ я имѣлъ предосторожность сдѣлать нѣсколько винтиковъ въ бордюрѣ, охватывающей самый лобъ, а голова покойной сильно вспухла, мнѣ не трудно было расширить корону, что я и сдѣлалъ съ помощью щипчиковъ, которыми я запасся. Я слыхалъ, какъ дамы кругомъ меня хвалили императрицу и удивлялись ея твердости, съ которой она пожелала сама надѣть корону на голову покойной. Несмотря на всѣ куренія и благовонія, меня такъ сильно обдало запахомъ мертваго тѣла, что я едва могъ устоять противъ нея. Однако императрица вынесла все это съ удивительною твердостью и этимъ одержала полнѣйшую побѣду надъ сердцами своихъ подданныхъ, какъ видно изъ всего, что послѣдовало; поэтому могу сказать безъ преувеличенія, что едва ли какое-нибудь погребальное торжество совершалось съ такимъ порядкомъ и съ такимъ великолѣпьемъ, что нахвалиться не могли императрицей, которой поручено было распоряжаться всею церемоніей.

Прежде чѣмъ воротиться къ моимъ собственнымъ дѣламъ, не могу не сдѣлать краткаго описанія великолѣпія двора покойной императрицы и увеселеній, которыя давались на масляницу и по случаю другихъ праздниковъ, въ особенности маскарадовъ. Въ маскарадахъ участвовали обыкновенно всѣ, кто только могъ достать билетъ на входъ; билетовъ же раздавалось отъ 1000 до 1500. Маскарады эти были роскошны и давались въ императорскомъ дворцѣ, гдѣ, по этому случаю, раскрывались всѣ парадные покои, ведущіе въ большую залу, представляющую двойной кубъ въ сто футовъ. Вся столярная работа выкрашена зеленымъ цвѣтомъ, а панели на обояхъ позолочены. Съ одной стороны находится двѣнадцать большихъ оконъ, соотвѣтствующихъ такому же числу зеркалъ изъ самыхъ огромныхъ, какія только можно имѣть; потолокъ исписанъ эмблематическими фигурами*).

*) Позье описываетъ дворецъ Елисаветы, находившійся на углу Мойки и Невскаго проспекта, у нынѣшняго Полицейскаго моста; зала, которая нравилась Позье, восхищала въ 1762 году и другихъ современниковъ: «нигдѣ я такъ

Не легко описать впечатлѣніе, которое зала эта производитъ съ перваго взгляда по своей громадности и великолѣпію; по ней двигалось бывало безчисленное множество масокъ въ богатѣйшихъ костюмахъ, раздѣленныхъ на кадрили и на группы; всѣ покои бывали богато освѣщены: въ одну минуту зажигается не менѣе десяти тысячъ свѣтъ. Есть нѣсколько комнатъ для танцевъ, для игры, и общій эффектъ самый роскошный и величественный. Въ одной изъ комнатъ обыкновенно императрица играла въ фараонъ или въ шиветъ, а въ десяти часамъ она удалялась и появлялась въ маскарадной залѣ, гдѣ оставалась до пяти или шести часовъ утра, нѣсколько разъ перемѣняя маски. По окончаніи бала каждый удалялся. Въ обыкновенные дни давали четыре разныхъ представленія: французскую комедію, итальянскую оперу, нѣмецкую комедію и русскую комедію. Придворный театръ очень хорошъ, великолѣпно раззолоченъ. Каждое воскресенье бывали пріемъ и балъ, кромѣ большихъ праздниковъ. Нельзя ничего вообразить себѣ болѣе величественнаго двора при подобныхъ случаяхъ: рѣдко бывало менѣе трехъ тысячъ гостей, въ томъ числѣ лучшая молодежь обоего пола. Придворныя дамы не мало способствовали къ блеску этихъ собраний, обладая въ высокой степени искусствомъ одѣваться къ лицу и сверхъ того умѣють до невозможности поддерживать свою красоту. Всѣ женщины въ Россіи, какого бы онѣ ни были званія, начиная императрицей и кончая крестьянкой, — румянятся, полагая, что къ лицу имѣть красныя щеки. Наряды дамъ очень богаты, равно какъ и золотыя вещи ихъ; брильянтовъ придворныя дамы надѣваютъ изумительное множество. На дамахъ, сравнительно низшаго званія, бываетъ брильянтовъ на 10—12,000 рублей.

Онѣ даже въ частной жизни никогда не выѣзжаютъ, не увѣшанныя драгоценными уборами и я не думаю, чтобы изъ всѣхъ европейскихъ государынь была хоть одна, имѣвшая болѣе драгоценныхъ уборовъ, чѣмъ русская императрица. Корона императрицы Елисаветы, стоящая чрезвычайно дорого, состоитъ, такъ же какъ и всѣ ея уборы, изъ самоцвѣтныхъ камней: изъ

не восхищался зрѣніемъ, пишетъ Болотовъ: какъ въ большой тронной залѣ, занимающей цѣлой и особой, придѣланной съ боку ко дворцу флигель; преогромная была то и такая комната, какой я до того нигдѣ и никогда еще не видывалъ. (Записки Болотова; подлинная рукопись, ч. IX, стр. 103) Ред.

рубиновъ, изъ сапфировъ, изъ изумруда. Всѣ эти камни ни съ чѣмъ не сравнятся по своей величинѣ и красотѣ. Таково впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этого двора, который я имѣлъ время изучить, проживъ при немъ около тридцати лѣтъ*).

Возвращаюсь къ тому, что произошло послѣ погребенія императрицы Елисаветы, и въ особенности къ происшествіямъ бывшимъ со мною. Мнѣ слишкомъ много пришлось бы писать, если бы я захотѣлъ передать всѣ превратности, случившіяся со мною, покражи, которыя я потерпѣлъ, пожары, отъ которыхъ погорѣлъ нѣсколько разъ съ большими для себя потерями, — постоянныя неприятности по дѣламъ отъ знати, которая того только и добивалась, чтобы покупать въ кредитъ, не имѣя чѣмъ заплатить, вслѣдствіе чего я не рѣдко бывалъ принуждаемъ, когда видѣлъ, что подѣзжаетъ къ моей квартирѣ пять или шесть каретъ шестернею, запираеть двери и приказывалъ связать, что меня дома нѣтъ, чтобы избѣгнуть необходимости рисковать моимъ добромъ и добромъ моихъ пріятелей, довѣряющихъ мнѣ свои товары; наконецъ не могу описать страха и трудовъ, которые я постоянно терпѣлъ, не имѣя никого, кому бы я могъ довѣрить часть моихъ дѣлъ на сторонѣ. Конечно, у меня были прикащики, которымъ я платилъ большое жалованье, но которые не понимали ни языка, ни самой торговли, и служили мнѣ больше писарями, да держали книги въ нѣкоторомъ порядкѣ. Часто случалось, что лишь только сяду за столъ, приходилось выдти изъ-за него, или возвращаясь домой, я заставлялъ ихъ (?) преспокойно за обѣдомъ; вечеромъ, намучившись въ цѣлый день, я долженъ былъ работать при свѣчѣ, приготовляя работу моимъ мастерамъ, которые приходили въ пять часовъ утра, — все это сильно подорвало мое здоровье.

Я вступилъ въ компанію въ царствованіе императрицы Елисаветы съ г. Луи Давидомъ Дювалемъ, женецкомъ, который побывалъ въ ювелирской торговлѣ въ Лондонѣ у братьевъ своихъ, и пріѣхалъ въ Петербургъ съ товаромъ тысячъ на пять рублей. Въ качествѣ моего соотечественника, онъ остановился у меня и показалъ мнѣ привезенный имъ товаръ, состо-

* Поэзе, безъ сомнѣнія, считаетъ съ 1738 или 1739 года, когда онъ въ качествѣ еще подмастерья Граверо сталъ появляться въ дворцовыхъ покояхъ Анны Ивановны. Ред.

явшій изъ табакерокъ изъ авантюрина (pierre aventurine), часовъ дамскихъ и мужскихъ футлировъ, оправленныхъ золотомъ, и pinchebes и проч. и проч. Я сказалъ ему, что это можно будетъ сбыть, тѣмъ болѣе, что въ Россіи еще не появлялась эта композиція: «Но такъ какъ вы не знаете, какъ здѣсь торговать, сказалъ я ему:—я боюсь, чтобы вы не оборвались, продавъ въ кредитъ, потому что рѣдко удается продавать за наличныя деньги, и какъ бы вамъ долго не пришлось бѣгать за долгами, не зная здѣшняго края. Я васъ выручу изъ этого затрудненія; назначьте цѣну съ умѣреннымъ барышомъ, и я куплю у васъ весь вашъ запасъ и заплачу за него наличными деньгами».

Онъ принялъ предложеніе мое съ большимъ удовольствіемъ и остался имъ весьма доволенъ. Замѣтивъ въ то время, какъ онъ жилъ у меня, что онъ очень смышленъ по счетной части, и выслушавъ отъ него разсказъ о томъ, какъ онъ работалъ у братьевъ въ Лондонѣ, я убѣдился, что это честный человѣкъ и предложилъ ему вступить со мною въ компанію на три года, въ надеждѣ, что онъ облегчитъ мнѣ переписку и веденіе счетовъ, что онъ и принялъ съ большою радостью, увѣряя меня, что у меня съ нимъ дѣло пойдетъ отлично, что братья его въ Лондонѣ будутъ въ восторгѣ и будутъ намъ чрезвычайно полезны по ювелирской части, такъ какъ они ведутъ обширную торговлю въ качествѣ ювелировъ англійскаго короля, и что при этомъ они меня знаютъ по репутаціи, будучи знакомы съ русскимъ посломъ въ Лондонѣ, который имъ расхваливалъ меня до небесъ. Я сказалъ ему, чтобы онъ сообщилъ братьямъ о сдѣланномъ ему мною предложеніи прежде, чѣмъ окончательно приметъ его, но онъ увѣрилъ меня, что это лишнее, что онъ на счетъ братьевъ не беспокоится; итакъ; мы заключили компаньонскій контрактъ на четыре года, по его желанію, и положили каждый по пяти тысячъ рублей капитала товаромъ. Братья его написали мнѣ письмо самое дружеское, въ которомъ увѣряли, что они будутъ въ восторгѣ имѣть дѣла съ нами и предлагали всякія услуги. Мы и принялись за работу. Первый годъ прошелъ довольно благополучно. Во всемъ, что касалось переписки и счетной части, я безусловно полагался на моего компаньона, по дѣламъ же, которыя у меня были внѣ дома, онъ ничѣмъ не могъ мнѣ

помочь, нисколько не будучи въ тому способенъ, даже если бы онъ и зналъ языкъ; въ тому же, онъ былъ угрюмаго, молчаливаго нрава, что вовсе было бы неудобно для веденія дѣлъ съ петербургскою знатью. Братья его прислали намъ товару, но такого, который не подходилъ въ моему роду торговли, заключающемуся исключительно въ золотыхъ вещахъ и драгоценныхъ каменьяхъ. Товары эти нужно было сбывать, потому что они послались намъ на комиссію и сами брали ихъ изъ магазина, какъ я впоследствии узналъ, отъ одного изъ братьевъ ихъ, проживающаго во Франкфуртѣ, гдѣ онъ и умеръ; а это только отвлекло меня отъ моей главной торговли и подвергало меня неприятностямъ. Только благодаря значенію, которымъ я пользовался при дворѣ, могъ я избѣгнуть описи моей собственности, такъ какъ не позволялось продавать петербургскимъ торговцамъ подобнаго товара и полиція имѣетъ право дѣлать обыски у частныхъ лицъ, и если находятъ эти товары, можетъ ограбить весь домъ, посадить хозяина подъ арестъ и взять съ него большой штрафъ; словомъ, я просилъ моего компаньона написать братьямъ своимъ, чтобы они болѣе подобныхъ вещей въ намъ не присылали, какъ несовмѣстныя съ нашего рода торговлей. Это его разсердило, и я иногда по цѣлымъ недѣлямъ не могъ добиться отъ него ни одного слова. Кромѣ того, я получилъ частное письмо отъ моихъ корреспондентовъ гг. Ренуръ (Renour), въ которыхъ я нуждался и сношенія съ которыми были мнѣ большимъ подспорьемъ, потому что я, не имѣя собственнаго капитала, пользовался обширнымъ кредитомъ у нихъ по ювелирской части. Въ этомъ письмѣ они жаловались, что я не увѣдомилъ ихъ о моемъ намѣреніи вступить въ эту компанію, и говорили, что они могли бы дать мнѣ по этому поводу хорошей совѣтъ, и что мнѣ извѣстно, какое довѣріе они всегда имѣли ко мнѣ, такъ какъ они всегда посылали мнѣ вдвое больше товару, чѣмъ я просилъ у нихъ. Правда, что и имъ была отъ этого выгода, вслѣдствіе процентовъ, которые они брали съ меня за то, что давали мнѣ въ долгъ, однако это было удобнѣе и мнѣ, которому приходилось давать въ кредитъ на очень долгіе сроки. Они, между прочимъ, жаловались на то, что мой компаньонъ обращается къ нимъ свысока въ письмахъ, которыя онъ писалъ помимо меня, такъ какъ я исключительно предоставилъ ему за-

вѣдывать моей перепиской, и дѣла мои не давали мнѣ времени провѣрять ее. Далѣе, писали они мнѣ, что замѣтили, будто гораздо рѣже стали посылаться къ нимъ деньги, чѣмъ когда я одинъ занимался дѣлами и что имъ пріятнѣе получать вѣжливо написанныя письма, чѣмъ постоянныя дерзости и придирки.

Это былъ единственный разъ, что на меня пожаловались мои пріатели съ тѣхъ поръ, какъ у меня завязалась переписка съ ними; а я иногда имѣлъ выгоду отъ знакомства съ ними, потому что они посылали мнѣ свои вещи на комиссію и соглашались подвергаться всѣмъ рискамъ. Компаньонъ мой отвѣтилъ на замѣчаніе мое, что я поступаю не такъ, какъ слѣдовало бы дѣловому человѣку, что лучше заставить ихъ брать цѣну товара съ насъ, а намъ самимъ брать всѣ риски на себя, и что мы такимъ образомъ будемъ получать гораздо больше барыша. Сколько я съ нимъ ни говорилъ объ этомъ, это ни къ чему не пошло. Я готовъ былъ искушать себя пальцы отъ досады, что вздумалъ вступить въ компанію съ этимъ господиномъ, который не только не облегчалъ мнѣ дѣло, но прибавлялъ заботы и тревоги.

Прошло уже три года, какъ я возился съ нимъ, когда онъ заболѣлъ какой-то меланхоліей, которой онъ страдалъ уже въ Лондонѣ, гдѣ жилъ у своихъ братьевъ, какъ они впоследствии мнѣ писали. Съ нимъ дѣлались какіе-то припадки въ родѣ умопомѣшательства: онъ приходилъ ни съ того, ни съ сего ночью ко мнѣ, будилъ меня и объявлялъ, что совершилъ преступленіе противъ императрицы, что его велѣно арестовать и заключить въ крѣпость. Какъ ни старался я успокоить его, онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ этой мысли. Иногда онъ являлся ко мнѣ въ комнату, становился передъ зеркаломъ съ бритвою въ рукѣ, и дѣлалъ видъ, что хочетъ перерѣзать себя горло. Я пригласилъ двухъ докторовъ какъ-нибудь его вылечить. Они предписали ему ванны со льдомъ, но я никакъ не могъ уговорить его сѣсть въ ванну, а силу употребить не хотѣлъ. Наконецъ онъ объявилъ мнѣ, что сядетъ, если я самъ первый въ нее саду и останусь въ ней рядомъ съ нимъ. Хотя это было вовсе не здорово для меня, однако я сѣлъ, въ надеждѣ, что это ему поможетъ. Дѣйствительно, въ ту же ночь онъ былъ поспокойнѣе. Я просилъ г. Дювиліаро (du Villiario), одного изъ его пріателей и соотечественниковъ, переночевать въ его комнатѣ съ двумя

слугами и стеречь его, думая, что онъ, по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, не отдѣлается отъ своей маніи. Доктора объявили мнѣ, что единственное средство помочь ему — переправить его за море. Не малыхъ трудовъ стоило мнѣ посадить его на корабль. Я передалъ его съ руля на руки капитану, англичанину, который былъ знакомъ съ его братьями въ Лондонѣ, и общалъ мнѣ доставить ему всевозможный уходъ. Послѣ того я получилъ письмо отъ его братьевъ, въ которомъ они извѣщали меня о его благополучномъ прибытіи и о томъ, что онъ много поправился, и что его отправили въ деревню, гдѣ надѣялись на совершенное его выздоровленіе; онъ и самъ написалъ мнѣ, мѣсяцъ спустя послѣ своего прибытія, очень дружеское письмо, въ которомъ извѣщаль, что надѣется въ скоромъ времени возвратиться, чтобъ привести въ порядокъ дѣла наши, и извѣявлялъ опасенія, что все перепутано, такъ какъ онъ давно не былъ въ состояніи работать.

Когда я писалъ братьямъ его, сообщая имъ о болѣзни моего компаньона, я просилъ ихъ прислать безотлагательно вѣрнаго человѣка для приведенія въ порядокъ нашихъ дѣлъ. Они мнѣ прислали своего прикащика г. Пешье (Peschie), весьма умнаго малаго, очень свѣдущаго по бухгалтеріи. Я помѣстилъ его у себя, сдалъ ему письма и бумаги нашей компаніи въ полное распоряженіе. Гг. Дюваль надѣялись, что я этого молодого человѣка возьму къ себѣ въ компаньоны вмѣсто ихъ брата, и поэтому въ письмѣ расхвалили мнѣ его, чего онъ впрочемъ вполне заслуживалъ, да кромѣ того, надавали ему письма къ русскимъ вельможамъ, знавшимъ его въ Лондонѣ, и къ нѣкоторымъ знакомымъ англійскимъ торговымъ домамъ. Всѣ совѣтовали мнѣ такъ и сдѣлать, но совершенно напрасно: я слишкомъ много натерпѣлся съ моимъ первымъ компаньономъ, чтобы поторопиться завести другого, и поэтому остался неумолимымъ, тѣмъ болѣе, что г. Пешье (Peschie) могъ помогать мнѣ только по части бухгалтеріи, чего было совершенно достаточно, такъ какъ у меня былъ прикащикъ. Когда г. Пешье привелъ книги мои въ порядокъ, оказалось, что мой компаньонъ не внесъ въ нихъ всѣхъ плохихъ товаровъ, присланныхъ намъ, по его словамъ, на комиссію, и которыхъ оставалось у насъ еще половина, никуда не годная, всего слишкомъ на десять тысячъ рублей, и это

все было записано на нашъ счетъ съ платою по 8⁰/₁₀₀, до полной уплаты этой суммы; оставалось еще много кое-чего, на что я посмотрѣлъ сквозь пальцы, чтобы скорѣе кончить и избѣгнуть дрязгъ. Несмотря на то, у насъ оставалось до двадцати тысячъ рублей барыша, съ полученіемъ всего, что намъ были должны и по уплатѣ нашимъ кредиторамъ. Но прежде чѣмъ мы успѣли окончить ликвидацию — и того почти не было. Г. Пешье возвратился въ Лондонъ, а мой компаньонъ явился въ Петербургъ совершенно здоровымъ и мы подѣлили документы на наши долги, которыхъ я не взялъ исключительно на себя, вопреки всѣмъ просьбамъ его братьевъ.

Затѣмъ, я принялся трудиться одинъ и надѣялся порядочно заработать у императора Петра III, который накупилъ у меня множество вещей для своей тетки и племянницы, принцессъ голштинскихъ, выписанныхъ имъ въ Петербургъ и небогатыхъ брильянтами въ сравненіи съ нашими дамами *).

Мнѣ тѣмъ легче удалось расположить ихъ въ свою пользу, что они не знали мѣстныхъ обычаевъ и совѣтовались со мною, какъ являться имъ ко двору въ высоторжественные дни. Убѣдившись, что у нихъ не слишкомъ-то много вещей, и что наши дамы непременно бы сказали: «смотрите-ка, эти иностранки чуть не голыя приѣхали къ намъ, а уѣдутъ богачками», я имъ надѣлалъ нѣсколько уборовъ изъ фальшивыхъ камней разныхъ цвѣтовъ, подобранныхъ и перемѣшанныхъ съ брильянтами такъ, что невозможно было догадаться, что камни не настоящіе. Это произвело огромный эффектъ, и приѣзжія нѣсколько разъ являлись все въ разныхъ уборахъ, и наши дамы надивиться не могли, какъ это у нихъ такъ много вещей изъ такихъ отличныхъ камней, съ такимъ вкусомъ подобранныхъ и отдѣланныхъ. Какъ только я являлся ко двору, меня обступали и спрашивали: настоящіе ли это камни? Я, разумѣется, не разувѣрялъ ихъ, какъ и сговорился съ принцессами. Императоръ, которому извѣстна была эта хитрость, приходилъ въ восторгъ, тѣмъ

*) Въ первое же время по восшествіи своемъ на престолъ, Петръ III написалъ изъ Германіи своего дядю, принца Георга Голштинскаго (р. въ 1719 г.), генерала прусской службы. Тотъ приѣхалъ съ женой принцессою Голштейн-Бекскою Софією Шарлоттою и съ двумя сыновьями; тогда же явился въ Россію, по зову Петра III, принцъ Голштейн-Бекскій Петръ-Августъ-Фридрихъ (р. 1697 г.) съ женою и юною еще дочерью.

болѣе, что это его избавляло отъ слишкомъ большого расхода для тетки и племянницы. Однажды, заставъ меня у тетки, вмѣстѣ съ которой я подбиралъ камни, онъ сказалъ мнѣ: «Вы какъ чортъ изобрѣтательны».

Эта добрая принцесса исповѣдывала реформатскую религію и часто бывала въ нашей французской церкви, при которой я былъ старостою уже лѣтъ пятнадцать. Я воспользовался этимъ случаемъ, и просилъ ее намекнуть императору, который чрезвычайно ее уважалъ, чтобы онъ далъ пособіе нашей церкви, недавно погорѣвшей, такъ какъ наша колонія была слишкомъ малочисленна и не имѣла средствъ построить новую. Императоръ обѣщалъ помочь намъ и затѣмъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ, загородную резиденцію, подаренную ему повойной императрицей, когда онъ былъ великимъ княземъ, и очень имъ любимую *). Онъ собирался тамъ повеселиться, а императрицѣ приказалъ поселиться въ Петергофѣ въ трехъ лѣ отъ Ораніенбаума. При ней было всего шесть камеръ-фрейлинъ, да два камеръ-юнкера (*gentilshommes de sa chambre*), съ ней поѣхалъ и маленькій великій князь, сынъ ея **). Императоръ же взялъ съ собою всѣхъ своихъ фаворитовъ и самыхъ красивыхъ придворныхъ дамъ, цвѣтъ аристократіи ***), хотя всѣ сильно роптали на то, что не дозволялось имъ оставаться съ императрицей, которую всѣ очень любили, да и ей не легко было отправляться одной чуть не въ ссылке.

Наканунѣ того, какъ Петру III вздумалось устроить домашній спектакль, въ которомъ самъ захотѣлъ быть дирижеромъ, а комедію разыгрывать должны были только придворныя дамы и вельможи, онъ послалъ за мною курьера съ приказаніемъ мнѣ отправиться въ Ораніенбаумъ съ раннего утра, такъ какъ для меня есть дѣло.

*) Петръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ 11 іюня 1762 г.

Ред.

**) Это не вѣрно: семилѣтній Павелъ Петровичъ оставался въ Петербургѣ подъ надзоромъ и на попеченіи его воспитателя Н. И. Панина.

Ред.

***) Изъ этихъ лицъ болѣе другихъ были замѣчательныя слѣдующія особы: Елисавета Романовна Воронцова, двѣнадцатилѣтняя принцесса Екатерина Голштейнъ-Бекская, Марія Александровна Нарышкина, Анна Никитишна Нарышкина, Марія Осиповна Нарышкина — жены придворныхъ сановниковъ; гр. Анна Карловна Воронцова, ея дочь гр. Строгонова, гр. Брюсъ и друг. Изъ мужчинъ были: гр. Минихъ, князь Трубенцкой, канцлеръ гр. Воронцовъ, Александръ Ив. Шуваловъ, вице-канцлеръ кн. Голицынъ, Штелинь и др.

Ред.

Императрица въ тотъ же день прислала мнѣ сказать, чтобы я ѣхалъ къ ней въ Петергофъ, что я и исполнилъ, прежде чѣмъ отправиться къ императору, до котораго надо было проѣхать еще 3 льѣ. Было очень рано *); горничная, въ которой я обратился, объявила мнѣ, что императрица еще спитъ и, вѣроятно, не встанетъ еще часа два, такъ какъ поздно легла. Я сказалъ горничной, что мнѣ приказано явиться къ императору рано утромъ, что поэтому не могу дожидаться, а заѣду на возвратномъ пути въ городъ за приказаніемъ императрицы. Не воображая, что я увижу ее въ Ораніенбаумѣ, куда императоръ велѣлъ ей приѣхать, я опять сѣлъ въ карету и поторопился, чтобы приѣхать туда пораньше. Я явился къ графинѣ Елисаветѣ Воронцовой, которой привезъ букетъ изъ брильянтовъ; она узнала, что у меня есть такой букетъ — и потребовала его себѣ. Я спросилъ у ея горничныхъ, встала ли графиня. Онѣ отвѣчали мнѣ, что не встала, но и не спитъ, потому что не въ духѣ.

— Въ такомъ случаѣ я уѣду, сказалъ я.

Но онѣ меня задержали и просили подождать, такъ какъ ужъ доложили обо мнѣ, и боялись, чтобы графиня не разсердилась еще болѣе.

— Одни вы можете развеселить ее, говорили онѣ.

Мнѣ пришлось дожидаться.

Нѣсколько времени спустя меня пригласили въ комнату графини, которая сидѣла передъ туалетнымъ столомъ. Я приотворилъ дверь и, пристально посматрѣвъ на нее, сказалъ:

— Вы не въ духѣ, поэтому я уберусь.

Она вскочила со стула и сказала:

— Нѣтъ, не уходите. Что вы мнѣ принесли хорошенькаго?

— «У меня ничего нѣтъ для тѣхъ, кто не въ духѣ».

Она накинулась на меня и начала шарить въ моихъ карманахъ. Въ эту самую минуту вошелъ чрезъ потайную дверь въ халатѣ, императоръ.

— Это что такое? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что очень радъ, что его величество явился ко мнѣ на выручку, что я пришелъ къ графинѣ показать ей хоро-

*) Это было, какъ видно изъ нижеизложенныхъ обстоятельствъ, 27 іюня 1762 года.

шеный букетъ изъ брильянтовъ, но что, заставъ ее не въ духѣ, я не хотѣлъ ей его показывать.

— Очень хорошо, Позье, не давайте ей, а отдайте мнѣ.

Это я и исполнилъ, несмотря на всѣ усилія и старанія графини отнять у меня букетъ.

Императоръ тутъ же подарилъ графинѣ этотъ букетъ, но съ условіемъ, чтобы она развеселилась.

Ей только того и нужно было, потому что она была крайне жадна. Императоръ сдѣлалъ мнѣ заказъ, съ которымъ велѣлъ приѣхать, а именно: заказалъ нѣсколько вещей къ его именинамъ (pour sa fête), предстоявшимъ черезъ недѣлю (?); да еще послалъ за своимъ камердинеромъ и велѣлъ ему отдать мнѣ ключи отъ вещей въ городѣ, во дворцѣ, когда оныя мнѣ понадобятся. Переговоривъ о дѣлѣ, я хотѣлъ поцѣловать у императора руку и проститься съ нимъ, но онъ сказалъ мнѣ:

— Куда вы торопитесь?

Я сказалъ, что ѣду въ городъ и приготовлю, что его величество мнѣ приказалъ.

— Нѣтъ, вы сегодня останетесь здѣсь; я хочу, чтобы вы посмотрѣли мою комедію. Вотъ вамъ билетъ. Я всѣ билеты раздаю самъ. Можете пообѣдать съ моими медиками.

Я поблагодарилъ его и сказалъ, что долженъ отправиться къ великому канцлеру Воронцову въ обѣденный часъ, и просилъ, чтобы онъ меня отпустилъ.

— Очень хорошо, отвѣтилъ Петръ, отпускаю.

Воронцовы приняли меня, по обыкновенію. Я присутствовалъ при ученіи голштинскихъ войскъ передъ обѣдомъ, и при сраженіи двухъ маленькихъ галеръ на большомъ пруду, что мнѣ показалось совершеннымъ представленіемъ маріонетокъ; но императоръ находилъ самое большое удовольствіе въ этихъ маневрахъ, на которые роптало дворянство, въ особенности гвардейскіе полки, которыхъ ставили ни во что въ сравненіи съ горстью голштинцевъ. Сидя за столомъ, рядомъ съ женою великаго канцлера Воронцова, которая еще не опомнилась отъ горя по своей двоюродной сестрѣ, покойной императрицѣ Елисаветѣ, я осмѣлился тихо сказать ей по-французски:

«Ваше превосходительство, что вы объ этомъ думаете? Я, по крайней мѣрѣ, очень боюсь, какъ бы не случилось чего-ни-

будь ужаснаго, и долженъ вамъ признаться, что видя все, что я вижу теперь, я не совѣмъ спокоенъ».

— «Вы правы, отвѣчала она мнѣ: я имѣю поводъ быть еще менѣ спокойна, чѣмъ вы, потому что вы иностранецъ. Но нужно молчать и предоставить все на волю Господню». При этомъ графиня не могла удержаться отъ слезъ.

— «Я знаю, что вы насъ любите и принимаете участіе въ нашемъ горѣ — продолжала Воронцова — но ведите себя осторожно, чтобы съ вами ни случилось чего-нибудь при такихъ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся».

Послѣ обѣда пришлось идти смотрѣть комедію, чего мнѣ вовсе не хотѣлось, но я не смѣлъ отказаться. Я сѣлъ напротивъ сцены, подѣ ложей, гдѣ сидѣла императрица одна съ двумя фрейлинами (*frelles*) и однимъ пажомъ, въ глубокомъ траурѣ; всѣ другія дамы сидѣли въ ложахъ подлѣ оркестра и игриво болтали съ кавалерами. Императоръ сѣлъ въ самый оркестръ, гдѣ игралъ на скрипкѣ съ музыкантами-итальянцами и нѣсколькими изъ придворныхъ дворянъ (*gentilshommes de la cour*), умѣвшими играть на разныхъ инструментахъ.

Я иногда взглядывалъ на императрицу, которая казалась очень грустною и скучно смотрѣла на эту комедію. Она замѣтила меня и прислала ко мнѣ своего пажа сказать, чтобы я, по выходѣ изъ театра, зашелъ къ ней въ ея покои, такъ какъ она хочетъ кое-что мнѣ заказать. Я отправился, но не безъ нѣкотораго безпокойства, какъ бы фавориты императора или камердинеры его не увидали, какъ я вхожу къ Екатеринѣ и не пересказали ему, что бы могло меня погубить, смотря потому, въ какомъ настроеніи духа они въ ту минуту были. Къ счастью, я никого не встрѣтилъ, кромѣ слугъ императрицы, которые провели меня въ ея покои, гдѣ она уже была.

Я засталъ императрицу сидящею на диванѣ. Она сказала мнѣ:

— «Поэте, я сломала свой орденъ святой Екатерины, а такъ какъ у меня всего только одинъ и есть осыпанный брильянтами, то я желала бы, чтобы вы его взяли съ собой и поправили. У меня есть еще нѣкоторые завазы вамъ, которые дамъ вамъ, когда вы мнѣ привезете орденъ».

Орденъ этотъ былъ на ней надѣтъ и она велѣла горничной снять его, чтобы отдать мнѣ.

Было десять часовъ вечера. Я сказалъ ей: «видно ваше величество сегодня не возвратитесь въ Петергофъ и будете ужинать здѣсь?»

— «Мнѣ бы этого не хотѣлось, отвѣчала Екатерина:—въ Петергофъ мнѣ было бы веселѣе».

Я замѣтилъ, что можетъ быть орденъ ей понадобится, если она не захватила съ собой другого.

Это былъ тотъ самый день, въ который графиня Елисавета Воронцова должна была явиться съ орденомъ, подареннымъ ей императоромъ. Я сказалъ это императрицѣ, чтобы она подумала, не обидится ли императоръ за то, что она въ пику нарочно является къ столу безъ ордена.

— «Хорошо, оставьте, приѣзжайте за нимъ завтра въ Петергофъ; мнѣ совѣстно васъ безповоить, но тамъ я вамъ все отдамъ, что мнѣ нужно передѣлать».

Я поцѣловалъ у ней руку и сказалъ, что поѣду обратно въ городъ.

— «Хотѣлось бы и мнѣ сдѣлать тоже самое, сказала она:—потому что мнѣ здѣсь очень не весело».

Я передъ тѣмъ приказалъ моему слугѣ ждать меня съ каретою за главными дворцовыми воротами (*derrière la grande porte du palais*), чтобы не запутаться во множествѣ другихъ экипажей. Хотя было 11 часовъ вечера, я проѣхалъ разстояніе до города *en moins de douze heures, en moins de trois heures du temps* (sic). Я утомился, когда приѣхалъ, потому что лошади, заложенные въ четверку, бѣжали во всю прыть и было три часа, когда я легъ, а на слѣдующій день мнѣ предстояло сдѣлать ту же поѣзду, чтобы быть въ Ораніенбаумѣ въ полдень.

Проспавъ три или четыре часа, я всталъ, забралъ все, что нужно было везти, — у меня были почти всѣ вещи всѣхъ придворныхъ дамъ, которыя дали мнѣ ихъ чистить и передѣлать къ праздникамъ. Я могъ выѣхать только въ 9 часовъ съ вещами; при мнѣ ихъ было болѣе, чѣмъ на двѣсти тысячъ рублей съ тѣми, что я взялъ для государя. Проѣхавъ половину дороги, я встрѣтилъ одного гвардейскаго офицера верхомъ, который скакалъ въ городъ во весь опоръ. Я опустилъ стекло въ каретѣ, чтобы посмотреть: это былъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Онъ подѣхалъ къ моей каретѣ, которую я остановилъ.

Всадникъ сказалъ мнѣ тихо, такъ чтобы слуга мой не услышалъ:

— «Возвращайтесь прежде всего въ городъ; вы рискуете. Сейчасъ похитили въ Петергофъ императрицу черезъ окно. Развѣ вы не встрѣтили частной кареты, въ которой везутъ ее въ городъ? *). Всѣ гольштинцы, по всѣмъ дорогамъ ищутъ ее. Говорю вамъ это какъ другъ,—воротитесь какъ можно скорѣе въ городъ».

Всадникъ прищипорилъ лошадь и усккалъ.

Я велѣлъ ямщику (postillon) какъ можно скорѣе воротиться въ городъ, подъ предлогомъ будто я тамъ что-то забылъ, что мнѣ необходимо везти съ собой. Я во весь опоръ поскакалъ въ городъ, и приѣхавъ, встрѣтилъ на улицахъ конногвардейцевъ (les soldats au garde à cheval), которые метались по улицамъ въ расыпную съ обнаженными саблями въ рукахъ съ радостными возгласами:

«Да здравствуетъ императрица Екатерина!!»

Мнѣ едва удалось попасть въ свой домъ, который былъ окруженъ солдатами. Я воскликнулъ: «Господи, Боже мой, что все это значитъ? Неужели императоръ умеръ?» Я послѣшилъ выйти изъ кареты, захвативъ шкатулки съ вещами и нашелъ жену

*) Здѣсь необходимо указать на ошибку Позье. Память ему измѣнила въ указаніи дня восшествія на престолъ Екатерины: выше онъ говоритъ, что онъ ѣздилъ въ Ораніенбаумъ, поднесъ тамъ брильянтовый букетъ Елисаветѣ Воронцовой и говорилъ съ императоромъ и императрицей за недѣлю до праздника Петра и Павла, между тѣмъ это было только за три дня. Затѣмъ далѣе говоритъ, что Екатерина взошла на престолъ на слѣдующій же день послѣ этой поѣздки его въ Ораніенбаумъ; факты же произошли такъ: Екатерина въ послѣдній разъ приѣхала въ Ораніенбаумъ 26 іюня 1762 г. Обѣдъ въ японской залѣ дворца и маскарадъ въ оперѣ заняли день; на другой день — 27 іюня — Петръ и Екатерина провели нѣкоторое время на великолѣпномъ празднествѣ у старика гр. Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, въ его имѣніи Гостилицяхъ, близъ Ораніенбаума. Вечеромъ 27 іюня — Петръ и Екатерина разъѣхались каждый къ себѣ: императоръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ, императрица—въ Петергофъ, въ этотъ вечеръ они видѣлись въ послѣдній разъ въ жизни. На другой день, 28 іюня 1762 года, въ пятомъ часу утра, Екатерина въ сопровожденіи Алексѣя Орлова, горничной своей Екатерины Ивановны Шаргородской и камердинера Шкурина—оставляетъ Петергофскій дворецъ, садится въ частную карету, приготовленную Орловымъ, и ѣдетъ въ столицу. Такимъ образомъ описываемая Позье вторичная поѣздка въ Ораніенбаумъ, встрѣча съ верховымъ и проч. были 28 іюня 1762 года.

въ страшномъ испугѣ. Я сказалъ ей: «Это ничего. Пусть оставятъ меня одного въ моей комнатѣ».

Я прежде всего поднялъ половицу, гдѣ было пустое мѣсто, и тамъ зарылъ мои шкатулки и все, что нашелъ у себя цѣннаго. Сдѣлавъ это, я захотѣлъ посмотрѣть, что творится и приготовился выйти со двора.

Я увидѣлъ двухъ молодыхъ англичанъ, которыхъ преслѣдовали солдаты съ обнаженными саблями. Они не говорили по-русски. Я сказалъ этимъ солдатамъ по-русски:

— «Что вы дѣлаете? Зачѣмъ преслѣдуете этихъ господъ, которые ничего вамъ не сдѣлали? Я знакомъ съ вашимъ офицеромъ, который ужъ вѣрно не приказалъ вамъ этого дѣлать».

Они мнѣ отвѣчали:—«Да они насъ ругаютъ на своемъ языкѣ».

— Вы ошибаетесь, это вовсе не такіе люди, которые бы могли такъ поступать.

Я имъ далъ пол-эю—единственное средство усмирить ихъ.

Они меня поблагодарили и сказали:—«Если вамъ угодно, мы станемъ стеречь вашъ домъ, потому что нашъ постъ совсѣмъ близко отсюда».

Я сказалъ, что это будетъ мнѣ пріятно, и что ихъ офицеръ, одинъ изъ моихъ друзей, скажетъ имъ за это спасибо.

Я, конечно, высмалъ имъ водки. Обоихъ англичанъ я взялъ къ себѣ въ домъ и сказалъ имъ, чтобы они нѣсколько подождали, пока немного усмирятся умы, потому что всѣ иностранцы подвергаются большой опасности на улицахъ. Я самъ слышалъ, какъ солдаты говорили между собою, что всѣхъ иноземцовъ надо перерѣзать.

Нетерпѣливо желая узнать, что происходило, я велѣлъ женѣ не выходить изъ дома и оставаться съ дѣтьми, а самъ отправился отыскивать кого-нибудь, кто бы мнѣ сказалъ что-нибудь положительное объ этомъ событіи; такъ какъ я жилъ подлѣ императорскаго дворца, а голландская церковь составляла уголъ съ улицею близъ Синяго моста, ведущею во дворецъ, то я прошелъ изъ моего двора садомъ, чтобы не столкнуться съ солдатами, которыми улица была запружена. Я нашелъ нѣсколькихъ знакомыхъ, отъ которыхъ узналъ въ чемъ дѣло. Я увидѣлъ гвардейскаго офицера преображенскаго полка, котораго я зналъ, и наконецъ видѣлъ въ Ораніенбаумѣ;—онъ занималъ съ командою

постъ противъ нашихъ оконъ. Я зазвалъ его къ себѣ на шпалль (shalle) водки.

Офицеръ разсказалъ мнѣ, что какъ только императрица возвратилась въ Петергофъ, тотчасъ послѣ ужина, одинъ изъ заговорщиковъ заставъ офицера, котораго считалъ своимъ, сказалъ ему нѣсколько словъ, которыя были переданы фавориту императора. Гудовичъ сію же минуту сказалъ императору, что нужно арестовать этого человѣка. Государь тѣмъ ограничился, что заарестовалъ его, а допросъ отложилъ до слѣдующаго дня. Послѣ того нѣкоторые другіе изъ заговорщиковъ извѣстили императрицу, что все открыто и что нужно ей бѣжать въ городъ и тамъ провозгласить себя царицею, какъ было условлено сдѣлать.

Графъ (?) Орловъ тутъ же похитилъ Екатерину черезъ окно (?) изъ комнаты нижняго этажа, въ которой она была, чтобы часовые не увидѣли ихъ, и посадилъ ее въ карету, которая стояла не вдалекѣ отъ дворца, вмѣстѣ съ графомъ Разумовскимъ, гетманомъ казаковъ *). Они повезли ее въ городъ во весь опоръ, а тамъ прямо отправились въ церковь казанской Богородицы. Въ то время Орловъ отправился за полкомъ конно-гвардейцевъ (gardes à cheval), которые давно уже участвовали въ этомъ замыслѣ. Весь полкъ прибѣжалъ и окружилъ церковь съ криками: «Да здравствуетъ императрица Екатерина!» и принуждалъ прохожихъ кричать тоже**). Не трудно было склонить на свою сторону и другіе полки, бывшіе въ городѣ, которые окружили дворецъ, когда императрица отправилась туда изъ церкви. Почти весь цвѣтъ аристократіи и даже такіе люди, которыхъ императоръ считалъ вполне преданными ему — были на сторонѣ императрицы. Всѣ толпою сбѣжались во дворецъ присягать ей.

*) Едва ли нужно пестрить настоящей разсказъ Позье, имѣющей во всякомъ случаѣ большой интересъ и достоинства, — примѣчаніями: нѣкоторыя невѣрности или неточности, явно происшедшія оттого, что Позье писалъ свои воспоминанія многою годами спустя, по памяти, — должны быть очевидны для каждаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ подробностями событій 28 и 29 іюня 1762 г. Арестованный офицеръ гвардіи былъ — Пассекъ; Орловъ не былъ еще тогда графомъ; спутникъ Екатерины въ ея бѣгствѣ, кромѣ Орлова былъ не Разумовскій, а Бибиковъ.

Ред.

***) Не конная-гвардія, а три роты измайловскаго полка были первыя, которыя послѣдовали за Екатериной II.

Ред.

Немедленно распустили въ городѣ слухъ, что императоръ упалъ съ лошади и ушибся до смерти.

Я спросилъ офицера, что онъ обо всемъ этомъ думаетъ и что нѣтъ ли опасности, чтобы произошла какая-нибудь рѣзня? Офицеръ мнѣ отвѣчалъ, что бояться нечего, что онъ постарается сдерживать солдатъ, пока не пройдетъ первое движеніе.

Въ ту минуту, какъ онъ ушелъ отъ меня и воротился на свой постъ, явился кирасирскій полкъ, котораго императоръ былъ полковникомъ, состоявшій изъ трехъ тысячъ самыхъ лучшихъ солдатъ, какіе только имѣлись въ войсѣ, и которому императоръ послалъ приказаніе отправиться къ нему въ Ораніенбаумъ; но императрица послала одного изъ своихъ придворныхъ вельможъ воротить полкъ и приказала ему остаться въ городѣ.

Офицеръ, командовавшій полкомъ, по всей вѣроятности не зналъ въ чемъ дѣло, и я самъ видѣлъ, какъ онъ чуть не подрался съ карауломъ изъ конно-гвардейцевъ, которые стерегли мостъ у дворца, на которомъ съ каждой стороны были поставлены пушки. Часовые, изъ которыхъ каждый ужъ запустилъ за галстухъ, начали кричать кирасирскому офицеру, когда онъ хотѣлъ перейти мостъ съ полкомъ, что его не пустятъ, пока онъ не крикнетъ: «Да здравствуетъ императрица Еватерина!»

Офицеръ спросилъ: «Какъ это? Развѣ императоръ умеръ?»

Одинъ изъ часовыхъ еще больше раскричался и послалъ товарища дать знать караулу изъ трехъ-сотъ гвардейцевъ, находившимся не вдалекѣ, и они какъ бѣшеные бросились съ ружьями и штыками на перевѣсъ, чтобы воспрепятствовать полку перейти мостъ. Нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ подошли, чтобы остановить этихъ сумасбродовъ и что-то сказали на ухо кирасирскому офицеру, который тотчасъ же усмирился, и его спокойно пропустили черезъ мостъ; близъ дворца этого офицера замѣтили другимъ, а, между тѣмъ, полкъ выстроился и безъ труда былъ приведенъ къ присягѣ императрицѣ. Если бы этотъ полкъ остался вѣренъ императору, то онъ могъ бы перебить всѣхъ солдатъ (*passer sur le corps de tous les soldats*), сколько ихъ ни было въ городѣ; но Богу угодно было, чтобы случилось иначе, въ противномъ случаѣ всѣмъ бѣднымъ иностранцамъ пришлось бы плохо.

Я отправился къ себѣ успокоивать жену, и тамъ нашелъ моихъ двухъ англичанъ, которыхъ я отправилъ домой въ моей ка-

реть, указавъ вчереу по каковой дорогѣ ѣхать, чтобы избѣгнуть столкновенія съ солдатами; впрочемъ, такъ какъ карета была закрытая, то нельзя было замѣтить, что это иностранцы.

Нѣсколько минутъ спустя, я видѣлъ, какъ мимо проѣхалъ въ плохой каретѣ дядя императора, принцъ голштинскій, который укрылся было у генераль-полицеймейстера Корфа, гдѣ его арестовалъ одинъ гвардейскій офицеръ съ двадцатью гренадерами, которые исколотили его ружейными прикладами, и повезли его къ дому Бестужева, гдѣ онъ жилъ*). Жена его, къ несчастью, была въ этотъ день въ городѣ; солдаты тоже весьма дурно обошлись съ ней, растащивъ все, что они нашли въ домѣ; они хотѣли сорвать съ руки ея кольца, и если бы командовавшій ими офицеръ во время не вошелъ въ комнату, они отрѣзали бы у нея палецъ; всѣхъ слугъ заперли въ подвалы и погреба и представили къ нимъ гренадеровъ; такъ они оставались цѣлыхъ три дня и едва могли добиться чего-нибудь поѣсть.

Видя, что все бросается во дворецъ цѣловать руку императрицы, я хотѣлъ какъ-нибудь добраться до нея, какъ вдругъ ко мнѣ во дворъ въѣхала карета съ гвардейскимъ офицеромъ и тремя гренадерами на запяткахъ. Жена моя сначала подумала, что меня хотятъ арестовать, но офицеръ вошелъ ко мнѣ въ комнату и объявилъ, что имѣетъ что-то сказать мнѣ отъ имени императрицы. Я его ввелъ въ свой кабинетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что императрица велѣла спросить меня: отдалъ ли я ужъ камергерскій ключъ осыпанный брильянтами, который императоръ хотѣлъ дать оберъ-камергеру (*grand chambellan*) графу Шереметеву? Я отвѣтилъ, что въ это самое утро поѣхалъ-было въ Ораніенбаумъ съ тѣмъ, чтобы отдать ключъ императору, согласно приказанію, данному имъ мнѣ наканунѣ, но что, узнавъ по дорогѣ происшедшій счастливый переворотъ, я воротился назадъ и что ключъ теперь у меня. Тогда офицеръ сказалъ мнѣ, что императрица велѣла спросить, можно ли придѣлать ей вензель, вмѣсто вензеля императора, и въ тотъ же день, если можно, такъ какъ это будетъ ей очень пріятно, потому что она сама хочетъ отдать ключъ графу Шереметеву. Я просилъ офицера передать ея величеству, что сію же минуту займусь ея порученіемъ, но что прошу ее прислать

*) На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ зданіе Сената.

мнѣ офицера для безопасности моего дома, такъ какъ у меня много казенныхъ вещей, а также вещей принадлежавшихъ дамамъ, которыя въ Ораніенбаумѣ, и я боюсь нападенія со стороны солдатъ, окружавшихъ мой домъ. Офицеръ отвѣчалъ мнѣ: «Очень хорошо, я попрошу, чтобы дали мнѣ самому это порученіе». Затѣмъ онъ уѣхалъ, но не много времени спустя воротился.

Я тотчасъ же велѣлъ моимъ рабочимъ приступить къ дѣлу, и въ три часа пополудни работа была готова.

Я самъ сѣлъ въ карету офицера, желая воспользоваться случаемъ добраться до императрицы, лично вручить ей ключъ и поцѣловать у нея руку.

Мы вошли въ залу, которая была до такой степени наполнена народомъ, что пришлось подождать добрыхъ полчаса, прежде чѣмъ удалось пробраться до императрицы, несмотря на то, что офицеръ, за которымъ я слѣдовалъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы раздвинуть толпу.

Наконецъ я очутился за стуломъ императрицы, тѣмъ не менѣе однако мнѣ удалось вручить ей ключъ и поцѣловать у нея руку не ранѣе, какъ часъ спустя. Стеченіе вельможъ и дамъ, приѣзжавшихъ поздравить ее, было громадное, и я не понимаю, какъ Екатерина могла перенести такое утомленіе въ теченіе цѣлаго дня, не принимая нисколько пищи.

Въ ту же минуту императрица приказала *monsieur le grand maitre* графу Панину*) ѣхать въ Кронштадтскую крѣпость арестовать коменданта и завладѣть крѣпостью отъ ея имени, прежде чѣмъ императоръ успѣетъ укрыться въ ней.

Петръ III дѣйствительно попытался это сдѣлать, посадивъ на галеру всѣхъ дамъ и кавалеровъ своего двора, чтобы перенестись въ Кронштадтъ, куда онъ передъ тѣмъ отправилъ своего генераль-адъютанта Дивьера, котораго *monsieur le grand maitre* графъ Панинъ (!) засталъ тамъ, и котораго онъ сумѣлъ ловко арестовать вмѣстѣ съ комендантомъ, овладѣвъ крѣпостью**).

*) Не Панину, а адмиралу Ивану Лукьяновичу Талызину. Ред.

**) Талызинъ, а не Панинъ засталъ гр. П. А. Дивьера въ Кронштадтѣ, ловко воспользовался его нерѣшительностью, склонилъ (а не арестовалъ) — на сторону Екатерины коменданта кронштадтскаго Нуммерса, затѣмъ арестовалъ Дивьера и взялъ Кронштадтъ подъ свое управленіе. Ред.

Когда императорская галера приблизилась на пушечный выстрѣль, ей въ рупорь крикнули, чтобы она воротилась назадъ, а не то будутъ по ней стрѣлять; это до такой степени перепугало дамъ, что онѣ страшно расеричались и упростили императора воротиться въ Ораніенбаумъ, что тотъ и сдѣлалъ.

Я еще стоялъ за стуломъ императрицы, когда явился великій канцлеръ Воронцовъ. Какъ только онъ подошелъ къ ней, она спросила его: за тѣмъ ли онъ пришелъ, чтобы присягнуть ей?

Воронцовъ отвѣтилъ, что въ настоящую минуту не можетъ, потому что его прислалъ императоръ изъ Ораніенбаума узнать, что происходитъ.

— «Въ такомъ случаѣ вы не прогнѣвайтесь, если я васъ посажу подъ домашній арестъ. Я съ этою цѣлью сейчасъ же назначу двухъ гвардейскихъ офицеровъ, которые отправятся съ вами; впрочемъ можете быть спокойны за себя».

Воронцовъ поклонился и отправился съ двумя офицерами, которые съѣли съ нимъ въ карету*).

Въ эту минуту я съ трудомъ могъ удержаться отъ слезъ, но не время и не мѣсто было давать имъ волю.

Наконецъ я уловилъ свободную минуту и передалъ императрицѣ ключъ въ бархатномъ футлярѣ. Она напла его великодушнымъ. Это была вещь цѣною въ десять тысячъ рублей.

Екатерина передала ключъ оберъ-камергеру Шереметеву, который находился тутъ же, и который, ставъ на колѣни, поцѣловалъ у нея руку**).

Императрица повернула голову въ мою сторону и сказала:

— «Я вамъ очень обявана, Позье, за вашу исправность».

Я воспользовался случаемъ и сказалъ ей, что у меня въ домѣ

*) Мих. Илар. Воронцовъ, по свидѣтельству его племянницы, Екатерины Романовны Дашковой, при свиданіи съ императрицей Екатериной, «возражалъ противъ ея поступка, а когда императрица не убѣждалась его словами, онъ оставилъ ее, не давъ присяги на подданство. «Будьте увѣрены, мадамъ, — будто бы вполнѣ хладнокровно сказалъ Воронцовъ, — что я никогда не присягну, на словомъ, ни дѣломъ, вашему ложному правленію; а чтобъ увѣриться въ справедливости моего обѣта, поставьте одного изъ вашихъ преданныхъ офицеровъ сторожемъ у моихъ дверей; я никогда не измѣню клятвѣ, данной императору, пока онъ существуетъ». (Записки Дашковой, 1859 г., стр. 60—61).

Ред.

***) Это былъ сынъ знаменитаго генералъ-фельдмаршала — графъ Петръ Борисовичъ, род. 1713†1788 г.

Ред.

много казенныхъ вещей, и не угодно ли ей, чтобы я ихъ передалъ кому-нибудь.

Она мнѣ сказала, что не нужно, что я могу воротиться домой и остаться тамъ совершенно спокойно, ничего не боясь. Затѣмъ государыня приказала офицеру, привезшему меня, проводить меня обратно и возвратиться въ ней часовъ въ семь вечера, такъ какъ она намѣрена верхомъ, въ мужской одеждѣ, съ княгиней Дашковой отправиться во главѣ трехъ гвардейскихъ пѣшихъ и конныхъ полковъ, арестовать Петра III въ Ораніенбаумѣ.

Всѣ войска, которыя остались въ городѣ, стали шпалерами вдоль улицы, и такъ простояли всю ночь.

Я не могъ сомкнуть глазъ и просидѣлъ у окна, слѣдя за всѣмъ, что происходило.

Я видѣлъ, какъ солдаты выбивали двери въ подвальные кабаки, гдѣ продавалась водка и выносили огромные штофы своимъ товарищамъ, что меня страшно испугало.

Я позвалъ изъ окна одного знакомаго офицера и просилъ его зайти на минуту ко мнѣ, что тотъ и исполнилъ. Я ему заявилъ мои опасенія. Офицеръ объявилъ мнѣ, что мнѣ нечего бояться, что невозможно запретить солдатамъ, не пившимъ и не ѣвшимъ уже двое сутокъ, погулять, но что онъ надѣется, что императрица, арестовавъ Петра III, тотчасъ же возвратится въ городъ, а тогда все кончится.

Я, однако, не успокоился, пока не узналъ, какою оборотъ приметъ дѣло.

Не стану рассказывать разныхъ мелочей, случившихся до возвращенія императрицы послѣ арестованія императора *), такъ какъ это не входитъ въ мой планъ того, что я задумалъ изложить, да и кромѣ того обо многомъ я радъ умолчать.

Я сильно боялся за принца и принцессу голштинскихъ. Я собирался, какъ только разсвѣтетъ, пробѣжать кругомъ дома, гдѣ ихъ содержали.

*) Екатерина выступила въ Петергофъ въ девять часовъ вечера 28 іюня; на другой день въ часъ пополудни Петръ III былъ уже въ Петергофѣ, подписавъ еще ранѣе отреченіе отъ престола. Въ семь часовъ вечера 29 іюня онъ былъ въ Ропшѣ, а Екатерина II имѣла торжественный въѣздъ въ столицу.

Я велѣлъ заложить карету и сказалъ женѣ, чтобы она была спокойна, что я ѣду только прокатиться и скоро возвращусь домой *). Я велѣлъ кучеру везти меня, куда я собрался, и доѣхавъ почти до воротъ дома Бестужева, увидѣлъ князя Голицына, офицера, командовавшаго отрядомъ, караулившимъ домъ, и съ которымъ я былъ коротко знакомъ. Я вышелъ изъ кареты, подошелъ къ нему и поздоровался съ нимъ.

Князь Голицынъ сказалъ: — «Вы тутъ чтò дѣлаете?»

Я отвѣчалъ ему: — «Хочу навѣстить больного пріятели. А вы, князь, вѣроятно здѣсь дежурите?»

— «Да, къ моему великому сожалѣнію: мои солдаты надѣлали всякія безчинства противъ принца и принцессы голштинскихъ, а остановить ихъ мнѣ было невозможно, такъ они были злы на нихъ. Жду не дождусь, когда воротится императрица, и когда меня смѣнятъ, потому что мнѣ тяжело видѣть въ какомъ они положеніи».

Я ему сказалъ, что у меня есть вещи, принадлежащія принцессѣ, о которыхъ она можетъ быть тревожиться и не можетъ ли онъ позволить мнѣ видѣться съ нею?

— «Можете, отвѣчалъ онъ: вы не подозрительная личность».

Князь Голицынъ велѣлъ одному сержанту проводить меня до дверей комнаты принцессы и сказать ей, что я желаю имѣть честь поговорить съ ней.

Принцесса велѣла мнѣ войти. Я засталъ ее на диванѣ.

Какъ только она увидѣла меня, то воскликнула: — «Ахъ, Позье, какой добрый ангелъ прислалъ васъ сюда и какъ могли вы до меня добраться?»

Я сказалъ ей, что, безпокоясь о нихъ, и видя, чтò творится, я рѣшился попытаться узнать что-нибудь о нихъ, и проѣзжая мимо ихъ дворца, увидѣлъ князя Голицына, котораго я имѣю честь знать за честнаго человѣка, и который сейчасъ же заявилъ свое сожалѣніе о безчинствахъ солдатъ противъ ихъ высочествъ. — «Затѣмъ, продолжалъ я, я просилъ доложить вашему высочеству, что всѣ ваши вещи у меня, и чтобы вы не тревожились; князь Голицынъ весьма любезно позволилъ мнѣ явиться къ вамъ и велѣлъ сержанту проводить меня въ ваши покои».

*) Это было утромъ 29 іюня 1762 г.

Она мнѣ рассказала, какъ ужасно съ ними обошлись солдаты, заграбившіе все, что попало имъ подъ руку, и что имъ оставили всего двухъ слугъ съ правомъ свободно ходить по цѣлому дому, а именно принцу — камердинера, а ей — женщину, которую вижу передъ собою, и что они насилу могутъ добиться чего-нибудь поѣсть.

— «Не можете ли вы, спросила она: — сказать намъ, что сдѣлалось съ императоромъ?»

— «Все, что могу сказать вамъ, это то, что всѣ полки высказались въ пользу императрицы, и что все дворянство, какое только было въ городѣ, присягнуло ей; присягнули ей даже тѣ, которые были въ Ораніенбаумѣ при императорѣ, и убѣжали оттуда подъ предлогомъ дознаться, что здѣсь происходитъ; а императрица вчера отправилась верхомъ съ тремя полками и княгиней Дашковой въ Ораніенбаумъ арестовать императора. По всѣмъ улицамъ шпалерами разставлены солдаты подъ ружьемъ. Ни одинъ иностранецъ не смѣетъ показаться на улицѣ, и если бы я ни былъ знакомъ съ болѣею частью офицеровъ, я бы не рискнулъ выдти на улицу. Подумайте, ваше высочество, не могу ли я быть вамъ полезенъ? Я увѣренъ, что государынѣ не извѣстно, въ какомъ вы ужасномъ положеніи, и какъ съ вами обошлись. Если вы желаете написать императрицѣ, то можете быть увѣрены, что я всѣми силами постараюсь передать письмо въ собственныя ея руки по возвращеніи ея, на которое надѣются завтра».

Принцесса отвѣчала мнѣ, что болѣею услуги я оказать ей не могу, и вошла въ кабинетъ, гдѣ сидѣла ея больной мужъ*).

Принцесса попросила меня подождать минутку, пока она напишетъ нѣсколько словъ.

*) Весь рассказъ Позье о судьбѣ, постигшей принца Георга Голштинскаго, 28 и 29 іюня 1762 г., почти дословно подтверждается свидѣтельствомъ другихъ современниковъ: «Принцъ Георгъ, рассказываетъ, между прочимъ, Болотовъ въ незаданныхъ главахъ IX-й части своей автобіографіи: принцъ, привезенный подъ конвоемъ въ свой домъ, находитъ его уже разграбленнымъ; людей своихъ всѣхъ изувѣченныхъ и запертыхъ въ погребъ; всѣ двери разломанныя и всѣ комнаты на-чисто очищенныя. У самихъ принцовъ, сыновей его, отняты часы, деньги, сняты кавалеріи и сорваны даже мундиры самыя. Одна только спальня принцессы осталась пощаженною, да и потому, что защищалъ ее одинъ унтеръ-офицеръ. Принцъ, увидѣвъ все сіе, сдѣлался какъ сумасшедшимъ...» (Записки Болотова, подлинная рукопись ч. IX, стр. 379).

Когда она мнѣ вручила записку, я просилъ ее на случай, если князь Голицынъ спроситъ ее, зачѣмъ я просилъ пустить меня къ ней, отвѣчать, что я только хотѣлъ успокоить ее на счетъ ея вещей, такъ какъ и я самъ ему говорилъ объ этомъ. Я простился съ принцессой и сказалъ ей, что надѣюсь, что она скоро получитъ отвѣтъ на свою записку, такъ какъ я ни мало не сомнѣваюсь, что императрица вполнѣ уважитъ ея просьбу.

Я возвратился домой, не встрѣтивъ никакого препятствія со стороны солдатъ, которые пропустили карету мою даже безъ ругательства.

Часамъ къ тремъ меня извѣстили, что императрица, заарестовавъ Петра III, возвращается въ городъ, и что ее ожидаютъ къ пяти часамъ. Мимо оконъ моихъ проѣхало много каретъ съ дамами и вельможами, отправлявшимися во дворецъ, дожидаться ее.

Я рѣшился тоже туда отправиться.

Тамъ я засталъ страшную давку и, между прочимъ, множество молодыхъ дамъ, о которыхъ мнѣ достовѣрно извѣстно было, что онѣ нехорошія услуги оказывали императрицѣ по ея отношеніямъ къ императору, и которыя едва-ли могли ожидать отъ нея любезнаго приѣма.

Такъ какъ я былъ съ ними довольно коротко знакомъ, я спросилъ ихъ: «не шибко-ли бьется у нихъ сердце?»

Я былъ впрочемъ совершенно увѣренъ, что имъ ничего не будетъ сдѣлано, потому что императрица, нарочно обращалась вѣжливо съ дамами, о которыхъ знала, что онѣ интриговали противъ нея у ея мужа.

Навонецъ явилась Екатерина верхомъ съ отрядомъ гвардейцевъ. Каждый спѣшилъ цѣловать ея руку. Войдя въ дворцовую залу, она сѣла въ кресла и по крайней мѣрѣ три часа все принимала толпу: каждую минуту она должна была наклоняться, чтобы давать руку свою цѣловать представлявшимся ей.

Видя, что мнѣ невозможно будетъ добратся до императрицы, я рѣшился подождать у дверей ея покоевъ, зная, что она непременно туда войдетъ *).

*) Это было судя по настоящему разсказу, въ тотъ же день, какъ Позье посѣтилъ принцессу Софію Шарлотту Голштинскую, а именно—29 іюня 1762 г. Ред.

Едва стоя на ногахъ отъ усталости, Екатерина вышла изъ залы отдохнуть, поручивъ сказать, что всѣ, кому не удалось присягнуть ей, пусть придутъ на слѣдующій день.

Она явилась въ сопровожденіи двухъ камергеровъ, которые поддерживали ее подъ руки.

Повершувъ голову въ мою сторону, Екатерина сказала:

— «Ахъ, это вы, Поэзе. Если вы имѣете что сказать мнѣ, подождите минутку».

Я поклонился и сказалъ, что подожду; это мнѣ было тѣмъ пріятнѣе, что я надѣялся, что она отпуститъ камергеровъ и что у меня будетъ возможность передать ей письмо. Лишь только императрица раздѣлась, она прислала мнѣ сказать чрезъ свою горничную, чтобы я вошелъ къ ней.

Я поцѣловалъ у нея руку и съ трепетомъ передалъ ей письмо, не зная, какъ-то она его приметъ.

— «Это что за письмо?» сказала она; она по печати узнала отъ кого записка, и велѣла мнѣ подождать, а сама отправилась читать въ кабинетъ.

Выйдя оттуда минуту спустя, она сказала мнѣ, что крайне огорчена тѣмъ, что произошло, и что приказанія ея не были соблюдены. Затѣмъ сказала мнѣ, что я могу передать имъ, чтобы они успокоились, и что она на слѣдующій же день дастъ имъ такой отвѣтъ, который ихъ удовлетворитъ.

Я съ радостью отправился исполнить порученіе.

На другой день они мнѣ прислали сказать черезъ слугу, что ихъ освободили, чтобы я навѣстилъ ихъ. Они прочли мнѣ письмо, которое писала имъ императрица, и въ которомъ она заявляла имъ сожалѣніе обо всемъ, что было сдѣлано противъ ея воли въ отношеніи къ нимъ, и объявляла, что, весьма хорошо понимая, что имъ тутъ не спокойно, она предоставляетъ имъ на выборъ: остаться или удалиться въ Голштинію, при чемъ она дѣлала принца администраторомъ этой страны, и прилагала къ этому письму сумму въ полтораста тысячъ рублей на уплату долговъ, присовокупляя, что если эта сумма окажется недостаточною, она ее пополнитъ.

Принцъ и принцесса голштинскіе, разумѣется, рѣшили ѣхать, и такъ поспѣшили своими приготовленіями, что отправились уже на третій день.

Принцесса дала мнѣ сто экю на напу цервовъ; заявляла мнѣ глубокую признательность за мою преданность, и объявила мнѣ, что горячо желаетъ, чтобы я ей когда-нибудь доставилъ случай доказать мнѣ и семейству моему ихъ благодарность.

Я поблагодарилъ ее и простился съ ними. Я получилъ отъ нея письмо лишь только тогда, когда ея высочество прїѣхала въ Голштинію, гдѣ умерла шесть мѣсяцевъ спустя. Она оставила двухъ маленькихъ принцевъ, воспитаніе которыхъ императрица взяла на себя.

Послѣ заарестованія Петра III, императрица, возвратившись въ городъ, распустила всѣ войска, до тѣхъ поръ стоявшія шпалерами вдоль улицъ, и всѣ избавились отъ страха. Три (?) дня спустя, мы узнали о смерти несчастнаго императора, описывать подробности которой я не стану.

V.

Работы Позье къ коронаціи Екатерины II.—Вецкій.—Корона Екатерины. — Разчеты кабинета ея величества за работы, выполненныя Позье для Петра III. — Оксифьевъ. — Поѣздка въ Москву на коронацію Екатерины II.—Отзывъ императрицы о ея вельможахъ. — Князь Волконскій и его племянникъ.—Посылка ордена и червопцевъ графу Понятовскому. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Приготовленія Позье къ отъѣзду на родину. — Расплата двора за брилліанты. — Екатерина II посылаетъ медали съ своимъ изображеніемъ д'Аламберу и Вольтеру.—Вѣгство Позье изъ Россіи.

1762—1764 гг.

Нѣсколько дней спустя по восшествіи своемъ на престоль, императрица Екатерина призвала меня къ себѣ и сказала, что поручила камергеру Бецкому (Bezki) провѣрить казенныя вещи и приказала мнѣ разломать все, что окажется не въ современномъ вкусѣ и употребить на новую корону, которую она желала имѣть къ коронаціи. Императрица приказала мнѣ обо всемъ сговориться съ Бецкимъ, что было мнѣ чрезвычайно пріятно и дало мнѣ возможность свалить на него мои заботы и непріятности, по которымъ я могъ навлечь на себя дурныя послѣдствія со стороны лицъ, имѣвшихъ надзоръ надъ этими вещами. Я согласился на все, чего хотѣлъ камергеръ Бецкій, который искалъ только удовлетворенія своего тщеславія *).

*) Этотъ отзывъ о роли въ юньскихъ событіяхъ 1762 г. извѣстнаго Ив. Ив. Бецкаго вполне подтверждается свидѣтельствомъ прочихъ современниковъ:

Я довольствовался тѣмъ, что помогаль Бецкому во всемъ, что было по моей части.

Я ему досталъ хорошаго и очень искуснаго оправщика (metteur en oeuvre), француза, по имени Ороте (Auogoté), который отлично сдѣлалъ свое дѣло. Я выбралъ между вещами все, что могло годиться на эту работу, и такъ какъ императрица сказала мнѣ, что желаетъ, чтобы эта корона осталась въ томъ же видѣ послѣ коронаціи, то я отобралъ всѣ самые большіе камни, негодящіеся на модную отдѣлку, отчасти брильянтовые, отчасти цвѣтные, что составило богатѣйшую вещь, кавая только имѣется въ Европѣ.

Несмотря на всѣ предосторожности, принятія мною, чтобы сдѣлать корону легкою и употребить только самые необходимые матеріалы, чтобы удержать камни, въ ней оказалось пять фунтовъ вѣсу.

Я примѣрилъ корону ея величеству. Екатерина сказала, что

«На четвертый день послѣ революціи,—рассказываетъ, между прочимъ, Дашкова: Бецкій просилъ свиданія съ императрицей и получилъ его. Я въ это время была одна съ Екатериною, когда онъ вошелъ и, къ общему нашему изумленію, ставъ на колѣна, умолялъ ее признаться: чьему вліянію она обязана своимъ восшествіемъ на престолъ? «Всевышнему и избранію моихъ подданныхъ», отвѣчала государыня. «Послѣ этого, сказалъ онъ съ видомъ отчаянья,—я считаю несправедливымъ носить это отличіе», причѣмъ онъ хотѣлъ снять Александровскую ленту съ плеча; но императрица удержала его и спросила, чего онъ хочетъ? «Я несчастнѣйшій изъ людей, продолжалъ Бецкій, когда вы не признаете во мнѣ единственное лицо, которое приготовило вамъ корону. Не я ли возбуждалъ гвардію? Не я ли сыпалъ деньгами въ народъ?» Мы думали, продолжаетъ Дашкова, что Бецкій сошелъ съ ума, и начали было беспокоиться; но вдругъ императрица, съ обыкновенной своей ловкостью, обративъ протестъ въ комическую сцену и превознося самохвалство генерала до высочайшей степени, сказала: «я вполне признаю ваши безмѣрныя одолженія и такъ какъ я обязана вамъ въиномъ, то кому же лучше, какъ не вамъ, я могу поручить приготовить его для моей коронаціи? Поэтому я полагаюсь въ этомъ дѣлѣ на вашу распорядительность, и подъ ваше начальство отдаю всѣхъ брильянтиковъ моей имперіи». Бецкій въ восторгѣ вскочилъ и, послѣ тысячи благодарностей, поторопился убраться изъ комнаты, побѣжавъ, вѣроятно, рассказывать о наградѣ, соотвѣтственной его достоинству. Мы отъ всей души хотели надъ этой выходкой, которая въ одно время показываетъ гениальную находчивость и ловкость Екатерины и крайнюю глупость Бецкаго». (Записки Дашковой, изд. 1859 г. стр. 70—71). Приведенный здѣсь рассказъ хорошо показываетъ, какимъ образомъ случилось, что Позье попалъ подъ начальство Бецкаго.

Ред.

очень ею довольна, и въ теченіи четырехъ или пяти часовъ во время церемоніи, какъ-нибудь продержитъ эту тяжесть.

Государыня спросила меня: потащусь ли я тоже въ Москву на коронацію? (Elle me demanda, si je me trainerai à son couronnement à Moscou).

Я отвѣчалъ ей, что для меня будетъ величайшимъ счастіемъ имѣть честь слѣдовать за ней всюду, куда она пожелаетъ, но что прошу ее успокоить меня на счетъ того, что остался долженъ мнѣ императоръ, такъ какъ это составляетъ весьма значительную сумму по моимъ средствамъ, и друзья, дававшіе мнѣ въ кредитъ, преслѣдуютъ меня, требуя уплаты.

— «Съ вами счетъ?» спросила она.

Я подаль его, такъ какъ онъ былъ у меня въ карманѣ.

Она сказала:—«Эта сумма довольно крупна, а денегъ очень мало въ кабинетѣ, и мнѣ тоже нужны деньги на расходы по коронаціи. Я вижу, что въ этомъ счетѣ есть вещи еще не отдѣланныя, въ которыхъ я не нуждаюсь, и которыя возвращу вамъ. На счетъ же того, что останется изъ этой суммы, вы поговорите съ Олсуфьевымъ (Alsoufief), кабинетсѣ-секретаремъ, и онъ устроитъ такъ, что расплатится съ вами».

Я сказалъ, что согласенъ на все, что заблагоразсудитъ ея величество, только бы имѣть мнѣ возможность успокоить моихъ пріятелей; что охотно возьму назадъ, что ей угодно возвратить мнѣ, а что на счетъ всего прочаго, означу кому было дано и на что употреблено.

— «Этого я у васъ не прошу, сказала императрица; я это знаю такъ же хорошо, какъ и вы».

Я тотчасъ же отправился къ г. Олсуфьеву, которому я обѣщалъ двѣ тысячи рублей, чтобы онъ мнѣ уладилъ дѣло.

Онъ все это вписалъ въ кабинетную книгу, и обѣщалъ что каждые шесть мѣсяцевъ будетъ уплачивать мнѣ по десяти тысячъ рублей, до полного погашенія счетовъ, которые онъ далъ подписать императрицѣ.

Всего мнѣ слѣдовало пятьдесятъ тысячъ рублей.

Я возвратилъ моимъ корреспондентамъ большой брильянтъ, возвращенный мнѣ императрицей, такъ какъ онъ былъ у меня только на комиссіи.

Устроивъ это дѣло, я нѣсколько успокоился, и расположилъ-ся ѣхать на коронацію въ Москву.

Императрица такъ слѣшила, что не захотѣла дожидаться, пока установится новый путь, что между тѣмъ много бы облегчило приѣздъ дворянству и уменьшило бы расходы, тѣмъ болѣе что дороги были совершенно непроходимы по причинѣ большихъ дождей, размывшихъ ихъ.

Передъ отъѣздомъ императрица дала мнѣ отдѣлывать нѣсколько вещей къ коронаціи, такъ что я могъ послѣдовать за нею только недѣлю спустя *). Я просилъ велѣть выдать мнѣ бумагу по высочайшему повелѣнію на лошадей и на гвардейскаго гренадера, что внушало ко мнѣ уваженіе, чтобы мнѣ давали лошадей на станціяхъ; а на каждой было по гвардейскому офицеру, которые наблюдали, чтобы не задерживали лицъ, имѣвшихъ паспорта отъ двора. Устроивъ всѣ свои дѣла, я велѣлъ шести моимъ мастеровымъ приготовиться ѣхать со мною въ Москву, а семейство оставилъ въ Петербургѣ.

Императрица располагала оставаться въ Москвѣ не болѣе шести мѣсяцевъ.

Я помѣстился у одного моего пріятеля, жившаго не вдалекѣ отъ двора, и гдѣ мнѣ было хорошо по части общества и стола. Разстояніе отъ Петербурга до Москвы двѣсти льѣ я проѣхалъ въ четыре съ половиною дня.

На другой день по прибытіи моемъ въ Москву, я явился во дворецъ и представился ея величеству, у которой имѣлъ честь поцѣловать руку.

Императрица сказала мнѣ, что очень рада видѣть меня, что она весьма боялась, что я застряну по дорогѣ въ лужахъ со всѣми вещами, которыя я вручилъ ей.

— «Много еще будетъ у насъ дѣла до моей коронаціи, которая должна быть черезъ недѣлю. Завтра утромъ приѣзжайте въ Кремль».

Кремль есть старый замокъ въ центрѣ этого большого города, гдѣ жили древніе цари, и гдѣ происходятъ всѣ коронаціи. Замокъ этотъ скорѣе похожъ на какую-нибудь бастилію, чѣмъ на императорскій дворецъ.

*) Екатерина отправилась на коронацію въ концѣ августа 1762 года. Торжество коронованія совершилось 22 сентября того же года. Ред.

Я долженъ былъ остаться въ Кремлѣ во все время и послѣ коронаціи. Это меня отдаляло на три добрыхъ лѣтъ отъ моей квартиры. Я каждый день заѣзжалъ четырехъ лошадей туда и назадъ.

Государыня купила у меня множество вещей, въ которыхъ нуждалась для подарковъ, а такъ какъ мнѣ платили по ея приказанію довольно исправно, то я получилъ возможность выслать деньги моимъ голландскимъ корреспондентамъ, которымъ я былъ долженъ болѣе трехъ сотъ флориновъ, не считая моихъ долговъ нѣмецкимъ моимъ корреспондентамъ, потому что отъ вельможъ я не могъ добиться ни копейки, и насилу отбивался отъ ихъ просьбъ давать имъ въ кредитъ, сколько имъ было угодно. На ея величество я жаловаться не могъ, потому что видѣлъ, какъ она сама бережетъ деньги.

Однажды я вошелъ въ комнату императрицы довольно разстроенный.

Она это замѣтила и спросила, что со мною?

Я отвѣтилъ ей, что сожалѣю, что она не окружена болѣе честными людьми.

— «Знаю, знаю, отвѣчала она: но не могу безъ этихъ людей обойтись».

Со времени ея восшествія на престолъ они выманили у меня тысячу на десять рублей, и я не видѣлъ никакой возможности когда-нибудь получить отъ нихъ ни копейки; мало того, чтобы я не осмѣливался отказать имъ, они требовали у меня вещи именемъ ея величества, а когда получали вещи, просили не говорить ей, обѣщая заплатить.

Все это наконецъ стало выводить меня изъ терпѣнія, и я сталъ побаиваться, что все это приведетъ меня въ плохой развязѣ, если прибавить къ тому, что императрицу три или четыре раза хотѣли свергнуть съ престола въ то короткое время, которое мы пробыли въ Москвѣ на коронаціи.

Подробности коронаціи не стану описывать.

Вскорѣ послѣ коронаціи я опасно заболѣлъ. Когда я сталъ поправляться, я пригласилъ къ себѣ г. Гассе (Gass), который именно въ это время находился въ Москвѣ и былъ мнѣ рекомендованъ моими пріятелями, приславшими его въ Россію по своимъ денежнымъ дѣламъ. Я ему во многомъ помогаль при ея величествѣ, потому что онъ мнѣ показался чрезвычайно смышлен-

нымъ въ торговомъ дѣлѣ. Я просилъ его потрудиться пересмотрѣть мои книги и привести ихъ въ порядокъ, такъ чтобы я могъ уяснить себѣ мое положеніе въ отношеніи къ моимъ кредиторамъ и убѣдиться, останется ли мнѣ что-нибудь, когда расплачусь. Онъ взялся это сдѣлать и исполнилъ усердно и хорошо. По истеченіи нѣсколькихъ дней, онъ подалъ мнѣ соображенный счетъ, изъ котораго я убѣдился, что я въ состояніи справиться съ долгами; не считая всего, что мнѣ были должны знатные господа, у меня оставалось почти на двадцать восемь тысячъ рублей вещей, которыя я легко могъ превратить въ деньги, не рискуя ими, продавая ихъ въ кредитъ господамъ, что заставило меня положить себѣ, что если Богу угодно будетъ возвратить мнѣ здоровье, стараться выпутаться изъ лабиринта, въ который я попалъ. Одной минуты могло быть достаточно, чтобы отнять у меня плоды тридцатилѣтнихъ трудовъ, повергнуть семейство мое въ бѣдность и лишить друзей моихъ всего, что они мнѣ довѣрили.

Я твердо рѣшился работать и всѣми силами искать средствъ удалиться отъ дѣлъ и употребить для этой цѣли всѣ силы, какія угодно будетъ Богу мнѣ оставить, не думая о томъ, чтобы воротить три четверти моего состоянія, забранныя у меня въ долгъ вельможами, такъ какъ я хорошо зналъ здѣшній край и людей.

Пока я въ постели предавался всѣмъ этимъ размышленіямъ, прикащикъ мой принесъ мнѣ записку отъ фельдмаршала Разумовскаго, честнаго вельможи, у котораго я часто бывалъ. Записку эту принесъ молодой офицеръ ординарецъ, и въ ней фельдмаршалъ просилъ у меня на двадцать тысячъ рублей вещей: колець, серегъ и проч., которыя нужны ему были для одной изъ его дочерей, которую онъ выдавалъ замужъ. Я далъ ключъ отъ моей конторки прикащику и указалъ ему гдѣ найти вещи на требуемую сумму, которыя онъ передалъ молодому офицеру, не потрудившись проводить его. Я велѣлъ ему сохранить записку. Прошло три или четыре дня, а ничего не было мнѣ послано обратно. Я велѣлъ прикащику моему отправиться къ фельдмаршалу, и спросить его, оставляетъ ли онъ за собою вещи, потребованныя имъ у меня въ запискѣ. Когда-же Разумовскій прочелъ ее, онъ сказалъ: «тутъ дѣйствительно поддѣлана моя подпись, но я этого не писалъ. Узнали ли бы вы того, который принесъ эту записку?» Прикащикъ сказалъ, что узналъ бы.

— «Въ такомъ случаѣ скажите Позье, что я сдѣлаю все возможное, чтобы отыскать мошенника».

Такъ какъ онъ былъ дежурнымъ у императрицы въ качествѣ ея генераль-адъютанта, онъ показалъ ей записку. Она казалась чрезвычайно была раздосадована и сказала, что надо во что бы то ни стало отыскать этого негодяя, и отдала приказаніе всѣмъ гвардейскимъ генераламъ сдѣлать обыски и также генераль-полиціймейстеру. Прошло недѣли двѣ, и я все ничего не могъ узнать. По истеченіи этого времени генераль-полиціймейстеръ самъ пришѣлъ ко мнѣ. Я еще не могъ встать съ постели. Онъ мнѣ показалъ нѣсколько брильянтовъ въ бумажкѣ, которые хотѣли продать и принесли къ нему. Я тотчасъ же призналъ эти камни своими; я ихъ вынулъ изъ пары серегъ. Онъ просилъ меня ничего не говорить и обѣщался непремѣнно все розыскать къ слѣдующему дню. Графъ Разумовскій велѣлъ мнѣ сказать, что если я могу послать кого-нибудь, кто бы узналъ человѣка принесшаго отъ него записку, то онъ отправилъ бы этого человѣка на слѣдующее утро къ князю Волконскому (Vallonsky) подъ предлогомъ будто ему нужно съ нимъ переговорить кое-о-чемъ, потому что въ залѣ будетъ нѣсколько молодыхъ офицеровъ ординарцевъ. Далѣе фельдмаршалъ наказывалъ посланному моему, если онъ узнаетъ между ними подателя записки, то не подавать вида ни подъ какимъ предлогомъ и просить свиданія у князя Волконскаго и князю указать на виновнаго. Для большей вѣрности я вмѣстѣ съ моимъ прикащикомъ послалъ одного изъ моихъ оправщиковъ, того самаго, который чистилъ вещи, пока офицеръ ихъ дожидался и который говорилъ мнѣ, что онъ его съ разу узнаетъ. Какъ только онъ вошелъ въ залу, гдѣ засталъ человѣкъ двадцать этихъ господъ, онъ съ перваго же взгляда узналъ подателя записки, который самъ къ нимъ подошелъ и заговорилъ: «Какой это мошенникъ, который укралъ вещи у г. Позье? Желалъ бы я очень, чтобы его удалось найти». Между тѣмъ посланный исполнилъ свое порученіе къ князю точь-въ-точь какъ я его научилъ. Князь Волконскій не велѣлъ никому ничего говорить и обѣщалъ непремѣнно воротить мнѣ мои вещи.

Воръ былъ, по правдѣ говоря, его племянникъ.

Наконецъ одну за другой присылали мнѣ мои вещи, изломанныя, за исключеніемъ одного вольца, отъ котораго князь Волконскій имѣлъ низость прислать меня просить черезъ своего адъю-

танта отступиться, увѣряя, что онъ не могъ его найти и прося меня, если увижу ея величество, сказать ей, что получилъ обратно всѣ вкраденныя вещи. Такъ какъ это былъ человекъ высокаго званія, пользовавшійся большимъ значеніемъ при дворѣ, то мнѣ пришлось молчать, боясь, чтобы онъ не сдѣлалъ со мной какою-нибудь штуки *).

Все это, разумѣется, только еще болѣе утверждало меня въ рѣшеніи: во что бы то ни стало удалиться, и скорѣе питаться черствымъ хлѣбомъ, чѣмъ всю жизнь оставаться въ подобныхъ тревоженіяхъ, которыя непремѣнно уложили бы меня въ могилу.

Я узналъ, что ея величество собирается увѣзжать въ Петербургъ въ началѣ мая. Она была совершенно права, что спѣшила своимъ отъѣздомъ, потому что Мосева не была для нея пріятнымъ мѣстопробываніемъ, такъ какъ спустя нѣсколько дней послѣ коронаціи, тамъ составилъ заговоръ противъ нея, и ее едва не похитили съ постели. Къ счастью, графъ Орловъ успѣлъ во время, чтобы предупредить это событіе: онъ удвоилъ караулъ въ Кремлѣ, узнавъ о заговорѣ отъ солдатъ, участвовавшихъ въ немъ. Но это была не единственная попытка къ сверженію ея съ престола **).

Какъ только я былъ въ состояніи видѣти, и она возвратилась во дворецъ (Dugoff или Dupoff?), находившійся подлѣ квартала, гдѣ я жилъ, я отправился повидать государыню, хотя я могъ ходить только согнувшись, такъ какъ у меня оказалась слабость въ поясницѣ, что мѣшало мнѣ выпрямиться. Я думалъ, что останусь въ такомъ положеніи на всю жизнь; это продолжалось пять мѣсяцевъ.

Когда добрая государыня увидала меня, она сказала:

— «Я очень сожалѣю, Позье, о вашей болѣзни и кражѣ, которой вы подверглись. Получили ли вы всѣ ваши венцы обратно?»

Я долженъ былъ объявить, что получилъ, поблагодарилъ ее за доброту и приказаніе, данное по этому дѣлу, и объявилъ ей, что пришелъ просить у нея позволенія возвратиться съ ней къ моему семейству въ Петербургъ.

*) Кн. Михаилъ Никитичъ Волконскій, генералъ-аншефъ, 1713 + 1789 г.

**) Это извѣстный заговоръ Хитрова и Рославлева, сподвижниковъ дна 28 іюня 1762 г., ему нѣсколько предшествовалъ отдѣльный отъ него замыселъ въ Спб. трехъ братьевъ, офицеровъ Гурьевыхъ и двухъ Хрущевыхъ.

— «Я бы и сама рада быть уже тамъ, отвѣчала она мнѣ: но не могу не остаться до мая мѣсяца *). Вы меня обяжете, если останетесь до этого времени. Мнѣ нужно отдѣлать одинъ андреевскій орденъ, который хочу послать графу Понятовскому. Я бы желала, чтобы орденъ былъ весь въ брилльянтахъ со звѣздою, цѣною въ три тысячи рублей. Не можете ли сдѣлать это изъ вашихъ собственныхъ камней?».

Я отвѣчалъ, что сдѣлаю все возможное, чтобы угодить ей, но что, такъ какъ у меня нѣтъ подходящаго подбора изъ брилльянтовъ, я долженъ буду собирать камни по рукамъ, и что если я могъ быть увѣренъ, что по сдачѣ работы она будетъ ею довольна и уплатою не будетъ замедлено, я ручаюсь, что исполню ея желаніе.

Императрица обнадежила меня.

Я, возвратившись домой, немедленно велѣлъ приступить въ дѣлу. Черезъ двѣ недѣли работа была готова. Въ девять часовъ вечера я отправился во дворецъ сдать ее, зная, что въ этотъ часъ государыня удаляется въ свою комнату писать и остается одна.

Я спросилъ горничную, тамъ ли государыня?

Горничная отвѣтила мнѣ, что при ней только камергеръ Бецкій.

Я зналъ, что это лицо не подозрительное. Я сказалъ горничной, чтобы она потрудилась доложить ея величеству, что я пришелъ и имѣю нѣчто передать ей.

Императрица велѣла меня позвать.

Какъ только она увидала меня, она сказала:

— «Ахъ, это вы, Позье; принесли ли вы мнѣ мой андреевскій орденъ?»

Я отвѣтилъ, что принесъ.

— «Вы явились весьма встати; я какъ разъ занимаюсь съ камергеромъ приготовленіями депешъ, которыя я хочу отправить къ графу Понятовскому вмѣстѣ съ орденомъ».

Орденъ она нашла великолѣпнымъ и объявила мнѣ, что вполне довольна.

*) Екатерина, 13 мая 1763 г., совершила путешествіе изъ Москвы въ Ростовъ на поклоненіе мощамъ св. Дмитрія и только 29 мая вернулась въ Москву, откуда въ іюнѣ выѣхала въ Санктпетербургъ.

Камергеръ Бецкій (Bestky) тоже не забылъ дать мнѣ множество galbaum (?).

— «Надо и вамъ дать работу; помогите намъ разложить вотъ эти дукаты по сверткамъ. Можете сѣсть къ этому столу. Ваша поясница не позволяетъ вамъ долго стоять на ногахъ».

Бецкому не безызвѣстно было, что я прежде былъ коротко знакомъ съ графомъ Понятовскимъ. Онъ это зналъ изъ разныхъ анекдотовъ, случившихся съ графомъ въ царствованіе покойной императрицы. Когда графу велѣно было выѣхать изъ Россіи въ двадцать четыре часа, Понятовскій поручилъ мнѣ заплатить долги его и отправить къ нему его вещи въ Варшаву.

По множеству дукатовъ, которые императрица укладывала и по секрету, въ которомъ держала она все это дѣло, я заключилъ, что у нея какой-нибудь тайный замыселъ, что впоследствии и оправдалось, такъ какъ, по ея милости, Понятовскій вступилъ на польскій престолъ.

Молодому барону Ашу (De-Asche), моему хорошему другу, Екатерина поручила вести этотъ богатый подарокъ къ русскому посланнику въ Варшавѣ графу Кейзерлингу, при которомъ баронъ состоялъ секретаремъ. Когда мы все уложили, она послала за барономъ и вручила ему депеши въ моемъ присутствіи, наказывая ему не застрять по грязнымъ дорогамъ и не терять времени.

Я поцѣловалъ у императрицы руку и просилъ не забывать меня на счетъ суммы, слѣдуемой за орденъ, такъ какъ я принужденъ платить за брильянты наличными деньгами лицамъ, отъ которыхъ я ихъ досталъ. Она сказала, что поручить господину Бецкому распорядиться этимъ.

Подходило время ея отъѣзда въ Петербургъ, и я, не безъ причины, боялся, какъ бы эта сумма не запоздала, что разстроило бы весь мой планъ. Къ несчастію мнѣ пришлось опять слечь въ постель отъ боли въ поясницѣ. Это было тѣмъ прискорбнѣе, что мѣшало мнѣ лично слѣдить за моими дѣлами. Приказчикъ мой не могъ добиться аудіенціи отъ лицъ, къ которымъ я его посылалъ. Единственно, что я еще могъ сдѣлать, это продиктовать ему нѣсколько записокъ къ камергеру Бецкому съ просьбою напомнить ея величеству объ уплатѣ слѣдуемой мнѣ суммы, которую она обѣщала мнѣ въ его присутствіи.

Онъ мнѣ въ отвѣтъ написалъ, что невозможно выдать мнѣ этой суммы до приѣзда въ Петербургъ, такъ какъ въ кабинетѣ едва хватаетъ денегъ на дорогу. Пришлось покориться и уговорить моихъ московскихъ кредиторовъ, чтобы они подождали. Мнѣ крайне прискорбно было видѣть, что императрица уѣхала прежде меня, но я не былъ въ состояніи переносить движенія кареты и боялся, что выйдетъ задержка въ почтовыхъ лошадяхъ послѣ проѣзда императрицы, такъ какъ отзымали всѣхъ гвардейскихъ офицеровъ со станцій и распускали крестьянъ съ ихъ лошадьми. Это сильно бы задержало меня: вмѣсто пяти дней, мнѣ понадобилось бы ихъ пятнадцать, и то съ большой опасностью отъ воровъ. Все это заставило меня, вопреки совѣтамъ докторовъ и моимъ страданіямъ, рѣшиться выѣхать два дня спустя по выѣздѣ ея величества. Я приказалъ людямъ моимъ быть въ готовности и написалъ г. Олсуфьеву выслать мнѣ восемь лошадей для двухъ каретъ. Брѣвко подтянувшись ремнемъ, я велѣлъ нести себя въ карету, гдѣ сначала было мнѣ лучше, чѣмъ въ постели и на пятый день по выѣздѣ, приѣхали въ Петербургъ безъ всякихъ приключеній и безъ особенныхъ болей. Жена моя нашла меня скорченнымъ и сильно исхудавшимъ. Обнявъ ее и дѣтей, которыхъ я почти уже не надѣялся увидѣть, я не потерялъ надежду удалиться на родину.

Я писалъ еще прежде къ другу моему г. Де-Карро изъ Москвы во время болѣзни, прося его доставить мнѣ свѣдѣнія, какъ мнѣ можно будетъ существовать при буржуазномъ образѣ жизни, и какая сумма потребуется, чтобы прожить въ Женевѣ съ пятью дѣтьми? Я получилъ отъ него отвѣтъ спустя нѣсколько дней послѣ моего приѣзда въ Петербургъ. Убѣдившись, что я могу увезти съ собой нѣсколько болѣе, чѣмъ я думалъ, я уже не терялъ изъ вида моего плана и работалъ надъ нимъ, никому о немъ не говоря, кромѣ г. Гессе, котораго я просилъ помедлить нѣсколько мѣсяцевъ своимъ отвѣдомъ. Я сообщилъ ему мое намѣреніе. Онъ вполне одобрилъ его, и я поручилъ ему заказать двѣ кареты, годныя для такого долгаго пути, съ полозьями для ѣзды по снѣгу и хорошими колесами, съ удобнымъ помѣщеніемъ, куда бы можно было положить порядочной запасъ провизіи.

Самъ же я принялся усердно, исключительно съ этой цѣлью, обрабатывать свой планъ отъѣзда, чувствуя, что могу имѣть ус-

пѣхъ, и что, хотя я отступаюся отъ трехъ четвертей моего состоянія, не считая трудовъ и уловокъ, которые понадобятся, чтобы добиться своего; но ничто это меня не пугало, только бы Богъ далъ мнѣ достаточно силы, чтобы выдержать все это. Одна сумма, которую мнѣ слѣдовало получить за андреевскій орденъ отъ ея величества, могла быть мнѣ препятствіемъ, если бы замедлили выдать мнѣ ее. Вотъ почему, чтобы добиться этихъ денегъ, я намѣревался пожертвовать всѣмъ барышомъ, который я бы могъ получить отъ этой работы, сообразивъ, что хлопоты могутъ мнѣ стоить тоже.

Я отправился въ камергеру Бецкому, которому объяснилъ, каковой убытокъ я терплю отъ замедленія этой уплаты и просилъ его принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Я ему сказалъ, что пожертвую тысячу рублей на воспитательный домъ (L'hôpital des enfants trouvés), проектъ котораго онъ составилъ, и котораго директоромъ, по назначенію императрицы, былъ сдѣланъ самъ Бецкій. Я замѣтилъ, что это его сильно подзадорило.

Бецкій обѣщалъ мнѣ поговорить съ императрицей въ тотъ же день, и просилъ меня въ тотъ же вечеръ вернуться къ нему, что я и непреминулъ сдѣлать.

Онъ объявилъ, что ея величество сказала, что надо обратиться къ Олсуфьеву и посмотреть, не можетъ ли онъ найти денегъ въ какихъ-нибудь коллегіяхъ, чтобы мнѣ заплатить, и чтобы я самъ отправился къ Олсуфьеву съ просьбою выдать деньги. Я зналъ, что Олсуфьевъ ничего не сдѣлаетъ, если не обѣщать ему хорошихъ денегъ, поэтому прямо предложилъ ему двѣ тысячи рублей для него самого, если онъ найдетъ средство достать мнѣ эту сумму*).

Олсуфьевъ отвѣчалъ мнѣ, что могу быть увѣренъ, что онъ отъ всей души приметъ въ моемъ дѣлѣ участіе, и что, если я могу вечеромъ явиться въ большую дворцовую залу на маскарадъ, онъ мнѣ дастъ отвѣтъ. Онъ указалъ мнѣ на какомъ мѣстѣ я его найду и сказалъ въ какомъ костюмѣ онъ будетъ. Часамъ къ шести вечера я отправился туда замаскированный и дѣй-

*) Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ, дѣйств. тайн. сов. и статсъ-секретарь, управлялъ собственною канцеляріею Екатерины II и пользовался особенною ея довѣренностью. † 1784 г.

ствительно нашелъ его на указанномъ мѣстѣ. Какъ только онъ увидѣлъ меня, онъ пошелъ ко мнѣ на встрѣчу и сказалъ:

— «Ваше дѣло сдѣлано. Я объявилъ ея величеству, что могу достать эту сумму, изъ коллегіи финансовъ (collège de la monnaie), но мѣдными деньгами. Она мнѣ передала вашъ счетъ и подписала его. Приходите завтра поутру ко мнѣ, я вамъ дамъ записку на полученіе денегъ».

Хотя это было для меня хорошимъ извѣстіемъ, но мнѣ не-пріятно было получить деньги мѣдью уже потому, что на нихъ долженъ былъ потерять 5 проц. при размѣнѣ на векселя въ Голландію (pariers de Hollande).

Я расплатился съ моими московскими кредиторами деньгами, которыя мнѣ удалось получить отъ нѣкоторыхъ наиболѣе честныхъ вельможъ и отъ мелкихъ вещей, проданныхъ мною императрицѣ.

Когда я нѣсколько поосвободился съ этой стороны, я провѣрилъ, сколько я еще долженъ моимъ заграничнымъ пріятелямъ, что составляло только половину долга мнѣ со стороны вельможъ, и убѣдился, что въ крайнемъ случаѣ могу расплатиться двумя остальными третями, которыя еще приходилось получить изъ кабинета въ счетъ долга покойнаго императора, который былъ имъ подписанъ, не касаясь суммы, которую я намѣревался отложить на жизнь въ Швейцаріи, если Богу угодно было бы позволить мнѣ возвратиться на родину.

Ободренный этими соображеніями, я сталъ дожидаться благопріятнаго случая, чтобы на свободѣ переговорить съ императрицей и просить у нея позволенія стѣздить за границу на шесть мѣсяцевъ для здоровья и приведенія въ порядокъ дѣлъ моихъ съ моими корреспондентами, чтобы этимъ получить возможность, по возвращеніи моемъ, лучше служить ей. Случай къ тому не замедлил представиться.

Я имѣлъ счастье застать императрицу одну въ ея комнатѣ и сказалъ ей все, что я сейчасъ написалъ, не упоминая о моемъ семействѣ.

Она весьма милостиво отвѣчала мнѣ, что если это путешествіе необходимо для восстановленія моего здоровья, и если я обещаю ей въ скоромъ времени возвратиться, то она не откажетъ мнѣ въ моей просьбѣ.

— «А скоро ли вы собираетесь ѣхать?»

— «Такъ скоро, какъ только будетъ мнѣ возможно, ваше величество, и доктора говорятъ, что мнѣ не слѣдуетъ медлить отъѣздомъ на воды въ Спа, которыя будутъ для меня цѣлительны».

Я воротился домой вполне довольный этимъ началомъ. Тогда только я сообщил о моемъ намѣреніи женѣ моей, и сказалъ ей, что она вѣрно сама замѣчаетъ, что состояніе здоровья моего не позволяетъ мнѣ болѣе ни работать, ни переносить неприятности, которымъ я безпрестанно подвергаюсь, съ опасностью сверхъ того потерять остатокъ всего, что я собиралъ тридцатью годами труда; что ей долженъ быть извѣстенъ мой образъ мыслей на счетъ ея и нашихъ дѣтей, такъ какъ она уже столько разъ имѣла въ томъ доказательство, и что я надѣюсь, что Богъ, по милости своей, дозволитъ мнѣ воспитать ихъ на деньги, оставшіяся мнѣ, такъ чтобы они когда-нибудь имѣли возможность честнымъ образомъ заработать себѣ кусокъ хлѣба съ помощью того, что я имъ оставилъ, да еще обезпечить и ее, если Богъ призоветъ меня къ себѣ. «Ваша дружба ко мнѣ заставляетъ меня надѣяться, что вы не доставите мнѣ огорченія полагать, что вы не одинаковаго со мною мнѣнія, такъ какъ я не имѣю другой цѣли, кромѣ вашего блага и пользы нашихъ дѣтей; и такъ, помогите же мнѣ, чтобы я не изнемогъ, чтобы я не палъ подъ бременемъ претерпѣнности, которое еще предстоитъ мнѣ претерпѣть, чтобы достигъ цѣли, мною себѣ поставленную; приготовьте все, что нужно, чтобы прилично одѣть нашихъ дѣтей на столь долгое путешествіе. Закажите нѣсколько сундуковъ, уложите въ нихъ бѣлье и платье и все, что у насъ есть лучшаго. Можно будетъ ихъ отправить моремъ въ Любекъ, а оттуда я распоряжусь, чтобы ихъ послали на возахъ въ Женеву. Но нужно все это дѣлать потихоньку, чтобы даже слуги объ этомъ не знали. Не выносите изъ дома ничего, изъ мебели, чтобы не дать поводъ заподозрить, что мы не намѣрены возвратиться. Я оставляю здѣсь Матюи и Ваутаха; пусть они вступятъ въ компанію и остаются въ домѣ въ такомъ видѣ, какъ онъ есть; съ ними я заключу тайный договоръ, чтобы всѣ думали, что я возвращусь, и предоставляю имъ продолжать дѣло на ихъ собственный счетъ. Я объ этомъ ужъ списался съ моими корреспондентами».

Сдѣлавъ все, что я считалъ своей обязанностью сдѣлать по части приготовления къ дорогѣ, я постарался найти средство поговорить съ императрицей частнымъ образомъ.

Я отправился во дворецъ въ такой часъ, въ который надѣялся застать ея одну. Я взялъ съ собою портретъ, осипанный брильянтами, который она мнѣ заказала для графа Moggis, посланника вѣнскаго двора, на восемь тысячъ рублей.

Она очень похвалила работу. Я воспользовался минутой и сказалъ ей, что эти деньги были бы мнѣ крайне кстати на дорогу, такъ какъ я почти безъ денегъ, и еще попросилъ ее сообразовывать выдать мнѣ собственноручную записку на получение отъ вице-канцлера Голицына такого паспорта, какого я отъ него пожелаю и позволить себя титуловать въ паспортѣ ея ювелиромъ, что избавило бы меня отъ многихъ задержекъ и придирокъ со стороны Сената, если мнѣ пришлось бы обратиться къ нему.

— «Видно надо сдѣлать по вашему, сказала она: ступайте, принесите мнѣ чернильницу и вонъ ту бумагу».

Я поставилъ чернильницу и положилъ бумагу передъ ней.

Она мнѣ дала записку къ вице-канцлеру и написала другую записку г. Олсуфьеву, которому приказала выдать мнѣ восемь тысячъ за портретъ.

— «Вотъ и другая; довольны ли вы мною, спросила она. Кажется все для васъ дѣлаю. Думаете ли вы быть въ Парижѣ проездомъ?»

Я отвѣтилъ, что надѣюсь увидать Женеву, родину мою, и будучи такъ близко отъ Парижа, я не премину проѣхать туда.

— «Ну такъ я вамъ дамъ двѣ медали съ моимъ портретомъ; одну вы отдадите отъ моего имени г. Даламберу, а другую г. Де-Вольтеру, женевскому гражданину. Желаю вамъ добраго пути и скорого возвращенія».

Я простился съ нею, цѣлуя у нея руку и благодаря за всѣ ея милости.

Я не могъ удержаться отъ слезъ и только съ трудомъ могъ скрыть ихъ прежде, чѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Я тотчасъ же отправился къ вице-канцлеру князю Голицыну (Galizin), которому вручилъ записку. Онъ мнѣ сказалъ:

— «Уж если вы разъ выберетесь отсюда, вы уже не возвратитесь».

Я отвѣчалъ ему, что оставляю все мое имущество и имущество моихъ пріятелей въ рукахъ вельможъ, и что по этому нечего бояться, чтобы я не воротился, развѣ только если постигнетъ меня смерть.

— Какой же вы хотите паспортъ?

— «Прошу ваше сіятельство включить въ него жену мою и дѣтей, которыхъ я везу въ Ливонію къ ея сестрѣ и которыхъ я рассчитываю захватить на возвратномъ пути».

Еще сообщилъ я ему, что ея величество даетъ мнѣ отпускъ на шесть мѣсяцевъ, съ титуломъ ея ювелира, что и просилъ я его включить въ паспортъ, и объявилъ, что, оставивъ двухъ прикащиковъ у себя дома, для того, чтобы исполнять заказы ея величества до моего возвращенія, я надѣюсь, что паспортъ мнѣ будетъ выданъ немедленно по приказанію ея величества, съ которой я уже простился.

Князь Голицынъ отвѣчалъ, что пришлетъ паспортъ ко мнѣ съ секретаремъ, что и сдѣлалъ въ тотъ же день, но опустилъ титулъ ювелира ея величества. Я возвратилъ паспортъ и поручилъ сказать ему, что такъ какъ ея величество приказала вставить этотъ титулъ, то я буду въ необходимости жаловаться ей, если мнѣ паспортъ не будетъ высланъ такой, какой я желаю. Послѣ того я уже ни о чемъ не думалъ, какъ о приготовленіяхъ къ скорѣйшему отъѣзду.

4-го января 1764 года я отправилъ жену и дѣтей моихъ, велѣвъ имъ дожидаться меня въ шести льѣ отъ города у одного моего пріятели, у котораго была ситцевая фабрика, у самой дороги, по которой мнѣ приходилось проѣхать съ г. Гессе. Я рассчитывалъ самъ пріѣхать къ нимъ къ вечеру, только цѣлный день долженъ былъ провозиться съ прикащикомъ. Въ два часа по полуночи у меня дѣло еще не было кончено и домъ былъ полонъ народа.

Я понялъ, что всегда такъ будетъ, если я стану медлить отъѣздомъ, что нужно рѣшиться и оставить все на произволь судьбы.

Я велѣлъ кучеру приготовить карету, заперся на минуту въ своемъ кабинетѣ, чтобы ввѣрить себя благодати Владыки су-

дебъ моихъ, и вышелъ оттуда прямо въ карету. Я обнялъ всѣхъ моихъ друзей, простился со всѣми моими слугами, которые плакали такъ, что надрывали мнѣ сердце, и приѣхалъ къ семейству моему только въ шесть часовъ утра. Мои очень мнѣ обрадовались. Я часа два отдохнулъ, потомъ мы закусили; намъ приготовилъ завтракъ пріятель нашъ. Этимъ временемъ я велѣлъ закладывать карету и, простившись съ нашими пріятелями, выѣхали въ десять часовъ утра.

Не стану описывать нашего путешествія, которое, несмотря на всѣ предосторожности, принятыя мною, было весьма тяжело и стоило мнѣ много денегъ и заботъ; дочери мои описали его. Какъ только мы приѣхали на границу Пруссіи, я брильянтомъ написалъ на оловномъ стеклѣ гостинницы: «Après trente ans de larmes, de peines et travaux, je vais chercher un lieu, où je puisse en repos prier l'Être Suprême d'y adoucir mes maux».

Въ мартѣ мѣсяцѣ (1764 г.) мы приѣхали въ Женеву, гдѣ я остановился у пріятеля моего, капитана де-Карро, которому я писалъ съ дороги къ какому времени приблизительно я думаю приѣхать. Онъ приготовилъ мнѣ помѣщеніе въ своемъ домѣ.

Я благодарилъ Бога за милость его, дозволившаго увидѣть мою родину мнѣ и семейству моему, и не переставалъ молить его оказать мнѣ еще и ту милость, чтобы я передъ смертію зналъ, что всѣ мои счастливы и довольны судьбой своей, занимаются работой и извлекаютъ пользу изъ попеченій прилагаемыхъ мною, и что они могутъ честнымъ образомъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба при помощи того, что я имъ оставилъ *).

Сообщ. академикъ А. А. Кунинъ.

*) Какъ видно изъ завѣщанія Позье, находящагося въ концѣ его записокъ, и которое мы не находимъ нужнымъ переводить, бывшій брильянщикъ русскаго двора жилъ на родинѣ вполне обеспеченнымъ. Онъ имѣлъ свой домъ, отдавалъ квартиры въ наемъ, и имѣлъ большія суммы денегъ, которыя и завѣщалъ многочисленнымъ членамъ своей фамиліи и разнымъ общественнымъ учрежденіямъ въ Женевѣ.